



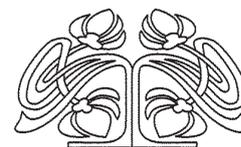
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования  
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

# ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,  
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004



Научный журнал  
2018 Том 18  
ISSN 1819-7671 (Print)  
ISSN 2542-1948 (Online)  
Издается с 2005 года

## СОДЕРЖАНИЕ

### Научный отдел

#### Философия

- Ашуралиева Р. К.** Культура как методологическая новация в контексте философской рефлексии 242
- Веретенников Н. Я.** Онтология ландшафта: пространственно-временной континуум 247
- Губанова А. С.** Интернет-технологии как продолжение человеческого тела: социально-философский анализ 252
- Клёцкин М. В.** Ценностное отношение и познание 256
- Котляр П. С.** Рефлексия медийного: дискурсы медиаграмотности 261
- Ломако О. М.** Мировое общество риска в политической философии Ульриха Бека: логика и ирония 265
- Муштей Н. А.** Партиципативное взаимодействие и социальная стигмергия как процессы социальной самоорганизации в современном обществе 270
- Постнов С. В.** К проблеме особенностей экзистенциальной философии Н. А. Бердяева 275
- Рожков В. П.** Демократия в концепциях альтернативных направлений русской философии конца XIX – первой половины XX столетий 278
- Татьянин О. О.** Рецепция взглядов Г. Тарда в современном социально-философском дискурсе 282
- Тихонова С. В.** Конкуренция науки и лженауки в эпоху постправды 287
- Филимонова О. Ф.** Пустое место: голос социальной реальности 292

#### Психология

- Белых Т. В., Князев Е. Б.** Прогностическая модель выявления склонности к подчиняемости личности у девушек студенческого возраста 298
- Григорьева М. В.** Теоретический анализ проблемы реализации дискриминационных установок личности в поведении 305
- Фадеева Т. Ю.** Содержательно-смысловые характеристики представлений студентов о надежде 311
- Федусенко А. В.** Социально-психологические детерминанты представлений о ревности 319
- Фролова С. В.** Социальная идентичность и приверженность своей стране: концептуальные и эмпирические основания анализа соотношения конструктов 326
- Ярошенко Е. И.** Социально-психологические особенности проявления феномена эмоционального выгорания на различных этапах трудового стажа сотрудников пенитенциарных учреждений 333

#### Педагогика

- Богачева Е. А.** Современный имидж куратора студенческой группы 339
- Логонова В. С.** Антропологический подход к освоению историко-педагогических знаний в контексте гуманизации образования 344
- Лыгарева Н. Б.** К вопросу о профессиональных стандартах в сфере туризма 349
- Семина М. А.** Профессионально направленная непрерывная математическая подготовка в системе «школа – технический вуз» на основе укрупнения дидактических единиц 354

### Приложения

#### Научная жизнь

- Александрова Е. А.** Гуманизация образовательного пространства: итоги международного форума 359

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 09.00.00 – философские науки; 19.00.00 – психологические науки; 13.00.00 – педагогические науки)

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56168 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36014, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

#### Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

#### Редактор

Гаврина Марина Владимировна

#### Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

#### Редактор-стилист

Степанова Наталия Ивановна

#### Верстка

Ковалева Наталья Владимировна

#### Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

#### Корректор

Гаврина Марина Владимировна

#### Адрес учредителя, издателя и издательства:

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 28.08.18

Формат 60×84 1/8.

Усл. печ. л. 14,85 (15,5).

Тираж 500 экз. Заказ 110-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

#### Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2018



## ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;
- на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегиям серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

- аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;
- в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: [http://old.sgu.ru/massmedia/izvestia\\_ppp/additional/33115](http://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115)

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: [arogia@inbox.ru](mailto:arogia@inbox.ru); 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

## CONTENTS

### Scientific Part

#### Philosophy

- Ashuralieva R. K.** Culture as a Methodological Innovation in the Context of Philosophical Reflection 242
- Veretennikov N. Ya.** Landscape Ontology: Existential Continuum 247
- Gubanov A. S.** Internet-technology as a Human Body Extension: Social-Philosophical Analysis 252
- Kletsin M. V.** Value Relation and Cognition 256
- Kotlyar P. S.** Reflections on the Media: Discourses of the Media Literacy 261
- Lomako O. M.** World Risk Society in Ulrich Beck's Political Philosophy: Logic and Irony 265
- Mushtey N. A.** Participative Interaction and Social Stigmaring as Processes of Social Self-organization in Modern Society 270
- Postnov S. V.** To the Problem of the Features of Existential Philosophy of N. A. Berdyaev 275
- Rozhkov V. P.** Democracy at the Concepts of the Alternative Directions in the Russian Philosophy (at the End of XIX – First Half of XX Centuries) 278
- Tatjanin O. O.** The Reception of G. Tard's Views in Contemporary Social and Philosophical Discourse 282
- Tikhonova S. V.** The Competition Between Science and Pseudoscience in the Post-truth Era 287
- Filimonova O. F.** Empty Place: the Voice of Social Reality 292

#### Psychology

- Belykh T. V., Knyazev E. B.** Predictive Model for Identifying the Inclination to Subordinate in Girls of Student Age 298
- Grigoryeva M. V.** Theoretical Analysis of the Problem of Realization of Discriminatory Attitudes of the Person in Behavior 305
- Fadeeva T. Yu.** Substantial and Semantic Characteristics of Students' Ideas About Hope 311
- Fedusenko A. V.** Social and Psychological Determinants of the Representations about Jealousy 319
- Frolova S. V.** Social Identity and Commitment to One's Country: Conceptual and Empirical Basic for Analysis of Correlation Between Constructs 326
- Yaroshenko E. I.** Social and Psychological Features of Emotional Burnout at Various Stages of Seniority of Correctional Staff 333

#### Pedagogy

- Bogacheva E. A.** Modern Image of the Curator of Student's Group 339
- Loginova V. S.** Anthropological Approach to the Development of Historical and Pedagogical Knowledge in the Context of Humanization of Education 344
- Lygareva N. B.** On the Issue of Professional Standards in the Field of Tourism 349
- Semina M. A.** Professionally – Oriented Ongoing Mathematical Education in "School – Technical University" System in Terms of Teaching Units Integration 354

### Appendices

#### Scientific Life

- Aleksandrova E. A.** Humanization of the Educational Space: the Findings of the International Forum 359



**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА  
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.  
СЕРИЯ: ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА»**

**Главный редактор**

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

**Заместитель главного редактора**

Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

**Ответственный секретарь**

Данилов Сергей Александрович, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

**Члены редакционной коллегии:**

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)  
Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)  
Афанасьева Вера Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)  
Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)  
Боско Джеймс, Ed.D, профессор (Мичиган, США)  
Варламов Дмитрий Иванович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)  
Гасилин Владимир Николаевич, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)  
Гобозов Иван Аршакович, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)  
Гриценко Валентина Васильевна, доктор психол. наук, профессор (Москва, Россия)  
Железовская Галина Ивановна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)  
Жуковский Владимир Петрович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)  
Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)  
Мартынович Сергей Федорович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)  
Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)  
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)  
Рязанов Александр Владимирович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)  
Стеклова Ирина Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)  
Стризов Александр Леонидович, доктор филос. наук, профессор (Волгоград, Россия)  
Тельтевская Нателла Ваханговна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)  
Филимонова Ольга Федоровна, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)  
Фролова Светлана Владимировна, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)  
Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)  
Чумаков Александр Николаевич, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)  
Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL  
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.  
SERIES: PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY»**

**Editor-in-Chief** – Vladimir B. Ustiantsev (Saratov, Russia)

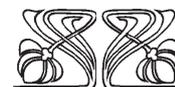
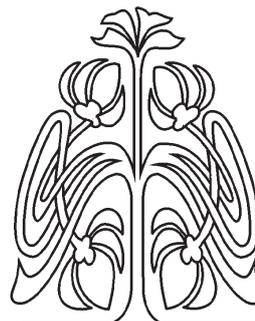
**Deputy Editor-in-Chief** – Evgeniya V. Listvina (Saratov, Russia)

**Executive Secretary** – Sergey A. Danilov (Saratov, Russia)

**Members of the Editorial Board:**

Liudmila N. Aksenovskaya (Saratov, Russia)  
Ekaterina A. Aleksandrova (Saratov, Russia)  
Vera V. Afanasyeva (Saratov, Russia)  
Ekaterina I. Balakireva (Saratov, Russia)  
James Bosco G. (Michigan, USA)  
Dmitry I. Varlamov (Saratov, Russia)  
Vladimir N. Gasilin (Saratov, Russia)  
Ivan A. Gobozov (Moscow, Russia)  
Valentina V. Gritsenko (Moscow, Russia)  
Galina I. Zhelezovskaya (Saratov, Russia)  
Vladimir P. Zhukovsky (Saratov, Russia)  
Igor I. Kalnoy (Simferopol, Russia)

Sergei F. Martynovich (Saratov, Russia)  
Mikhail O. Orlov (Saratov, Russia)  
Elena V. Ryaguzova (Saratov, Russia)  
Alexander V. Ryazanov (Saratov, Russia)  
Irina V. Steklova (Saratov, Russia)  
Alexander L. Strizoe (Volgograd, Russia)  
Natella V. Teltevsckaya (Saratov, Russia)  
Olga F. Filimonova (Saratov, Russia)  
Svetlana V. Frolova (Saratov, Russia)  
Igor A. Furmanov (Minsk, Belarus)  
Alexander N. Chumakov (Moscow, Russia)  
Rail M. Shamionov (Saratov, Russia)



**РЕДАКЦИОННАЯ  
КОЛЛЕГИЯ**





## ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.2

### КУЛЬТУРА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ НОВАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

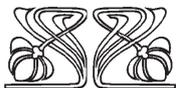
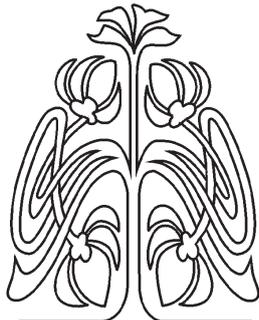
Р. К. Ашуралиева

Ашуралиева Румина Касумовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры философии, Дагестанский государственный технический университет, Махачкала, ashuralieva13@mail.ru

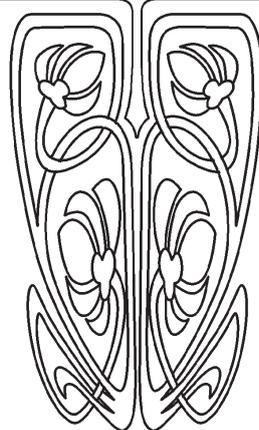
Статья посвящена концептуализации феномена культуры. Поставленная задача включает в себя, во-первых, анализ культуры как философского феномена, во-вторых, осмысление культуры с позиций методологической новации в контексте философской рефлексии. На основе проведенного анализа сделан вывод, что в настоящее время культура в недостаточной степени интегрирована в философский дискурс, потому что по сравнению с философией культурология является результатом неклассической социально-гуманитарной научной рефлексии, соответственно, самостоятельный научный статус она приобрела относительно недавно, в рамках мультидисциплинарного и межпредметного полей исследования в традиции многообразных социально-философских концепций. Обосновано, что в русле теоретического осмысления философия культуры выступает как результат инновационного философского мышления, которое стремится обозначить себя в рамках социально-гуманитарного знания. Поэтому культура как методологическая новация в русле философской рефлексии должна обладать новой методологией и техникой исследования, подразумевающими выявление направлений развития инновационной деятельности в культурологии, установление мировоззренческих, теоретико-методологических и прикладных основ инновационной культурологической деятельности, а также институциональных условий, благодаря которым происходит развитие инновационной деятельности и инновационных процессов в культуре.

**Ключевые слова:** культура, культурология, философия культуры, методологическая новация, цивилизация, философская рефлексия.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-242-246



НАУЧНЫЙ  
ОТДЕЛ



На современном этапе развития цивилизации человечество переживает период, аналогов которому не наблюдается в мировой истории, – переходный период от индустриального способа производства к постиндустриальному, «время отказа от прежних парадигм социокультурного прогресса и поиска новых, удовлетворяющих изменившимся социально-историческим условиям» [1]. В отличие от многовековой истории развития философской мысли культурология представляет собой результат неклассической социально-гуманитарной научной рефлексии прошлого века, и стоит заметить, что буквально несколько десятилетий назад она приобрела свой, относительно завершённый, научный статус в мультидисциплинарном и межпредметном поле исследовательских традиций различных социально-философских направлений.

Что же представляет собой культура как философский феномен? Прежде всего, под культурой принято понимать специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, основанный на воспроизведении высших смыслов человеческого бытия. «Культура – способ организации и развития человеческой деятельности, представленной в продуктах материального и духов-



ного труда в системе сознания людей, норм и ценностей, в отношениях к природе, самому себе и другим людям» [2, с. 345]. Культура выступает неким связующим, опосредующим звеном между обществом и природой, а основанием такого симбиотического объединения является человек как субъект деятельности, когнитивного познания, переживания и межличностного общения. Философия культуры как новация представляет собой результат объективизации, материального воплощения человеческих целей, ценностных ориентаций, переживаний и стремлений к социальной безопасности [3].

Культура в контексте философской рефлексии – это не просто методологическая база культурологии, но и важнейшее условие ее законного существования на правах академической и научной дисциплины. Философия культуры, как указывает Т. В. Мордовцева, представлена двумя основными направлениями. Первое связано с историей философских учений о культуре, и в этом случае она непосредственно относится к истории философии, поскольку артикулирует себя в качестве философского учения среди ряда других об обществе. Второе направление сопряжено с теорией культуры, ориентированной на разработку теоретико-методологического инструментария культурологического знания. Именно в этом качестве философия культуры уже является продуктом инновационного философского мышления, которое стремится выявить себя в рамках социально-гуманитарного знания [4].

Такого рода опыт философской рефлексии в поле мультидисциплинарного и межпредметного знания А. М. Старостин предлагает называть и считать «философской инноватикой». Под последней, по его мнению, принято понимать использование «философских знаний и методов к той или иной, востребующей их области человеческой деятельности» [5, с. 8]. В современной культурологической риторике, средствах массовой информации постоянно активно употребляются термин «инноватика» и другие понятия, сопряженные с ним – «инновационность», «инновационный подход» [6], «инновационная социальная среда», «инновационная культура», «инновационное образование» и т. д.

Сегодня, как подчеркивает Т. В. Соболев, инновация становится составной частью «общественной системы, которая эволюционирует как механизм преобразований, создает предпосылки для социокультурных изменений различного масштаба, зависит от человеческой способности к творчеству и возможностей общества принимать или адаптировать результаты этого творчества» [7].

В рамках данной статьи инновационная деятельность рассматривается в русле культурологического и философского знания. С позиций философского осмысления, по мнению Е. В. Михайловой, преобладает понимание инновации как качественной характеристики общества, культуры, цивилизационного развития, иного пласта, нового уровня работы с новыми содержаниями, как анализа и философской рефлексии инновационных возможностей культуры [8].

Все это детерминирует несомненную актуальность исследования философии культуры как новации. Новация включает в себя новое знание, метод его применения, она является оформленным результатом фундаментальных, прикладных исследований, разработок. При этом философами и культурологами подчеркивается, что новации, в том числе и методологические, будучи стратегией современного информационного общества, весьма тесно связаны с философскими знаниями и с их безусловной фундаментальной и практической значимостью. Это, в свою очередь, приводит к развитию особой формы духовно-прикладного освоения социальной реальности [9].

Как подчеркивает А. М. Старостин, в фокусе внимания современной фазы гуманитарных инноваций оказывается когнитивная гуманитарная наука, направленная на исследования и разработки в сфере гуманитарного (социокультурного) мышления, восприятия, принятия решений в рамках сложнейшего рефлексивного взаимодействия. И в таком контексте весьма важными представляются практическая востребованность инструментария, а также опыт философской инноватики, прежде всего [10, с. 9].

Говоря о новациях с точки зрения философской рефлексии, нетрудно заметить, что в последнее время особое внимание стало уделяться изучению социокультурных инноваций. Их специфика заключается в том, что в центре внимания находится человек, а социокультурные инновации предполагаются как определенные нововведения в социокультурной жизнедеятельности индивида. В целом философское осмысление методологических новаций сводится к рассмотрению вопроса о необходимости инноваций в бытии человека и их включенности в социокультурную жизнедеятельность [11].

Как философская категория «инновационная культура отражает возможность выходить за рамки традиционного мышления и с помощью нового мировоззрения и ценностей внедрять в существующую практику такие нововведения, благодаря которым в обществе происходят позитивные изменения» [7]. Очевидным становится кардинально переосмысленное понятие «иннова-



ции» в различных вариантах постмодернистской ориентации в философском знании: например, К. Поппер анализирует знание не только как готовую систему, но как изменяющуюся, развивающуюся и подвергающуюся инновационным воздействиям. Этот аспект философского анализа К. Поппер представил в форме концепции роста научного знания, утверждая, что выдвигание на первый план трансформации научного знания, его роста и прогресса может в некоторой степени противоречить распространенному идеалу науки как систематизированной дедуктивной системы.

В рамках системы государственного управления в современной России «сформированы и культивируются технологии массового производства знания и новых проблем и задач, решение которых приводит и к обновлению представлений о реальности, и обновлению системы социокультурного, политического, экономического бытия человека» [12, с. 3]. Методологической базой философской инноватики является принцип переключения с мыследеятельной, умозрительно-созерцательной установки на проектную. Отсюда следует, что культурологическая инноватика с позиций философской рефлексии становится сферой интеллектуальных и прагматических разработок междисциплинарного характера, реализуемых при помощи инструментария философской рефлексии.

С позиций философской рефлексии, как отмечает в своей статье В. Н. Даренская, ценностно-смысловое ядро традиционной культуры опирается на принципы иерархичности бытия, множественности уровней сознания и трансценденции как высшего смысла культуры [13, с. 36]. Причем наследование культуры, по мнению А. С. Тимошук, базируется на нарративах, транслирующих многообразие сакральных и профанных смыслов [14]. Этот тип культуры весьма актуален для современной новационной методологической философской рефлексии.

С помощью философского осмысления в понятие «культура» вводится аксиологический, оценочный компонент, который соотносится с понятием «цивилизация». Однако здесь возможны различные подходы: в первом случае цивилизация отождествляется с определенной степенью в развитии культуры тех или иных народов (П. Сорокин, А. Тойнби); во втором рассматривается как конкретный этап общественного развития, наступивший после эпохи дикости и варварства (Ф. Энгельс). В третьем случае цивилизация истолковывается как ценность всех культур мультикультурального пространства, т. е. подчеркивается их единый общечеловеческий характер (К. Ясперс). В четвертом случае цивилизация трактуется в качестве конечного момента в развитии культуры того или иного народа, обо-

значающего ее упадок (О. Шпенглер). Наконец, в пятом случае цивилизация рассматривается как высокая степень материальной жизнедеятельности человека: как технологии социально-экономических и политических отношений и учреждений, а культура при этом истолковывается как проявление нравственно-духовной сущности человека (С. Булгаков, Н. Бердяев).

Надо сказать, что научный статус культурологии оформился в первой половине прошлого столетия и его формирование связано, как минимум, с четырьмя тенденциями: первая свидетельствует о систематизации полевых исследований социальных антропологов, расширении спектра теоретических задач этнологии и становлении такой ветви научного знания, как культурантропология. Другая тенденция знаменует результат научной дифференциации социально-гуманитарных наук об обществе и человеке (индивиде), в области которых возникли концептуальные теории и учения, обосновывающие научную важность и актуальную социальную необходимость культурного измерения различных социальных процессов, а также антропогенеза в целом. Все это послужило толчком к возникновению философии культуры и социологии культуры как определенных новационных дисциплин. Что касается третьей тенденции, то она совпала с поиском новых объектов исследования частных наук и отраслей научного знания, в частности, таким путем были сформированы лингвокультурология, семиотика культуры, теория диалога культур, психология культуры, социология культуры и пр. Четвертая тенденция оформления статуса культурологии характеризуется тем, что в течение всего прошедшего столетия наблюдался процесс образования понятийно-категориального аппарата культурологии и некоторые специфичные для системы культурологического знания категории были заимствованы другими общественными и социально-гуманитарными науками. Например, в научный оборот современной политической социологии, социальной педагогики, социологии культуры, социальной психологии и социальной антропологии вошли такие понятия, как: межкультурная коммуникация, культурная политика, политико-культурологическая риторика, социально-психологическое и культурное наследие, мультикультуральное пространство, социокультурные явления и процессы, антропогенные культурные процессы и др. Кроме того, существует и инновационная трансформация научных отраслей, опирающихся на культурологию как собственный теоретико-методологический фундамент. В число таких научных отраслей входят этнопсихология, этносоциология, этноконфликтология, культурология права и некоторые другие.



Приобщение к социокультурному достоянию человеческой цивилизации, сконцентрированное в каждом из локальных местоположений культуры, так или иначе способствует истолкованию смысла жизни и постижению экзистенциального бытия личности.

К социокультурной и философской методологической инноватике стоит отнести широко применяемые в культурологической, социально-философской практике виды действий, базирующиеся на научных исследованиях и разработках и систематизированные в культурологической практике, в частности: новые социокультурные технологии, методы и методики социокультурного планирования и проектирования, методы и методики образовательной культурологической деятельности в контексте различных культурно-образовательных систем.

Культура как методологическая новация в контексте философской рефлексии предполагает новые методы и техники исследования интегративных междисциплинарных и межуровневых когнитивных конструкций, результатами которых является: 1) раскрытие существенных тенденций развития инновационной деятельности в культурологии; 2) выявление мировоззренческих, теоретико-методологических научных и прикладных оснований инновационной культурологической деятельности и инновационных культурных продуктов; 3) обнаружение ценностных, институциональных условий, способствующих развитию инновационной деятельности и инновационных процессов в культуре.

### Список литературы

1. Егоркин В. Г. Философия инноваций // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2006. № 1. С. 14–25.
2. Дмитриев В. В., Дымченко Л. Д. Основы философии : учеб.-метод. пособие. М., 2001. 379 с.
3. Gafiatulina N. Kh., Imgrunt S. I., Samygin S. I. Social security and social health of Russian society. Saarbrücken, 2017. 124 p.
4. Мордовцева Т. В. Культурология в России : образовательный проект исследования локального места культуры // Тр. Санкт-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств. 2008. Т. 181. С. 233–238.
5. Старостин А. М. Философские инновации : концепция и основные сферы проявлений. Ростов н/Д, 2009. 564 с.
6. Гафиатулина Н. Х. Инновационные подходы к социальному здоровьесбережению в организации непрерывного образования в вузе // Кавказ и мир : междунар. науч. журн. 2014. № 17. С. 255–260.
7. Соболев Т. В. Философский анализ содержания понятий «культура», «инновация» и «инновационная культура» // Молодой ученый. 2014. №13. С. 337–341. URL: <https://moluch.ru/archive/72/12310/> (дата обращения: 17.02.2018).
8. Михайлова Е. В. Понятие «инновация» в контексте философского, культурологического и социологического подходов // SWorld : сб. науч. тр. Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития. 2013. Т. 21, вып. 3 (36). С. 86–91. URL: <http://www.sworld.com.ua/konfer32/239.pdf> (дата обращения: 21.01.2018).
9. Муллахмедова С. С., Шихалиева Д. С., Гафиатулина Н. Х., Загирова Э. М. Духовное развитие личности в условиях модернизации российского общества. Махачкала, 2017. 189 с.
10. Старостин А. М. Философия социально-гуманитарных наук и инноваций: базовые модели // Социально-гуманитарное познание в контексте философской инноватики: сб. тр. Междунар. науч. конф. Ростов н/Д, 2013. С. 9–12.
11. Gibbons M., Limoges C., Nowotny H. The new production of knowledge. The dynamics of science and research in contemporary societies. L. ; New Delhi, 1994. 224 с.
12. Философская инноватика и междисциплинарные проблемы государственного управления в современной России : сб. науч. тр. / отв. ред. А. М. Старостин. Ростов н/Д, 2010. 640 с.
13. Даренская В. Н. Традиционная культура как источник экзистенциального опыта // Вестн. Северного (Арктического) федер. ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1. С. 36–43.
14. Тимошук А. С. Традиционная культура : сущность и существование. Н. Новгород, 2007. 397 с.

### Образец для цитирования:

Ашуралиева Р. К. Культура как методологическая новация в контексте философской рефлексии // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 242–246. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-242-246

### Culture as a Methodological Innovation in the Context of Philosophical Reflection

R. K. Ashuralieva

Rumina K. Ashuralieva, Daghestan State Technical University, 70, Imam Shamil Ave., Makhachkala, 367062, Republic of Dagestan, Russia, ashuralieva13@mail.ru

The article is devoted to the conceptualization of the phenomenon of culture. We set the task. There are the analysis of culture as a philosophical phenomenon firstly, the comprehension of culture from the point of view of methodological innovation in the context of philosophical reflection secondly in this task. We were concluded that the culture is not sufficiently integrated into philosophical discourse at the present time on the basis of the analysis. Culturology is the result of nonclassical social and humanitarian scientific



reflection in comparison with philosophy. Accordingly it acquired an independent scientific status relatively recently in a multidisciplinary and interdisciplinary field of research within the scope of the traditions of diverse social and philosophical concepts. The author concludes that the philosophy of culture is the result of innovative philosophical thinking in the mainstream of theoretical comprehension and it seeks to identify itself within the scope of social and humanitarian knowledge. Therefore, culture as a methodological innovation in the mainstream of philosophical reflection should have a new methodology and technique of research, implying the identification of directions for the development of innovative activities in cultural studies, the establishment of world outlook, theoretical, methodological and applied foundations of innovative cultural activity, as well as the institutional conditions through which innovation develops and innovative processes in culture.

**Key words:** culture, culturology, methodological innovation, the Russian tradition of education, philosophical reflection.

## References

1. Egor'kin V. G. *Filosofiya innovatsiy* [Philosophy of innovation]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye (Terra Humana)* [Society. Environment. Development {Terra Humana}], 2006, no 1. pp. 14–25 (in Russian).
2. Dmitriev V. V., Dymchenko L. D. *Osnovy filosofii* [The foundation of philosophy]. Moscow, 2001. 379 p. (in Russian).
3. Gafiatulina N. Kh., Imgrunt S. I., Samygin S. I. *Social security and social health of Russian society*. Saarbrücken, 2017. 124 p.
4. Mordovtseva T. V. *Kulturologiya v Rossii: obrazovatelnyy proekt issledovaniya lokalnogo mesta kultury* [Culturology in Russia: an educational project for the study of the local place of culture]. *Tr. Sankt-Peterb. gos. un-ta kultury i iskusstv* [Proceedings of the St. Petersburg State University of Culture and Art], 2008, vol. 181, pp. 233–238 (in Russian).
5. Starostin A. M. *Filosofskie innovatsii: kontseptsiya i osnovnye sfery proyavleniy* [Philosophical innovations: the concept and the main spheres of manifestations]. Rostov-on-Don, 2009. 564 p. (in Russian).
6. Gafiatulina N. Kh. *Innovatsionnye podkhody k sotsialnomu zdorovesberezheniyu v organizatsii nepreryvnogo obrazovaniya v vuze* [Innovative approaches to social health conservation in the organization of continuing education in the university]. *Kavkaz i mir: mezhdunar. nauch. zhurn.* [The Caucasus and the World: International Scientific Journal], 2014, no. 17, pp. 255–260 (in Russian).
7. Sobol T. V. *Filosofskiy analiz sodержaniya ponyatiy «kultura», «innovatsiya» i «innovatsionnaya kultura»* (Philosophical analysis of the content of the concepts «culture», «innovation» and «innovative culture»). *Molodoy uchenyy* (Young Scientist), 2014, no. 13. pp. 337–341. Available at: <http://moluch.ru/archive/72/12310/> (accessed 17 February 2018) (in Russian).
8. Mikhaylova E. V. *Ponyatie «innovatsiya» v kontekste filosofskogo, kulturologicheskogo sotsiologicheskogo podhodov* (The concept of «innovation» in the context of philosophical, cultural sociological approaches). *SWorld: sb. nauch. tr. Nauchnye issledovaniya i ikh prakticheskoe primenenie. Sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya* [SWorld: Collection of scientific works. Scientific research and its practical application. Current state and development pathways], 2013, vol. 21, iss. 3 (36), pp. 86–91. Available at: <http://www.sworld.com.ua/konfer32/239.pdf> (accessed 12 January 2018) (in Russian).
9. Mullakhmedova S. S., Shikhaliyeva D. S., Gafiatulina N. Kh., Zagirova E. M. *Dukhovnoe razvitiye lichnosti v usloviyakh modernizatsii rossiyskogo obshchestva* [Spiritual development of personality in the conditions of modernization of Russian society]. Mahachkala, 2017. 189 p. (in Russian).
10. Starostin A. M. *Filosofiya sotsialno-gumanitarnykh nauk i innovatsiy: bazovye modeli* [Philosophy of social and humanitarian sciences and innovations: basic models]. In: *Sotsialno-gumanitarnoe poznanie v kontekste filosofskoy innovatsii*: sb. tr. Mezhdunarod. nauch. konf. [Social and humanitarian knowledge in the context of philosophical innovation: a collection of proceedings of the International scientific conference]. Rostov-on-Don, 2013, pp. 9–12 (in Russian).
11. Gibbons M., Limoges C., Nowotny H. *The new production of knowledge. The dynamics of science and research in contemporary societies*. London, New Delhi, 1994. 224 p.
12. *Filosofskaya innovatika i mezhdistsiplinarnye problemy gosudarstvennogo upravleniya v sovremennoy Rossii*: sb. nauch. tr. [Philosophical innovation and interdisciplinary problems of public administration in modern Russia: Collection of scientific papers]. Ed. by A. M. Starostin. Rostov-on-Don, 2010. 640 p. (in Russian).
13. Darenskaya V. N. *Traditsionnaya kultura kak istochnik ekzistsentsialnogo opyta* [Traditional culture as a source of existential experience]. *Vestn. Severnogo (Arkticheskogo) feder. un-ta. Ser. Gumanitarnye i sotsialnye nauki* [Bulletin of the Northern {Arctic} Federal University. Ser. Humanities and Social Sciences], 2014, no. 1, pp. 36–43 (in Russian).
14. Timoshchuk A. S. *Traditsionnaya kultura: sushchnost i sushchestvovanie* [Traditional culture: essence and existence]. N. Novgorod, 2007. 397 p. (in Russian).

---

## Cite this article as:

Ashuralieva R. K. Culture as a Methodological Innovation in the Context of Philosophical Reflection. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 242–246. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-242-246

---



УДК 502/504

## ОНТОЛОГИЯ ЛАНДШАФТА: ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ КONTИНУУМ

Н. Я. Веретенников

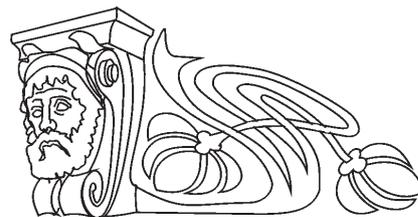
Веретенников Николай Яковлевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, metodnauka@info.sgu.ru

В статье рассматривается феномен пространственно-временного континуума ландшафта. Особое внимание автор уделяет проблеме жизнеустройства человека в сложной системе и совокупности всех компонентов природного и природно-антропогенного ландшафтов. При изложении сущности пространственно-временного континуума ландшафта акцент сделан на исследовании опасной трансформации, которая происходит при антропогенном воздействии на природные комплексы коренного ландшафта, что отрицательно сказывается на условиях жизнедеятельности человека как социального субъекта. Обращается внимание на необходимость более активной экологически ориентированной творческой деятельности по реализации коэволюции при непосредственном взаимоотношении с окружающей природной средой. Подчеркивается решающая роль человека как экзистенциального субъекта, структурирующего весь пространственно-временной континуум ландшафта. Человек должен осознать, что все внешние воздействия на геосистемы конкретной местности сказываются на всей ландшафтной оболочке Земли. Выделен важнейший фактор, влияющий на состояние и функционирование геосистем природных ландшафтов, – климат. Также обосновывается положение, что жизнеустройство человека в природно-территориальном комплексе определяется взаимодействием с местным ландшафтом, учетом особенностей всех его природных компонентов, сложившимися обычаями, традициями, творческими способностями людей, реализуемыми в их деятельности.

**Ключевые слова:** ландшафт, пространство, время, геосистемы, компоненты, природа, социум, экодеятельность, континуум.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-247-251

Жизнь человека начинается и проходит в окружающей ее природной среде, и первой осязаемой реальной действительностью, с которой он соприкасается, является ландшафт. Но современные чрезмерные антропогенные воздействия на природные геосистемы вызывают большую тревогу, касающуюся деградиционных процессов в ландшафтной оболочке Земли и заметной утраты ее устойчивого состояния. Обостряющиеся экологические проблемы в пространственно-временном континууме ландшафтов проявляются на местном, региональном уровне. Поиски выхода из такой ситуации подводят к необходимости более глубокого изучения и анализа геосистем ландшафтов и овладения



правильным восприятием и видением взаимоотношений природы и человеческого сообщества. Этому будут способствовать натурфилософия и натурализм как философско-мировоззренческие направления, объясняющие природу либо непосредственно из переживания человеком природных явлений, либо с помощью знаний из области естественных наук, проясняющих пространственно-временные процессы в геосистемах ландшафтов. Главный принцип, которым здесь надо руководствоваться, – все природные явления и тела находятся в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности. Важно иметь в виду, что природные ландшафты под влиянием хозяйственных и социальных воздействий превратились в большинстве своем в природно-антропогенные образования.

Пространственно-временные отношения в ландшафте очень сложны. В нем взаимодействуют как естественные, так и преобразованные факторы природы, выступающие в качестве непосредственных и опосредованных детерминирующих условий жизнедеятельности человека как социального субъекта. Ландшафтная структура предстает не только как сверхсложная открытая система, где взаимодействуют природные и социальные компоненты: она постоянно изменяется и развивается с порождением новых качеств ландшафтного устройства территории. Необходимо также отметить, что ландшафтная оболочка Земли (литосфера, атмосфера, гидросфера, педосфера, биота) как динамическая система обладает пространственно-временной упорядоченностью, организацией, выражающейся в процессах пространственной дифференциации и интеграции. Каждый ландшафт, если иметь в виду его различные типы, имеет свои конкретные компоненты с их особенными природными свойствами. Взаимодействие геосистем определяется географическим положением ландшафта, климатом, временем года. К сказанному можно добавить, что состояние ландшафтов зависит также от их территориального расположения (например, такие типы и виды ландшафтов, как лесные, степные, высокогорные и т. д.).

Человек в повседневной жизни имманентно погружен в пространственно-временной поток собственного сознания. И субъективные



восприятия пространства и времени в их взаимосвязи с геосистемами ландшафтов гораздо важнее для человека, чем абстрактное и отчужденное понимание их физического смысла. Жизнеустройство человека в природно-территориальном комплексе во многом определяется уровнем развития экологического сознания. Как известно, в теоретическом плане экологическое сознание в своей основе содержит признание коэволюции общества и природы, представляющейся как диалектическое единство адаптирующей и адаптивной функций, их соединение в эффективную систему экодеятельности. Оно синкретично по своему характеру и включает в себя ценностный, нравственный, эстетический, религиозный, эмоциональный и другие аспекты. Экологическое сознание проявляется как познающее и как действующее. Изначально оно формируется в ограниченном пространственно-временном континууме ландшафта, а на обыденном уровне – в процессе многолетнего взаимодействия и взаимоотношений с природой одновременно с эволюцией человека как социального существа.

Конечно, массовое экологическое сознание в своей основе опирается на здравый смысл, на традиции, жизненный опыт, содержит советы, наставления, которые, как крупницы народной мудрости, переходят из поколения в поколение вместе с пословицами и поговорками. Они становятся постоянной частью экологического сознания людей и формируют соответствующие ценности, традиции, обычаи, волевые установки и, в определенной степени, менталитет. Все это делает возможным организацию соответствующей экологически ориентированной творческой деятельности человека. В то же время в массовом сознании переплетены наблюдения, заблуждения и примитивные ориентации; находит место и профессиональное экологическое сознание людей, которые по роду своей деятельности имеют возможность оказывать влияние на экологическую ситуацию в окружающей природной среде.

Так как в структуре ландшафта существует множество различных природных образований, развивающихся и влияющих друг на друга, а также их территориальное распределение, интенсивность, годовая и сезонная изменчивость формируют весьма сложный пространственно-временной континуум окружающей природной среды. Ландшафт как исторически изменяющаяся реальность предстает перед человеком как проблема бытия и как огромная забота.

Человеку трудно познать, что пространственно-временной континуум находится под

мощным влиянием ритмов биосферы и ритмов Вселенной: это циклы солнечной активности, лунно-приливные ритмы, колебание режима тихоокеанского течения и др. Ритм предстает как одно из организующих начал существования человека, природы, вселенной. В. И. Вернадский считал, что человек должен понять: он – не случайное, не зависимое от окружающей действительности существо, он – неизбежное проявление всего большого природного процесса. Конечно, при этом человек – не просто существо, но прежде всего общественное, социальное существо, не только потребитель, но и производитель окружающей среды [1].

Пространственно-временной континуум ландшафта в естественном структурном содержании изменяется не только под влиянием быстропротекающих природных явлений – землетрясений, извержений вулканов. На состояние геосистем ландшафтов влияют различные природные процессы регионального масштаба – повышение или спад уровня воды, лесные пожары, песчаные бури. Их воздействие на окружающую среду при неоднократном повторении приводит к коренному преобразованию ландшафтной структуры, возникновению крайне неблагоприятных условий для жизнедеятельности местного населения. Структурные единицы ландшафтной оболочки начинают развиваться и изменяться по-другому в территориальном и временном аспектах.

Пространственно-временной континуум ландшафта наполняется конкретными формами жизнедеятельности людей: определенной направленностью действий для достижения поставленных целей, использование различных способов действий, практического опыта и знаний для удовлетворения жизненных интересов, проведение в соответствии с исторически сложившимися традициями культурных, религиозных мероприятий, обрядов, отдыха, укрепления здоровья, взаимоотношениями между людьми. Совместно разделенная трудовая, хозяйственная деятельность строится с учетом размеров, особенностей компонентов окружающей природной среды, климата, времени года и суток. Из истории прошлого известно, что человек, не обладающий глубокими знаниями природы, испытывающий жесткую зависимость от конкретных, локальных условий природной местности, строил свои с ней взаимоотношения на соответствующем уровне сознания, постепенно изменяя направленность восприятия и осмысления природных и социальных процессов.

Сегодня мы являемся свидетелями неразумного поведения людей, в основе которого



заложены эгоистические интересы, неудержимое стремление к обогащению за счет извлечения разнообразных энергоресурсов Земли, наносится невосполнимый ущерб местному ландшафту. Р. Хиггинс в книге «Седьмой враг. Человеческий фактор в глобальном кризисе» отмечает: «Злейшими врагами благоразумия являются жадность и зависть. Они ослепляют человека, порождая и несправедливость в мире, и патологию окружающей среды. Они восстанавливают человека против человека, и человека против природы, заточив его в материальном и пренебрегая духовным» [2, с. 32].

Многие ландшафты разрушаются и другими неразумными действиями человека: вырубками лесов и кустарников, неумеренным выпасом скота, чрезмерными расходами воды, охотничьим браконьерством и т. д. Вторичные изменения ландшафта в результате антропогенных воздействий более сложны и более опасны по своим последствиям для всех компонентов природного окружения. Глобальный анализ господства человека над природой показал: в течение XX в. люди изменили ландшафты быстрее и интенсивнее, чем в любой другой сравнимый по времени исторический период.

Современный культурный ландшафт отличается от природного наличием разнообразных, созданных человеком объектов, которые являются главной причиной трансформации природных подсистем. Опасность представляет и местоположение воздействующего объекта – внутри самого ландшафта или вне его. В природных геосистемах, подвергающихся антропогенному воздействию, изменяются внутренняя структура ландшафтов, характер взаимосвязей между природными компонентами, направленность и интенсивность природных процессов, и трансформированные природные комплексы приобретают новые, не свойственные коренному ландшафту признаки и качества.

Пространственно-временной континуум ландшафта сохраняется не только силами природы, но наполняется созидательными благими делами, духовно-нравственным единством людей, любовью к родным местам, заботой о будущих поколениях, состраданием к другим, соседним по ландшафту сообществам и оказанием им помощи в трудное время. Высаживая молодые деревца по дорогам к другим ландшафтам, люди показывают готовность к сотрудничеству, обмену опытом и взаимной дружбе. Надо признать и такие положительные качества людей провинциальных ландшафтов, как схожее понимание подлинных природных ценностей, общих интересов и единство мыслей большинства.

Выделим духовно-экзистенциальное содержание проблемы пространственно-временного континуума ландшафта: успех жизнеустройства человека в окружающей его природной среде определяется его поступками, размышлениями, доброжелательной открытостью другим людям, культурой, верованиями и творческими способностями. Духовный уровень человека повышается, совершенствуется, определяется внешними условиями, обстоятельствами, характером его трудовой деятельности, общением с другими людьми. Жизнедеятельность человека проявляется, прежде всего, в региональном пространстве ландшафта. Это объективное реальное обстоятельство включает человека в совместную, коллективную деятельность с другими и определяет характер внешней активности, сознания, самосознания и его самоопределения. И чем совершеннее духовный уровень человека, тем устойчивее его бытие во времени и пространстве. Обратимся к мысли Н. К. Рериха: «Прикасание к святым местам родного ландшафта объединяет людей в чистых помыслах и делах, ведет к благому синтезу добрых намерений, к духовному объединению, к сердечному единению, к светлому воссоединению» [3, с. 92].

Духовность как экзистенциальный пласт человека пронизывает весь пространственно-временной континуум ландшафта. Человек живет, действует, преобразует окружающую природу, опираясь на духовность как форму самоидентификации. Его отношения к родному произрастают именно из его духовности, преломляясь, опосредуясь во множестве его практических действий. Именно из неповторимых глубин духовности возникают у каждого человека благие побуждения, положительные устремления, самые значимые ценности, внутренний источник его творчества, поиск все новых и новых возможностей природных компонентов ландшафта для удовлетворения разумных потребностей своего бытия. Духовность человека как жизненная энергия проявляется и разворачивается в двух направлениях: внутреннем, в себе и вовне – к природе. Эти направления проявляются как способности и возможности человека, взаимодополняя друг друга.

Необходимо отметить, что особое внимание людей, проживающих в том или ином ландшафте, сосредоточено на бережном сохранении, поддержании природных, необходимых и полезных для лучшей жизнедеятельности и бытия свойств компонентов окружающей их среды. Интуитивно и на основе постоянно наблюдаемых повторяющихся явлений люди стараются обеспечить коэволюцию, т. е. совместное существование



и развитие природы и человеческого общества. Н. Н. Моисеев пишет: «Произнося слово “коэволюция”, я имею в виду такое поведение человечества, такую адаптацию его деятельности к естественным процессам, происходящим в биосфере, то есть к развитию окружающей среды, которая сохраняет (или содействует сохранению) состояния биосферы в окрестности того аттрактора, который оказался способным произвести человека. Значит принцип коэволюции означает такую систему запретов (экологических императивов), которая исключала бы возможность изменения параметров биосферы, приближающегося ее состояния к границам аттрактора, то есть той запретной черты, переступить которую человечество не имеет права ни при каких обстоятельствах! Если, конечно, хочет сохранить себя в составе биосферы!» [4].

Улучшение качества жизни человека должно обеспечиваться в тех пределах хозяйственной емкости биосферы, превышение которых приводит к разрушению естественного биотического механизма регуляции окружающей среды. Главное концептуальное требование программы устойчивого развития – это сохранение биосферы и человечества. С позиции концепции экоразвития коэволюция человечества и природы характеризует общее прогрессивное развитие социосистемы. В процессе коадаптации решается одна из главных задач: поддержать рекреационный потенциал ландшафта – совокупность природных и культурных условий, оказывающих благотворное влияние на человеческий организм, его здоровье и работоспособность. Экологическую дестабилизацию ландшафта по-прежнему вызывает человек, когда он, сопоставляя ценность себя и природы, часто выбирает себя.

Выделим еще один подход к исследованию пространственно-временного континуума ландшафта. Авторы книги «Ритмы космоса стучат в наше сердце» отмечают: «Ощущение человеком своего слияния с природой приобретает еще один аспект: именно в ритмах бесчисленных, но единых в своей целокупности, проявляется единство пространства и времени как формы бытия материального мира, а значит, и нашего в нем бытия» [5, с. 15]. Все закономерности природных процессов региональной окружающей природной среды относятся также и ко всей неизмеримой беспредельности пространства и времени. Иначе говоря, необходимо осознавать, учитывать и своевременно откликаться, реагировать на все воздействия внешней среды, которые интегрированы с внутренними геосистемами ландшафтной оболочки Земли. Надо иметь в

виду, что все внешние воздействия оказывают влияние на компоненты ландшафта, структуру, состав и взаимосвязи природных явлений в географической оболочке планеты: на морфологические особенности поверхности, воздушные массы и климат, скопления водных масс, биогенные образования (растительность, животные, почвы), бесспорно, что они влияют на состояние человека и его жизнедеятельность.

В контексте двух концепций пространства и времени – субъективно-антропологической и объективно природной – выделим важнейший фактор, влияющий на состояние и функционирование геосистем природных ландшафтов, – климат, который заметно изменяется в последнее время. Именно изменения климатической системы Земли пагубно воздействуют на природные компоненты конкретной местности. Изменения температуры в приземных слоях атмосферы нарушают устойчивое состояние, динамику и эволюцию геосистем ландшафтной оболочки земли. Самое опасное для жизнедеятельности людей – резкое падение или, наоборот, катастрофическое увеличение речных стоков, водного потенциала региона: возникает дефицит качественной пресной воды и, как следствие, снижается плодородие почв, высыхает растительный покров, сокращаются площади коренных лесов, резко уменьшается биологическое разнообразие. Это вынуждает местное население перестраивать всю сельскохозяйственную деятельность, корректировать ее масштабы, сроки, предпринимать территориальные средозащитные меры. Как говорится, наступают тяжелые времена. Происходят сложные и разнообразные изменения в территориальном и временном аспектах эволюции природной структуры ландшафтов.

Итак, в пространственно-временном континууме отражены сложные природные и социальные явления, раскрываются масштабы, динамика эволюции структуры компонентов ландшафта и их взаимодействие с социальной жизнью населения. Коэволюция природных и социальных систем, поддержание их гармоничного сосуществования, сохранение природного баланса, снижение обострения экологических проблем регионального характера являются важнейшими предпосылками нормальной жизнедеятельности людей. Пространственно-временной континуум ландшафта облагораживается и наполняется духовным содержанием, стремлением к совершенному, национальной культурой, повышается уровень экологического сознания людей, устраивающих свою жизнь в окружающей природной среде.



### Список литературы

1. Вернадский В. И. Размышления натуралиста : пространство и время в неживой и живой природе. М., 1975. 522 с.
2. Хиггинс Р. Х. Седьмой враг. Человеческий фактор в глобальном кризисе. М., 1990. 495 с.
3. Рерих Н. К. О вечном... М., 1991. 462 с.
4. Моисеев Н. Н. Еще раз о проблеме коэволюции // *Вопр. философии*. 1998. № 8. С. 26–32.
5. Агаджанян Н. А., Соколов А. Н. Ритмы космоса стучат в наше сердце. Тула, 1989. 165 с.

### Образец для цитирования:

Веретенников Н. Я. Онтология ландшафта : пространственно-временной континуум // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 247–251. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-247-251

### Landscape Ontology: Existential Continuum

#### N. Ya. Veretennikov

Nikolay Ya. Veretennikov, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, metodnauka@info.sgu.ru

The phenomenon of the space-time continuum of the landscape is considered in the article. The author pays special attention to the problem of human life in a complex system and the totality of all components of natural and natural-anthropogenic landscapes. In describing the essence of the spatial-temporal continuum of the landscape, the emphasis is placed on the investigation of the dangerous transformation that occurs when anthropogenic impact of natural complexes of the indigenous landscape is taking place, which negatively affects the conditions of human activity as a social subject. Attention is drawn to the need for a more active, environmentally oriented creative activity in the implementation of co-evolution with direct interaction with the natural environment. The decisive role of man as an existential subject, structuring the entire spatial-temporal continuum of the landscape, is emphasized. A person should realize that all external influences on the geosystems of a particular locality affect the entire landscape envelope of the Earth. The most important factor influencing the state and functioning of geosystems of natural landscapes is the climate. The author also argues that the life of a person in a natural and territo-

rial complex is determined by interaction with the local landscape, taking into account the characteristics of all of its natural components, as well as the established customs, traditions, and creative abilities of the person himself that he implements in his activities.

**Key words:** landscape, space, time, geosystems, components, nature, society, ecoactivity, continuum.

### References

1. Vernadskiy V. I. *Razmyshleniya naturalista: prostranstvo i vremya v nezhiyoy i zhiyoy prirode* [Naturalist thoughts: Space and time in inanimate and living nature]. Moscow, 1975. 522 p. (in Russian).
2. Higgins R. *The seventh enemy: the human factor in the global crisis*. London, 1980. 288 p. (Russ. ed.: Higgins R. H. *Sedmyy vrag. Chelovecheskiy faktor v globalnom krizise*. Moscow, 1990. 495 p.).
3. Rerikh N. K. *O vechnom...* [About the eternal...]. Moscow, 1991. 462 p. (in Russian).
4. Moiseev N. N. Eshche raz o probleme koevolutsii [Once again on the problem of co-evolution]. *Voprosy filosofii* [Voprosy Filosofii], 1998, no. 8, pp. 26–32 (in Russian).
5. Agadzhanian N. A., Sokolov A. N. *Ritmy kosmosa stuchat v nashem serdtse* [The rhythms of space are knocking in our heart]. Tula, 1989. 165 p. (in Russian).

### Cite this article as:

Veretennikov N. Ya. Landscape Ontology: Existential Continuum. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 247–251. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-247-251



УДК 101.1:316

## ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

А. С. Губанова

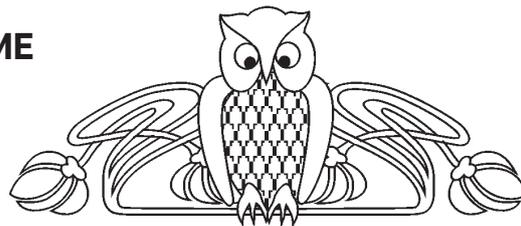
Губанова Анна Станиславовна, аспирант кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, gubanovanna@gmail.com

Целью статьи является социально-философский анализ современных интернет-технологий, формирующих окружающую человека цифровую среду и определяющих способы его коммуникации, стили поведения, развитие интеллекта, жизнедеятельность. Наблюдается общая тенденция к трансгрессии и конвергентности социокультурных, экономических, политических процессов, которая в полной мере проявляет себя в области дигитального. Актуальность выбранной темы объясняется тем, что сегодня практически любая деятельность индивида в развитом социуме напрямую зависит от виртуальных технологий. Их внедрение во все сферы жизни общества ставит новые вопросы в области персонального – человеческой витальности, телесности и идентичности, а также общечеловеческого – этики, трансгуманизма, киборгизации. Интернет перестал быть только частью жизни, поглотив большинство ее проявлений – от бытовой и личных сфер до производства, медиа, науки, и «привязав» к себе человека с помощью электронных устройств. Человечество, наращивая темпы развития цифровых технологий, вместе с тем задумывается и о последствиях этого прогресса для социума и личности, киборгизации индивидуумов и этической составляющей этих явлений. Данная статья – попытка разобраться с позиций социальной философии, где кончается граница реального и человеческого и начинается область виртуального и технического.

**Ключевые слова:** виртуальность, дигитальность, интернет-технологии, Интернет вещей, киборгизация, трансгрессия, социальная коммуникация.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-252-255

«Интернет-пространство», «сетевая коммуникация», «виртуальность» – та социокультурная реальность, в которой мы сегодня существуем. Виртуальность конструирует коммуникационную культуру, меняет ее структуру, иерархию, механизмы интеракции, агентов коммуникации и социализации, сами социальные роли. В отличие от традиционных морфологических коммуникативных связей виртуальная коммуникация не ограничена гендерными, географическими, лингвистическими или физическими особенностями, не зависит от принадлежности акторов к конкретной системе ценностей, религии, культуре, она предполагает нетождественность кодовых систем и абсолютный плюрализм мнений. Единственное условие – это наличие устройства с выходом в Интернет.



Мы живем во время важных индустриальных трансформаций в области информации и коммуникации – в технической, дигитальной среде обитания, пронизанной виртуальными связями. Сегодня Интернет не часть, но буквально основа жизнедеятельности современного человека – отдыха, работы, личного времени, образования. Он перестал существовать как отдельное явление в принципе, трансгрессировал во все формы жизнедеятельности индивида и элементы социального пространства, не имея при этом собственных топоса, темпоральности и каких-либо физических характеристик. Интернет повсюду: в бытовой технике, в способах обучения и поиска информации, во всей сфере коммуникации и трансляции информации, в искусстве, в производстве, в путешествиях, в медицине. Персонализированная аналитика, умные данные, Интернет вещей, искусственный интеллект, антропоморфные системы, биороботы перестали быть чем-то из области фантастики.

В развитых странах отсутствие Wi-Fi или хотя бы доступа к сети стали синонимом черной дыры. Сегодня статус пользователя «онлайн» фактически тождествен существованию: если он живет и функционирует в обычном режиме, значит, вероятнее всего, находится онлайн; его отсутствие в сети на протяжении нескольких дней, непрочитанные сообщения в мессенджерах – это повод для беспокойства знакомых. «Быть онлайн» практически тождественно «жить», это значит быть включенным в непрерывную коммуникацию и жизнь общества, работать, отдыхать, общаться, изучать, лечиться. И, наоборот, режим «офлайн» сродни социальной девиации. Отказ от интеракции (вынужденный или желанный) ассоциируется с экстраординарной ситуацией – болезнью, подготовкой к экзамену, трагедией, депрессией. Также он может символизировать короткий период счастья, например, когда пользователь объявляет о временном выключении из сети в отпуске. Так или иначе, статус «офлайн» интерпретируется скорее как антитеза повседневности.

Таким образом, Интернет и технологии, основанные на нем, «привязали» технику к человеку или, наоборот, человека к технике и стали продолжением его телесности и непосредственной частью его витальности. Гаджеты имеют



свойство расширения пространства, властны над темпоральностью, в которой пребывает человек, то, как он воспринимает реальность, создают «дигитальный пояс» – постоянно окружающую его цифровую среду, а также определяют его коммуникационный потенциал и, уже косвенно, влияют на уровень физической активности и параметры здоровья, мыслительную и творческую деятельность, способ времяпрепровождения и прочие психосоматические и социокультурные факторы. «Характерная особенность современных коммуникационных средств в том, что они оказывают воздействие не на отдельные органы чувств, а на всю нервную систему человека. Окружающая реальность снова предстает в своей живой конкретности, а человек получает иллюзию соучастия в текущих событиях. К людям возвращается “сенсорный баланс” эпохи дописьменной коммуникации» [1, с. 106].

Постоянно находиться в сети человеку помогает множество устройств: планшет, смартфон, ноутбук, «умные» часы, трекеры активности и множество приложений (постоянное отслеживание местонахождения, QR-код, облачные хранилища). Одним из важнейших результатов работы этих устройств и систем является глобальный сбор данных: все действия пользователей сети регистрируются, собираются, анализируются и впоследствии используются. Главной ценностью в современном мире провозглашена информация, и огромные базы данных, безусловно, представляют большой интерес для науки, но в большей степени – для правящих элит и коммерсантов, заинтересованных в росте и развитии капиталистического общества. Об анонимности и личном пространстве нет и речи; сегодня каждый, кто хоть раз вводил запрос в поисковую строку браузера, оказывается в поле зрения. Так, большие интернет-магазины упаковывают и готовят к отправке товары еще до того, как их заказали, система прокладывает для вас наиболее удобный маршрут с учетом пробок и видов транспорта; по увлечениям пользователей вычисляются их политические убеждения и выявляются методы воздействия на сознание.

Проблема сохранения личной информации – не единственная, которая волнует нас сегодня. Другая – это аспект коммуникации (в смысле взаимодействия) и киборгизации человеческого организма. В рамках общей тенденции трансгрессии технологий в сферы жизни индивида происходит «вторжение» техники непосредственно в телесность и жизненное пространство человека. Интернет является агентом-проводником, обеспечивающим конвергентность этих процессов. Говоря о традиционной коммуникации, мы подразумеваем, пусть и опосредованное, но меж-

личностное общение, наличие собеседника или реципиента. В эпоху «интернет-вещей», когда налажена коммуникация технического устройства с человеком, первое является не только средством передачи информации, но и ее адресатом. «Освоение любой новой технологической формы так или иначе приводит к ее интериоризации и, как следствие, к видоизменению человеком реальности сквозь призму новых возможностей» [2, с. 64].

Кухонные и бытовые приборы, легко управляемые дистанционно (с одним условием – в зоне действия Wi-Fi), позволяют запустить процесс стирки или кофемашину заблаговременно и вдалеке от дома. Это «... идеи “умного дома”, где компьютерная техника будет обеспечивать оптимальное и, главное, автономное функционирование бытовых приборов, обеспечивая все большую свободу и, вместе с тем, отрешенность от действительности человека» [2, с. 65]. Разработка систем искусственного интеллекта для изучения окружающей среды, автоматизации процессов, создание дополненной виртуальной реальности, интеллектуальных программ с целью сортировки, анализа данных, повышения качества обслуживания, множество «умных вещей»: 3D-принтеры, беспилотные автомобили, протезы в медицине, чипы безопасности на производстве, – изменяют до неузнаваемости привычный нам аналоговый мир. Портативные медицинские кодеры измеряют изменения биометрических показателей организма, трекеры активности и датчики здоровья считают количество совершенных шагов и затраченной энергии, следят за физическим состоянием человека во время тренировок и определяют длительность фаз сна, а любое изменение в состоянии здоровья владельца смартфона может быть автоматически направлено его лечащему врачу, – и все это в режиме «онлайн». «Любое изобретение и любая технология представляют собой внешнюю проекцию или самоампутацию наших физических тел, и такое расширение вовне требует, помимо прочего, новых пропорций или новых равновесий между другими органами и расширениями тела» [3, с. 54]. Boston Dynamics, американская инженерная компания по созданию робототехники, успешно разрабатывает модели биороботов, имитирующих строение тела и походку человека, мышление, функционал, а также роботов, включающих аналоги человеческих внутренних органов. Подобные открытия, совершающиеся под эгидой развития биомедицины, стимулируют мощную трансгрессию человеческого существа: его телесности и его духа.

«С физиологической точки зрения, человек в ходе обычного применения технологии (то есть своего всевозможными способами расширенного



тела) постоянно модифицируется ей и, в свою очередь, находит все новые и новые способы ее дальнейшего совершенствования» [3, с. 52]. Так или иначе интеллектуальные системы и многофункциональные электронные гаджеты давно интериоризированы в нашу повседневность и активно исполняют и замещают функции индивида, количество которых растет с каждым годом. Такой симбиоз техники и человека называют киборгизацией. Можно выделить два уровня: физиологический, когда тело человека дополняется техническим устройством (кардиостимулятором, аналогом позвоночного диска, силиконовым наполнителем, сердечным клапаном), и интеллектуальный (GPS-навигация, «умные» приложения, замещающие аналитические функции, воображение, память). Однако интеллектуальное протезирование опасно сопряжено не только с ослаблением умственной активности индивида, но и с делегированием ответственности технике. Одним из популярных укоров психологов современному индивиду является нежелание брать на себя ответственность – и гаджеты развивают этот принцип, помогая принимать решения, анализируя исходные данные, воспринимая окружающую действительность вместо человека.

Одни философы предрекали существование медиаустройств в качестве протезов человеческого тела. «Такие авторы как Маршалл Маклюен, Поль Вирильо, Жан Бодрийяр и др. утверждают, что новые технологии вскоре поработят человека не только снаружи, окружив его протезами усилителями тела, но и, что более фатально, овладеют его уникальным генетическим кодом, его психикой и сознанием» [4, с. 123]. Жан Бодрийяр говорил о расширении человеческого тела с помощью медиапротезов, и «если Маклюен считал технологии расширения человека, то Бодрийяр самого человека рассматривает как функциональное расширение технологий» [5, с. 292]. Другие, как Вилем Флюссер, Дитмар Кампер, Вячеслав Семенович Степин, критикуют «теорию протезов» как устаревшую и требующую рассмотрения идеи протезирования человеческого тела отдельно от теории медиа. «Так же как художник инвестирует тело во взгляд, в кисть, так и фотограф мыслит во взгляде, его видение и есть мысль. Отсюда необходимость отбросить бесконечно устаревшую трактовку медиа как протеза. И вновь поставить вопрос о медиа, не просто – что это такое, но и как это работает?» [4, с. 132].

С учетом философского осмысления этого вопроса актуальным становится вопрос об отчуждении человека, о потере его самости, индивидуальности и, возможно, человечности. Будучи произнесенными почти век назад, слова

Зигмунда Фрейда звучат устрашающе современно: «Человек стал, так сказать, богом на протезах, величественным, когда употребляет все свои вспомогательные органы, но они с ним не срослись и доставляют ему порой еще немало хлопот. Грядущие времена принесут новые, непредставимые сегодня плоды прогресса в этой области культуры, они сделают еще большим его богоподобие. Однако мы не должны забывать, что при всем своем богоподобии современный человек не чувствует себя счастливым» [6, с. 90]. Погоня за прогрессом, сумасшедший темп внедрения технологий в собственную жизнь может быть признаком страха невыносимого одиночества современного человека. Нам страшно остаться наедине с собой, и мы бежим от пустоты, темноты, тишины, бездействия в пространство, наполненное информацией, коммуникацией, светом дисплея, скоростью. Это ложное ощущение сопричастности дают нам медиа, заполняющие каждый атом образами и звуками. Если мы на секунду остановимся, отключим все гаджеты и останемся наедине с собой, что нас ждет? Мы сами – и это то, чего мы боимся. Человеку проще исследовать себя с помощью приложений, датчиков, тестов, исследований «британских ученых», чем путем самопознания. Мы воссоздаем тишину и спокойствие искусственно: например, на занятиях йогой, для чего сначала покупаем спортивную одежду, пользуемся банковской карточкой для оплаты занятий, садимся в автомобиль, чтобы доехать до места, включаем радио, чтобы избавиться от скуки, – и все это для того, чтобы на час погрузиться в медитативную связь с самим собой.

Сохранение собственной идентичности и индивидуальности зависит от адаптации к постоянно обновляющимся техническим новинкам. Отрицать их влияние или называть их нейтральными по отношению к человеку кажется нам в корне неверной позицией, так как технологии давно показали свое непосредственное влияние на такие важнейшие для человеческого существования категории, как свобода и ответственность, а также на механизмы самопознания, самоидентификации, отчуждения. «Чем больше вокруг нас сложной техники, тем больше нам нужна человечность» [7, с. 83]. Решением проблемы нам видится гармонизация технологий и человека. Необходимо осознать, что технологии не нейтральны и сильно воздействуют на человеческую сущность, образ жизни и мышления, среду обитания. Важно подходить к их внедрению в свою жизнь осознанно и выборочно, отсеивая те, которые нарушают принципы гуманности и мешают критическому восприятию реальности. Технология призвана быть помощником, но не господином человека.



## Список литературы

1. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации : учеб. пособие. СПб., 2002. 461 с.
2. Емелин В. В. Киборгизация и инвалидизация технологически расширенного человека // Национальный психологический журнал. 2013. № 1 (9). С. 62–70.
3. Маклюэн Г. М. Понимание медиа : внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева ; закл. ст. М. Вавилова. М., 2003. 464 с.
4. Степанов М. А. Машины абстракций и конец про-тезирования // Медиафилософия II. Границы дисциплины / под ред. В. В. Савчука, М. А. Степанова. СПб., 2009. С. 123–137.
5. Дьяков А. В. Жан Бодрийяр : стратегии «радикального мышления» / под ред. А. С. Колесникова. СПб., 2008. 357 с.
6. Фрейд З. Недовольство культурой // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М., 1992. С. 65–134.
7. Нейсбит Дж., Нейсбит Н., Филлипс Д. Высокая технология, глубокая гуманность : технологии и наши поиски смысла / пер. с англ. А. Н. Анваера. М., 2005. 381 с.

## Образец для цитирования:

Губанова А. С. Интернет-технологии как продолжение человеческого тела : социально-философский анализ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 252–255. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-252-255

## Internet-technology as a Human Body Extension: Social-Philosophical Analysis

A. S. Gubanova

Anna S. Gubanova, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, gubanovanna@gmail.com

The purpose of the paper is to give social-philosophical analysis of contemporary Internet-technologies which form human digital environment and determine their communication means, behavior styles, living activity, intellectual progress. General tendency to transgression and convergence within sociocultural, economic, political processes, which are properly revealed in digital domain, is what we encounter nowadays. The problem at issue is quite urgent for the reason that today a person in developed countries depends on virtual technologies. So we face new issues in the privacy sphere such as human corporality and identity, and in the common to humanity sphere such as ethics, trans-humanism, cyborgization. The Internet is no more a part of our life, as it swallowed the most of its activities – from living environment and privacy to manufacturing, media, science, and it literally tied a person by means of gadgets and technologies. While we develop technologies, we also think about consequences of this progress for society and a person, and also about potential human cyborgization and ethical aspect of these issues. This article is investigate where the real domain ends and the virtual one begins, from the social philosophy standpoint. **Key words:** virtuality, digital, Internet-technology, Internet of things, cyborgization, transgression, social communication.

## References

1. Sokolov A. V. *Obshchaya teoriya sotsialnoy kommunikatsii* [General theory of the social communication]. St. Petersburg, 2002. 461 p. (in Russian).
2. Emelin V. V. Kiborgizatsiya i invalidizatsiya tekhnologicheskoi rasshirennoogo cheloveka [Cyborgization and invalidization of a technologically extended human]. *Natsionalnyy psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2013, no. 1 (9), pp. 62–70 (in Russian).
3. McLuhan H. M. *Understanding media: The extensions of man*. Cambridge, 1994. 392 p. (Russ. ed.: McLuhan H. M. *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka*. Moscow, 2003. 464 p.).
4. Stepanov M. A. Mashiny abstraktsiy i konets protezirovaniya [Abstract machines and the end of prosthesis]. In: *Mediaphilosophiya II. Granitsy distsipliny* [Mediaphilosophy II. Borders of the field]. Eds. V. V. Savchuk, M. A. Stepanova. St. Petersburg, 2009, pp. 123–137 (in Russian).
5. Dyakov A. V. *Zhan Bodriyar: strategii «radikalnogo myshleniya»* [Jean Baudrillard: Strategies of a «radical thinking»]. Ed. by A. S. Kolesnikov. St. Petersburg, 2008. 296 p. (in Russian).
6. Freud S. *Das Unbehagen in Der Kultur*. Berlin, 2009. 151 p. (Russ. ed.: Freud S. *Nedovolstvo kulturoy. Psikhhoanaliz. Religia. Kultura*). Moscow, 1992, pp. 65–134).
7. Naisbitt J., Naisbitt N., Philips D. *High tech, high touch: Technology and our search for meaning*. New York, 1999. 274 p. (Russ. ed.: Naisbitt J., Naisbitt N., Philips D. *Vysokaya tekhnologiya, glubokaya gumannost: tekhnologii i nashi poiski smysla*. Moscow, 2005. 381 p.).

## Cite this article as:

Gubanova A. S. Internet-technology as a Human Body Extension: Social-Philosophical Analysis. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 252–255. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-252-255

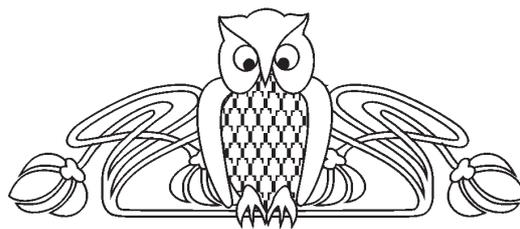


УДК 165.42

## ЦЕННОСТНОЕ ОТНОШЕНИЕ И ПОЗНАНИЕ

М. В. Клёцкин

Клёцкин Михаил Васильевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии, Самарский государственный медицинский университет, samkoms@mail.ru



Статья посвящена рассмотрению онтологического значения концепта «ценностное отношение» в процессе познания. Научная новизна исследования состоит в обосновании методологии целостного изучения проблемы роли и места ценностного отношения в системе оснований научного познания. Данная методология предполагает учет социальных, исторических и гносеологических факторов и позволяет тем самым рассматривать развитие науки во взаимосвязи с ценностными установками господствующей научной парадигмы. Утверждается, что становящееся бытие ценностно по своей сути и всегда познается как бытие *значимых* вещей и понятий. Делается вывод, что ценность элементов научной теории является служебной, то есть подчиненной цели исследования. Ценностное отношение фиксирует на предсознательном уровне положительные и отрицательные ориентиры, образующие сложную систему разнообразных методов достижения определенных целей познания. Оно не только реализуется в отношении между «субъектом» и «объектом» и не только в рамках социального бытия человека, но является формой реализации фундаментального для становления наличного бытия индивида – практического обращения с сущим. С изменением знаний о сущем меняются способы его использования и, следовательно, значения различаемых индивидом сущностей, то есть их ценность для индивида.

**Ключевые слова:** истина, ценностное отношение, научное познание, значимость, полезность, ценность, практика.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-256-260

Современная наука динамично развивается под влиянием изменений в социокультурной сфере, которые оказывают решающее воздействие как на целеполагание научного сообщества и формирование научной парадигмы, так и на восприятие научной деятельности обществом. Кризисные явления в современном естественнонаучном познании частично связаны с поиском ориентиров и ценностной опоры познавательной деятельности. Развитие научного познания, изменение парадигмы научной рациональности требуют рассмотрения динамики трансформации фундаментальных ценностей познания, характеризующих тип взаимодействия между законами природы и миром сознания индивида. «Изменения научной рациональности можно интерпретировать как точки роста новых ценностей, возникающие в рамках современной техногенной культуры» [1, с. 34]. Принципиальная относительность и изменчивость представлений о ценности и истине несет в себе потенциал как

положительных, так и отрицательных изменений в обществе: «Ценно то, что желанно, или, скорее, то, что желаемо, и вот почему любая ценность всегда относительна. Истина не благо: никакое благо неистинно. Вот это и есть та бездна, которая лежит под нашей практической современностью» [2, с. 212]. Анализ содержания и структуры ценностей науки, поиск бытийного основания процесса оценивания, уяснения роли ценностных предпосылок познания подводят нас к необходимости формирования нового взгляда на *ценностное отношение* индивида к мироокружному сущему как на интегративный феномен мироосвоения. Именно это понятие, на наш взгляд, является ключевым для понимания и формирования проблемного поля аксиологии.

Современный тип научной рациональности В. С. Степин назвал «постнеклассическим». Этот тип характеризуется особым состоянием научной деятельности, отличной от предыдущих типов глубиной рефлексии по отношению к самой научной деятельности, поскольку «учитывает соотносительность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Причем эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями» [3, с. 188]. Прояснение структуры ценностной детерминированности науки является одной из важнейших задач в условиях постоянно меняющейся парадигмы научного познания, поскольку без осознания ценностно-целевых установок мышления упорядоченное и прагматичное достижение истинных знаний становится, на наш взгляд, невозможным. В связи с этим возрастает роль изучения и социокультурной обусловленности научных ценностей. «Внутри гносеологии и философии науки ныне сосуществуют две различные ориентации <...> одна ориентация сохраняет истину в качестве своего регулятива <...> другая ориентация делает акцент на социокультурной обусловленности познания и его регулятивов, рассматривает истину лишь в рамках социокультурного контекста определенной эпохи и определенного научного сообщества» [4, с. 10]. Представления о социальных ценностях



науки и ответственности ученого, сами модусы понимания миссии научного познания кардинально меняются в постнауке XX–XXI вв. и в сравнении с классической научной парадигмой XVIII–XIX вв. Растут глобальная зависимость и ответственность современной науки в выборе ценностей, свидетельством чего является, например, Пагуошское движение ученых [5].

Аксиологические исследования науки должны охватывать не только этику научного познания, но и его антропологические и онтологические основания, должны прояснить *генезис* ценностного отношения, фундамирующего и направляющего познание в процессе решения научных проблем. В 1960 г. вышла в свет книга В. П. Тугаринова «О ценностях жизни и культуры», в которой ценность была представлена как специфический феномен культуры, нуждающийся в марксистской интерпретации. «Ценности суть те явления (или стороны явлений) природы и общества, которые являются благами жизни и культуры людей определенного общества или класса в качестве действительности или идеала» [6, с. 3]. Для нас важно различие автором ценности и оценки, которое впоследствии легло в основу становления концепта «ценностное отношение»: «Ценность есть реальное или желаемое явление (факт или идеал), а оценка — отношение к этому явлению <...> зачисление в ценности или отказ в этом зависит от характера указанного отношения: от положительной или отрицательной оценки» [6, с. 3]. Помимо определения «оценки» через родовое понятие «отношение» в этой цитате фактически утверждается, что ценностью является *любое* явление бытия индивида. Эту мысль в 1967 г. развивал О. Г. Дробницкий: «Материальный предмет или действия человека — явления двоякого порядка: природное и вместе с тем социальное. Да, наряду с материально-естественным миром есть еще “мир иной” <...> мир общественного бытия человека, “надстраивающийся” над бытием природы» [7, с. 312].

Ценностное отношение мы рассматриваем как связующее звено между бытием индивида (в культурологическом и социальном аспектах) и его практической (в том числе и познавательной) деятельностью — как звено между индивидуальным и сущностным. Обычно ценностное отношение понимают как отношение между «субъектом» и «объектом», в котором субъект наделяет объекты «значимостями», в зависимости от свойств объектов. По мнению М. С. Кагана, «... собственно философский подход предполагает <...> целостное ценностное отношение, «полюсами» которого являются ценность и

оценка; это отношение образуется *особой формой связи объекта и субъекта* и потому несводимо ни к чистой объективности теологического типа, уводящей нас к Абсолютному, ни к “голой” субъективности психологического взгляда, порождающей абсолютную же релятивность ценностных суждений» [8, с. 50].

Ценностное отношение может, на наш взгляд, выступать как один из важнейших факторов процесса создания научной картины мира. Не случайно Хайдеггер, определивший направление развития современной континентальной философии, начинает развертывание своего понимания бытия-в-мире с ценностного концепта «заботы» и представляет *Dasein* (наличное бытие) как «подручное» для осуществления «заботы». Уже в греческом слове *πράγματα*, употребляемом для обозначения единичных вещей, видно «подручное» (ценностное) понимание действительности. *Πράγμα* переводится как «дело», а производное от слова *πράγμα* слово «практика» переводится как целенаправленная деятельность — как все, относящееся к «делу». Наличные вещи — это материал для практической деятельности, вещь с точки зрения ее потребительной ценности. Чтобы изменить сущее, мы должны работать с определенным материалом. Вещи интересуют индивида как материал для деятельности или обмена (в последнем случае он приобретает меновую ценность). Поэтому греки иногда называли окружающие их вещи словом *χρήματα* (от слова *χρή* — необходимо, нужно, средство обмена товарами), т. е. рассматривали их как, прежде всего, нечто ценное.

«Ценностное отношение, будучи осмыслением бытия человеком, становится ориентацией человека в бытии и в его познании, и в его практическом и духовном преобразовании. И так по сию пору — в обыденно-практическом сознании ценности играют роль ориентира целостной деятельности и конкретного поведения людей» [8, с. 184]. Ценность является *результатом реализации потребностей* индивида в изменении своего бытия (как социального, так и природного). Когда мы говорим о практике, о направленном саморазвитии, о желании привнесения в жизнь индивида нравственных установок, то неизбежно обращение к *ценностям как значимым целям и условиям* преобразования бытия. «Моделирование реальности в сознании, ее практическое изменение и дополнение с позиции должного выступает сферой подлинной свободы индивида, который оказывается способным выйти за рамки собственной природно-социальной программы» [9, с. 5]. Ценностное отношение, с этой точки зрения, — имя для бытийного стремления к ове-



ществлению потребностей. Всякая сущность наличного бытия, являясь осуществлением ценностного отношения (как формы практического отношения) индивида к сущему, *ценна*. Бытие не просто находит сущее как данность, а воспроизводит его (а значит и себя) в сознании в образе пригодном для потребления. Осознанное (наличное) бытие имеет, таким образом, структуру, *подчиненную необходимости сознательной деятельности – практики*. Наличное бытие никогда не является «просто наличным», созерцательным, оно всегда для чего-то, всегда пригодно. *Бытие в качестве пригодной (ценной) есть истинное бытие вещи в ее осознанной форме* – то, чем стало материальное бытие вещи в модусе наличности.

Познание же опосредует реализацию ценностного и, значит, практического отношения индивида к мироокружному сущему. Ценностное отношение и оценка могут быть интерпретированы как способы создания индивидом смысловых форм осмысления мира сущего, внесения в действительность преобразующих ее потребностей. Так индивид создает ценностную действительность, в которой не только представлено сущее, но и указывается направленность изменений. Ценностное отношение, по нашему мнению, реализуется в любом акте познания и действия человека. Даже в квантовой механике элементарный акт восприятия физического явления основан на фундаменте ценностного освоения сущего, поскольку квантовая механика возвращает в физику наблюдателя, его *отношение* к мироокружному сущему. Становящееся бытие ценностно по своей сути и всегда познается как бытие *значимых* вещей и понятий. Русское слово «значимость» не случайно указывает одновременно как на ценностный, так и на знаковый характер осмысления действительности. Ученый-практик ищет не абстрактную созерцательную истину, а соответствия знания целям и потребности изменения сущего, которое становится понятным как оформленная в действительность целостность ценностных отсылок. Даже истина, рассматриваемая в социокультурном аспекте, всегда ценностна. «Коль скоро истинность высказываний удостоверяется соответствием их нормам научности, а это соответствие, по определению, и есть ценностное отношение, то *истина и ценность, по существу, диалектически связаны и неотделимы друг от друга*» [10, с. 214].

Утверждая, что ценностное отношение должно представляться в философии как субъектно-объектная связь, некоторые философы оставляют ценностное отношение в сфере наличности бытия, отказываясь от исследования

глубинных пластов бытия сущего, прежде всего от исследования ценностного аспекта *практики* как специфически человеческой формы освоения сущего, играющей интегративную роль в философском осмыслении действительности. Отсюда следовали утверждения, что значения предметов существуют независимо от субъекта (а значит до их осмысления), т. е. значения как бы предзаданы познанию и «открываются» подобно физическим свойствам вещей. Например, М. С. Каган ищет основу ценностного отношения в существующем независимо от субъекта «значении», осмысление которого открывает культурную ценность объекта, словно ценность «объекта» существует сама по себе. «*Смыслом* становится значение объекта *для меня как субъекта*, и вне моей субъективности он не существует. Осмыслить и значит *наделить смыслом*, значение же познается как нечто внешнее по отношению ко мне как субъекту и от меня независимое» [8, с. 53]. В этой концепции сущее удваивается, ведь помимо самого сущего независимо от субъекта здесь должны существовать «значения» объектов. При этом М. С. Каган однозначно не согласен с позицией Макса Шелера, онтологизирующего ценности: «неправомерно считать ценность не отношением, а неким «качеством», как утверждал М. Шелер, отстаивая типичную для объективного идеализма точку зрения, онтологизирующую ценности в религиозном понимании высшего бытия» [8, с. 67]. К сожалению, сам автор был недостаточно последователен, поэтому оставил в своей аксиологической концепции лазейку для объективизации ценностей в виде «значений» в бытии культуры.

В качестве альтернативы противоположности между объективизмом и субъективизмом в понимании ценностей морали Л. В. Максимов предложил теорию «квазиобъективности» – компромисс, основанный «на выявлении тех сущностных свойств морального сознания, которые могут быть квалифицированы как “объективные” только в определенном специфическом отношении и при определенной трактовке самого понятия объективности. Признание таких – “квазиобъективных” – свойств вполне совместимо со многими субъективистскими интерпретациями морали» [11, с. 29]. Если общезначимые (квазиобъективные) признаки морали действительно присутствуют в разнообразии ее норм, то это не доказывает правоту этического объективизма, отрывающего мораль от человека. «Содержательная общезначимость моральных норм вполне объяснима действием естественных – социальных и, возможно, также природных – детерминирующих факторов» [11, с. 48].



Нерешенные проблемы классической аксиологии (абсолютны или относительны ценности, каковы способы бытия ценностей, каким образом происходит становление ценностного бытия, чем обусловлена динамика ценностей и др.), а также незавершенность имеющихся определений ценности указывают на необходимость выявить возможности неклассической философской парадигмы для нового обоснования аксиологии. Такое обоснование должно стать опытом самопознания индивида, в результате которого выяснятся условия развития и воспроизводства жизненного мира человека. С изменением знаний о сущем меняются способы его использования и, следовательно, значения различаемых индивидом сущностей, т. е. их ценность для индивида. Обогащение знаний о мире во время научных революций происходит не путем простого накопления фактических знаний, а путем перестройки всей системы знаний и смены ценностных установок ученых при обращении с сущим. При смене научных парадигм меняются онтологические принципы и идеалы познания, меняется форма осознания процесса достижения адекватности знания своему предмету. «Мы всегда должны быть готовы изменить эти [фундаментальные научные] представления, т. е. изменить аксиоматическую базу физики, чтобы обосновать факты восприятия логически наиболее совершенным образом» [12, с. 136].

Ценность элементов научной теории (если эта теория имеет четкие, логически непротиворечивые критерии истинности и аксиоматические основания) является, в рамках этой теории, служебной, т. е. подчиненной цели исследования. И истинность этих элементов часто определяется в зависимости от результативности теории. От представлений об абсолютной истинности аксиоматики и онтологии ньютоновской физики, например, отказались после осознания невозможности ее использования для объяснения явлений микромира. То, что помогает решать проблемы, встающие перед индивидом, становится положительно окрашенным знанием, то, что мешает, – отрицательно окрашенным и не приносящим удовлетворения. Ценностное отношение фиксирует на предсознательном уровне положительные и отрицательные ориентиры, образующие сложную систему разнообразных методов достижения определенных целей познания. Эта система ориентиров задает ценност-

ную структуру научных теорий. Познание, в том числе и научное, неразрывно с оцениванием, а ценностные предметы действительного бытия индивида становятся субъектами (основаниями) ценностных суждений.

Итак, мы утверждаем, что ценностное отношение существует не только в отношении между «субъектом» и «объектом» и не только в рамках социального бытия человека, но является формой реализации фундаментального для становления наличного бытия индивида – *практического обращения* с сущим. Гуманизация науки, учет человеческого фактора в познании неизбежно меняют понимание места теории ценностей в философии постнеклассической науки, требуют нового понимания ценностной детерминации научного познания, исследования ценностно-целевых структур субъекта научной деятельности, их бытийной укорененности. Скажем больше: стоит задача нового онтологического обоснования самой аксиологии, исследования ценностного мира индивида, его творческих возможностей.

#### Список литературы

1. Степин В. С. Философия и религия в социокультурном контексте // Ценностный дискурс в науках и теологии. М., 2009. С. 22–35.
2. Комт-Спонвилль А. Ценность и истина : циничные очерки. Самара, 2002. 256 с.
3. Степин В. С. Философская антропология и философия науки. М., 1992. 191 с.
4. Огурцов А. П. Благо и истина : линии расхождения и схождения // Благо и истина : классические и неклассические регулятивы. М., 1998. С. 5–38.
5. Рыжов Ю. А., Лебедев М. А. Юбилей Пагуошского движения // Вестн. РАН. 2007. Т. 77, № 10. С. 938–948.
6. Тугаринов В. П. О ценностях жизни и культуры. Л., 1960. 155 с.
7. Дробницкий О. Г. Мир оживших предметов. Проблема ценности и марксистская философия. М., 1967. 351 с.
8. Каган М. С. Философская теория ценности. СПб., 1997. 205 с.
9. Баева Л. В. Ценностные основания индивидуального бытия : опыт экзистенциальной аксиологии. М., 2003. 240 с.
10. Черняк В. С. Ценностные аспекты коперниканской революции // Благо и истина: классические и неклассические регулятивы. М., 1998. С. 214–237.
11. Максимов Л. В. Квазиобъективность моральных ценностей // Этическая мысль. 2005. № 6. С. 27–50.
12. Эйнштейн А. Собр. науч. тр. : в 4 т. М., 1967. Т. 4. 315 с.

#### Образец для цитирования:

Клёцкин М. В. Ценностное отношение и познание // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 256–260. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-256-260



## Value Relation and Cognition

M. V. Kletskin

Mikhail V. Kletskin, Samara State Medical University, 89, Chapayevskaya Str., Samara, 443099, Russia, samkoms@mail.ru

The article is devoted to the consideration of the ontological meaning of the concept of «value relation» in the process of cognition. The scientific novelty of the research consists in substantiating the methodology of a holistic consideration of the problem of the role and place of the value relation in the system of bases of scientific cognition. This methodology assumes the consideration of social, historical and epistemological factors and allows us to consider the development of science in connection with the values of the dominant scientific paradigm. It is argued that becoming being is valuable in its essence and always known as being of significant things and concepts. The conclusion is that the value of the elements of the scientific theory is on-duty, that is, the subordinate goal of research. The value relation fixes on the preconscious level positive and negative guidelines that form a complex system of various methods for achieving certain goals of cognition. It is realized not only in the relation between the “subject” and the “object” and not only within the framework of the social being of man, but is a form of realization of the fundamental for the emergence of the existing being of the individual – the practical handling of entity. With the change in knowledge of the entity, the methods of its use change, and, consequently, the meaning of the essences that are distinguished by the individual, that is, their value for the individual.

**Key words:** truth, value relation, scientific cognition, significance, utility, value, practice.

## References

1. Stepin V.S. *Filosofiya i religiya v sotsiokulturnom kontekste* [Philosophy and religion in the sociocultural context]. In: *Tsennostrnyy diskurs v naukakh i teologii* [Value Discourse in the sciences and theology]. Moscow, 2009. pp. 22–35 (in Russian).
2. Comte-Sponville A. *Valeur et vérité: Études cyniques*. Paris, 1994. 282 p. (Russ.ed.: Comte-Sponville A. *Tsen-nost i istina: tsinichnye ocherki*. Samara, 2002. 256 p.).
3. Stepin V.S. *Filosofskaya antropologiya i filosofiya nauki* [Philosophical anthropology and philosophy of science]. Moscow, 1992. 191 p. (in Russian).
4. Ogurtsov A. P. *Blago i istina: linii raskhozheniya i skhozheniya* [Good and truth: lines of divergence and convergence]. In: *Blago i istina: klassicheskie i neklassicheskie regulyativy* [Good and truth: classic and non-classical regulators]. Moscow, 1998. pp. 5–38 (in Russian).
5. Ryzhov Ju. A., Lebedev M. A. Jubiley Paguoshskogo dvizheniya [Jubilee of the Pugwash movement]. *Vestn. RAN* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2007, vol. 77, no. 10, pp. 938–948 (in Russian).
6. Tugarinov V. P. *O tsennostyah zhizni i kultury* [On the values of life and culture]. Leningrad, 1960. 155 p. (in Russian).
7. Drobnitskiy O. G. *Mir ozhivshikh predmetov. Problema tsennosti i marksistskaya filosofiya* [The world of living things. The problem of value and marxist philosophy]. Moscow, 1967. 351 p. (in Russian).
8. Kagan M. S. *Filosofskaya teoriya tsennosti* [Philosophical theory of value]. St. Petersburg, 1997. 205 p. (in Russian).
9. Baeva L.V. *Tsennostrnye osnovaniya individualnogo bytiya: opyt ekzistentsialnoy aksiologii* [Value foundations of individual being: an existential axiology experience]. Moscow, 2003. 240 p. (in Russian).
10. Chernyak V. S. *Tsennostrnye aspekty kopernikanskoy revolyutsii* [Value aspects of the copernican revolution]. In: *Blago i istina: klassicheskie i neklassicheskie regulyativy* [Good and truth: classic and non-classical regulators]. Moscow, 1998, pp. 214–237 (in Russian).
11. Maksimov L. V. *Kvaziobektivnost moralnykh tsennostey* [Quasiobjectivity of moral values]. *Eticheskaya mysl* [Ethical Thought], 2005, no. 6, pp. 27–50 (in Russian).
12. Einstein A. *Sobr. nauch. tr.: v 4 t. T. 4* [Collection of scientific papers: in 4 vols.]. Moscow, 1967. Vol. 4. 315 p. (in Russian).

## Cite this article as:

Kletskin M. V. Value Relation and Cognition. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 256–260. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-256-260



УДК 37:378+1

## РЕФЛЕКСИЯ МЕДИЙНОГО: ДИСКУРСЫ МЕДИАГРАМОТНОСТИ

П. С. Котляр

Котляр Полина Сергеевна, аспирантка кафедры общей философии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, polikotsob@mail.ru

В статье осуществляется анализ двух дискурсов восприятия действительности: постмодернистского и медийного. Выделяются основные характеристики понимания человеком своего положения в мире. В постмодернистском дискурсе сформировался ризоматичный подход к пониманию пространства, который фундирует состояние так называемой «новой непрозрачности». Делается предположение, согласно которому идею постмодернизма можно свести к кризису взаимодействия человека и определенной исторической социальной среды, в которой он оказывается замкнут в собственной локальности. Отсутствие возможности совершать действия и быть включенным в общую социальную среду означает смерть субъекта. В статье осуществляется метафорический перенос постмодернистской идеи бессилия на процесс трансформации представлений о медиаграмотности в контексте взаимодействия с медиа с целью показать возможный путь преодоления постмодернистской интеллектуальной апории. Протекционистская теория медиаобразования, направленная на то, чтобы человек перестал подвергаться негативному воздействию медиа, фактически была утверждением постмодернистской идеи локальности, что привело к возникновению концепта «аудитория есть жертва». Выдвигается гипотеза, что с появлением социальных сетей происходит переосмысление аудиовизуальных текстов и возникает новомедийная социальная среда, где человек способен выражать себя, преодолевая тем самым кризис субъектности.

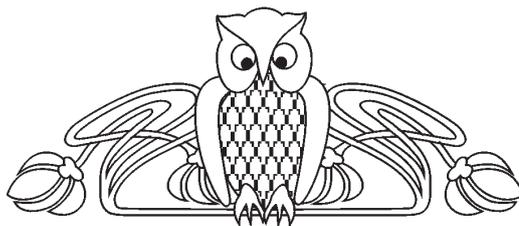
**Ключевые слова:** новые медиа, медиаобразование, современный медиадискурс, медиаграмотность, цифровые технологии.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-261-264

Используемые в социальной теории метафоры для определения современности включают в себя концептуализацию проблемы изучения цифровых явлений. Можно утверждать, что представление о действительности типизируется в контекстах двух дискурсов: постмодернистского и медийного.

В рамках данной статьи мы будем определять постмодернизм как исторически обусловленное мировоззрение, которое предполагает отрицание ценностей эпохи модерна, критику нововременных представлений о возможности объективного познания, безграничности человеческих возможностей.

По мнению профессора Н. Б. Маньковской, «Постмодернизм во многом обязан своим возникновением развитию новейших технических



средств массовых коммуникаций – телевидению, видеотехнике, информатике, компьютерной технике» [1, с. 11]. Однако, на наш взгляд, научно-технический прорыв в области средств массовой информации как нематериальных феноменов определяет необходимость пересмотра принципиальных оснований современной социальности. Коннотация, которая вписана в логику приставки «пост», как нам кажется, не предполагает качественный переход рефлексии на новый уровень. Термин «послесовременность» не привносит эвристичности в познание современности. Для концептуализации сути современной реальности важно преодолеть логику «постмодернистской ризомы» через допущение самостоятельного статуса логики медиамодерна. Примат индустриальной рациональности (возникший благодаря процессу индустриализации), присущий модерну, снятый в постмодернизме в виде отказа от любых логических построений, который фундировал все субъект-субъектные, субъект-объектные отношения, в медиамодерне сменяется определяющей ролью медиатизации. Главную роль самого перехода от, как отмечает Ю. Хабермас, «новой непрозрачности» к транспарентности сыграл медиальный поворот, после которого появляется новый тип субъектов «рациональных, автономных эго как постоянных интерпретаторов культуры, которые в изоляции создают логические соединения из линейных символов» [2, с. 46]. Иными словами, когнитивная атмосфера постмодерна становится маргинальной в условиях формирования новых медийных возможностей человека.

Французские философы Ж. Делез и Ф. Гваттари приводят следующую характеристику постмодерна: «Мир утратил свой стержень, субъект не может больше создавать дихотомию, но он достигает более высокого единства – единства амбивалентности и сверхдетерминации – в измерении, всегда дополнительном к измерению собственного объекта. Мир стал хаосом» [3, с. 11]. Хаос раскрывается постмодернистами через понятие ризомы. Ризома есть некая детерриторизированная сеть, где отсутствуют логические причины и следствия. За таким пониманием пространства стоит радикальный поворот в понимании человеком своей локальности. Под локальностью в



данном контексте подразумевается всякая ограниченность: страх смерти, отсутствие потенциала когнитивного поиска, утрата человекообразности объектов окружающей реальности. Современный философ С. Жижек отмечает: «Реальность – это социальная реальность людей, вовлеченных во взаимодействие и в производственные процессы, в то время как реальное – неумолимая абстрактная призрачная логика капитала, определяющая то, что происходит в социальной реальности» [4, с. 117]. Иными словами, в обществе постмодерна человек ограничен, замкнут в локусе индивидного, частного.

Одновременно отсутствует возможность исчерпывающе описать постмодернистского субъекта через рефлексию его деятельной конъюнктуры – каждый момент времени он находится в стадии «отрицания». Если Сизиф А. Камю абсурден в своей деятельности, то масса индивидов парализована отсутствием действия. Идея нового типа культуры, которая содержится уже в самом именовании эпохи – постмодернизм, есть нерелексируемое нечто, что возникает после модерна и раскрывается через противопоставление модерновому. Конечно, постмодерн является собой целый корпус идей, однако в качестве ключевого вопроса, который определяет всевозможные интерпретации, принято обозначать кризис измерения, в котором человек может реализовываться.

На наш взгляд, состояние постмодерна преодолевается не через рефлексию концепта «потерянное поколение», а посредством пересмотра социального пространства. Согласно российской медиатеоретику В. В. Савчуку, все от Dasein до логического языка оказывается неспособным описать реальность и именно в этот момент происходит медиальный поворот [5, с. 39]. Изоляция субъекта оказывается преодолена, и медиа становятся новой средой его бытийствования.

Процесс смены постмодернистского дискурса на медийный опосредован состоянием технического развития и уровнем медиакультуры. За последние десятилетия среди исследователей появился значительный интерес к медиаобразованию в связи с конституированием новых каналов цифрового взаимодействия. Происходит трансформация самого понятия медиаграмотность – от умения противостоять негативным эффектам медиа до понимания законов новомедийной среды. В условиях, когда традиционные медиа перестали пониматься орудийно, становится необходимым пересмотр медиаобразования в целом и его места в структуре знаний современного человека.

Смыслы, которые образуют исторически проблемное поле медиа, различаются не только

степенью полезности для человека и общества, способностью институализировать цифровые отношения, но прежде всего собственным генезисом. Так, кажется очевидной политическая ангажированность медиадискурса в целом. Это обусловлено исторически сложившейся ролью СМИ как полноценного участника политических событий и процессов. На первый взгляд, для исследователей медиа содержание конкретного медиaproдукта не представляет ценности. Однако, по нашему мнению, существует прямая зависимость между доминирующим содержанием медиа и пониманием роли медиа в жизни человека и, как результат, соответствующей интерпретацией медиаграмотности.

Российские медиатеоретики [6] перечисляют около десяти типов ключевых медиаобразовательных теорий: исторически первыми являются протекционистские теории медиаобразования. В начале XX в. возникает феномен массовой пропаганды, когда правительства ряда стран начинают систематически использовать СМИ для формирования определенного общественного мнения и мотивации граждан. Такие носители контента как радио, печатная пресса, кинематограф не понимались в рамках культуры развлечений. Иллюстрацией этого является инцидент, произошедший 30 октября 1938 г., когда в воскресном эфире национального американского радио вышла передача-спектакль по роману Г. Уэллса «Война миров» о марсианском вторжении на Землю. Спектакль был представлен как репортаж, дополненный звуковыми эффектами и подробным описанием марсиан, совершающих высадку в Чикаго. Миллионы людей пропустили начало эфира, где анонсировался этот спектакль, и поэтому по всей стране началась паника: люди старались добыть противогазы, баррикадировались в домах, совершали самоубийства.

Это происшествие демонстрирует низкий уровень критического восприятия содержания медиа, когда СМИ имели весомый авторитет и оказывали прямое воздействие на эмоциональное состояние, а также способствовали познавательной деградации. Соответственно, первые протекционистские теории медиаобразования объединяет идея необходимости понимания содержания СМИ как продукта, рассчитанного на определенный тип реакции со стороны реципиента, обладающего определенной жанровой структурой, имеющего конкретные идеологические цели и аудиторию, представляющего гуманитарную угрозу.

Иными словами, сам феномен массивного воздействия на людей через различные медиаканалы закрепил за СМИ статус манипуля-



тора. Закрепившийся за медиа статус силы, способной агрегировать внимание людей, породил концепцию «медиааудитории – жертвы». Так, американский медиапедагог Н. Постман в работе «Amusing Ourselves to Death» («Развлекаемся до смерти») пишет о медиа как о том, что вызывает подростковые беременности, разрушение семейных ценностей и т. п. [7].

Появление и развитие социальных сетей изменило масштаб медиапространства. Социальные медиа определяют контекст жизни современного человека. Требуют изменений когнитивные принципы процесса образования, ценность накопленного знания начинает рассматриваться сквозь призму его прикладного значения. Как отмечают М. Ли и К. Маклафлин [8], современные студенты должны стать со-производителями знаний. М. Маклюэн концептуализировал изменения в образовании, вызванные медиа в работе «Класс без стен» [9], он отмечает, что большая часть обучения вынесена за пределы школьного класса. М. Маклюэн акцентирует внимание на таком важном аспекте восприятия медиа как совместное переживание, например, такого явления как кинематограф. Подразумеваемая под всякой массовостью ориентированность на развлечение не отражает подлинную сущность медиа, поскольку любой язык есть медиа, однако массовость употребления не означает, что он имеет развлекательный характер. Появляются новые языки и инструменты передачи информации, которые обуславливают культурную перестройку. В работе «Одинокая толпа» социолога Д. Райсмана отражено негативное представление технологизированного общества, где все общество в целом можно охарактеризовать как невротическое ввиду того, что усиливается тенденция опосредованности техникой взаимоотношений человека с миром. По мнению автора, это свидетельствует о состоянии социального отчуждения человека. Однако современные теоретики [10] считают, что новые медиа появились и вошли в культуру согласно цивилизационной логике, когда определенный инструментарий начинал использоваться человеком (камень, сельскохозяйственные инструменты, транспортные средства) и тем самым изменял набор востребованных навыков и степень зависимости от окружающей среды. Появление культуры как искусственно созданной среды, в которой только и может жить

человек, содержит в себе идею, что чем более человек отделяется от природного, тем более высокой считается культура и, соответственно, организация социального взаимодействия.

Современная медиадействительность характеризуется тем, что пользователи, обладающие определенным набором ценностей, генерируют уникальное общее содержание сети. Мир, фундированный медиа, оказывается способным собрать постмодернистскую фрагментарность субъектов. Новые медиа в повседневной жизни перестают функционировать в качестве инструментов для манипулирования сознанием, а приобретают онтологический статус пространства свободы.

### Благодарности и финансирование

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-13-16001) и Правительства Республики Татарстан (проект «Казанский федеральный университет в глобальном новомедийном пространстве: возможности, риски и перспективы»).*

### Список литературы

1. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. СПб., 2000. 347 с.
2. Poster M. The mode of information. Poststructuralism and social context. Chicago, 1990. 188 p.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато : капитализм и шизофрения. Екатеринбург ; М., 2010. 895 с.
4. Жижек С. Хрупкий абсолюте, или Почему стоит бороться за христианское наследие. М., 2003. 181 с.
5. Савчук В. В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб., 2014. 350 с.
6. Федоров А. В., Чельшова И. В. Медиаобразование в России : краткая история развития. Таганрог, 2002. 266 с.
7. Postman N. Amusing ourselves to death : Public discourse in the age of show business. N.Y., 2006. 208 p.
8. McLoughlin C., Lee M. Web 2.0-based e-learning : Applying social informatics for tertiary teaching. Hershey PA, 2011. 483 p.
9. McLuhan M. Classroom without walls in explorations in communication. Boston, 1960. 202 p.
10. Manyika J., Chui M., Bughin J., Dobbs R., Bisson P., Marrs A. Disruptive technologies : Advances that will transform life, business, and the global economy. N.Y., 2013. 176 p.

### Образец для цитирования:

Котляр П. С. Рефлексия медийного: дискурсы медиаграмотности // Изв. Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 261–264. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-261-264



## Reflections on the Media: Discourses of the Media Literacy

P. S. Kotlyar

Polina S. Kotlyar, Kazan (Volga region) Federal University, 35, Kremlevskaya Str., Kazan, 420008, Russian, polikotsob@mail.ru

The article analyzes two discourses of perception of reality: postmodern and media. The main characteristics of a person's understanding of their situation in the world are singled out. In post-modern discourse formed rhizomatic approach to understanding space that substantiates the state of so-called "new opacity". The author makes an assumption according to which the idea of postmodernism can be reduced to the crisis of human interaction and a certain historical social environment in which it is closed in its own locality. Absence of the possibility to perform actions and be included in the general social environment means the death of the subject. In the article the author carries out a metaphorical transfer of the postmodern idea of impotence to the process of transformation of media literacy ideas in the context of interaction with the media as a possible way of overcoming the postmodern intellectual aporia. The protectionist theory of media education, aimed at stopping people from being exposed to the negative impact of media, was actually a statement of the postmodern idea of locality, which led to the emergence of the concept of "the audience is a victim". It is hypothesized that with the emergence of social networks, a rethinking of audiovisual texts takes place and a new media social environment arises where a person is able to express himself, thus overcoming, therefore, the subjectivity crisis.  
**Key words:** new media, media education, modern media discourse, media literacy, digital technologies.

**Acknowledgements:** *This work was supported of the Russian Foundation for Basic Researches (project no. 17-13-16001) and the Government of the Republic of Tatarstan (project "Kazan Federal University in the global new media educational space: opportunities, risks and prospects").*

## References

1. Mankovskaya N. B. *Estetika postmodernizma* [Aesthetics of postmodernism]. St. Petersburg, 2000. 347 p. (in Russian).
2. Poster M. *The mode of information. Poststructuralism and social context*. Chicago, 1990. 188 p.
3. Deleuze G., Guattari F. *A thousand plateaus. Capitalism and schizophrenia*. Minneapolis, 1987. 632 p. (Russ. ed.: Delez Zh., Gvattari F. *Tysyacha plato: kapitalizm i shizofreniya*. Ekaterinburg, 2010. 895 p.)
4. Zizek S. *The Fragile Absolute, or Why the christian legacy is worth fighting for*. London, New York, 2001. 188 p. (Russ. ed.: Zhizhek S. *Khrupkiy absolut, ili pochemu stoit borotsya za khristianskoe nasledie*. Moscow, 2003. 181 p.)
5. Savchuk V. V. *Mediafilosofiya. Pristup realnosti* [Mediophilosophy. Attack of reality]. St. Petersburg, 2014. 350 p. (in Russian).
6. Fedorov A. V., Chelysheva I. V. *Mediaobrazovanie v Rossii: kratkaya istoriya razvitiya* [Media education in Russia: a brief history of development]. Taganrog, 2002. 266 p. (in Russian).
7. Postman N. *Amusing ourselves to death: Public discourse in the age of show business*. New York, 2006. 208 p.
8. McLoughlin C., Lee M. *Web 2.0-based e-learning: Applying social informatics for tertiary teaching*. Hershey, PA, 2011. 483 p.
9. McLuhan M. *Classroom without walls, in explorations in communication*. Boston, 1960. 202 p.
10. Manyika J., Chui M., Bughin J., Dobbs R., Bisson P., Marrs A. *Disruptive technologies: Advances that will transform life, business, and the global economy*. New York, 2013. 176 p.

---

### Cite this article as:

Kotlyar P. S. Reflections on the Media: Discourses of the Media Literacy. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 261–264. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-261-264

---



УДК [1:316](430)+929 Бек

## МИРОВОЕ ОБЩЕСТВО РИСКА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ УЛЬРИХА БЕКА: ЛОГИКА И ИРОНИЯ

О. М. Ломако

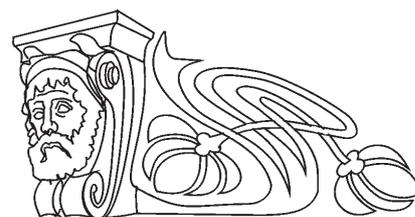
Ломако Ольга Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, olga-lomako@yandex.ru

Статья посвящена анализу мирового общества риска в социальной философии Ульриха Бека. Являясь по своей сути политической, эта философия направлена на историческое восприятие общества риска и выявление его новых особенностей в современную эпоху. Рассматриваются новации, отличающие мировое общество риска от предшествующего ему общества риска модерна и постмодерна: различие риска и катастрофы, риска и культурно-вариативных суждений о риске. Из различия между риском и катастрофой следует необходимость в предохранительных действиях. Особое значение это имеет для государства, которое вынуждено заниматься прогнозированием и профилактикой рисков, поскольку безопасность граждан является первоочередной государственной задачей. Типология различных «логик» глобальных рисков позволяет определить новые феномены терроризма и сравнить его с экологическими и экономическими рисками. Логика риска предполагает его иронию, которая заключается в необходимости предвидения непредсказуемого. Логика однозначности уступает место логике многозначности, которая находит выражение в соединении общества риска с космополитизмом. Обе тенденции – рефлексивность неизвестного и космополитический момент – указывают на глобальное изменение «общества» в XXI веке, приоритетом которого становится безопасность.

**Ключевые слова:** немецкая философия, Бек, социальная философия, политика, этика, история, мировое общество риска, логика риска, ирония риска, безопасность, социальные дискурсы риска.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-265-269

В рамках процесса глобализации актуальным является анализ природы глобальных угроз и социальных рисков. Как отмечает В. Б. Устьянцев, различные рискогенные ситуации становятся все более заметными явлениями, влияющими на динамику общественных процессов, социальных сообществ и человека [1, с. 150]. Приступая к анализу мирового общества риска в своей политической философии, У. Бек отмечает как основную тенденцию логику многозначности, которая приходит на смену логике однозначности. Он определяет три новационных момента, отличающих мировое общество риска от предшествующего ему общества риска модерна и постмодерна и приобретающих в эпоху глобали-



зации все большее значение: различие риска и катастрофы, различие риска и культурно-вариативных суждений о риске и типология глобальных рисков [2, с. 27–28].

Из различия между риском (как антиципированным событием, существующим в предвидении) и катастрофой (как событием фактическим) следует концептуальный момент: не важно, живем ли мы в мире, который «объективно» является более надежным, чем все предшествующие, – в любом случае антиципация разрушений и катастроф обязывает к предохранительным действиям. Особое значение это имеет для государства, которое вынуждено заниматься прогнозированием и профилактикой рисков, заблаговременной подготовкой к ним, поскольку безопасность граждан является первоочередной государственной задачей. Обеспечение безопасности необходимо даже в том случае, когда компетентные инстанции (наука, вооруженные силы, судебная практика) не обладают соответствующими методами и средствами защиты граждан, если, например, варианты ответа на глобальные риски ограничены горизонтом национального государства.

У. Бек последовательно доказывает, что в мировом обществе риска все более спорной и проблематичной становится абсолютность логического рефлексивного рационального понимания рисков, которое формулируется в дисциплинах естествознания, техники, психологии, экономики, медицины. Согласно такой интерпретации задачи исследований рисков в этих областях знания заключаются в установлении рисков с помощью статистики и математики, в проверке причинно-следственных гипотез и разрабатываемых на их основе прогностических моделей для определенных рисков, а также в анализе типичных вариантов восприятия рисков различными социальными группами. «Рациональными» эти исследования считаются постольку, поскольку они исходят из предположения, что научные методы измерения и модели калькуляции наиболее точно позволяют объяснить риски как дискриптивно, так и прогностически, что не в последнюю очередь касается и политики [2, с. 32].

Эта «техническая» наука о рисках основывается на ясном различии самого риска и



представления о нем, которое подчеркивается и поддерживается параллельным отделением экспертов от дилетантов. Соответственно, «субъективность» риска и «восприятие риска» делегируются на установки исследования. При этом восприятие риска, в свою очередь, рассматривается и анализируется как индивидуальная реакция и ответ на «объективные» риски соответственно различным «эвристикам» индивидуального суждения и понимания. Вполне очевидно, на чьей стороне предполагаются предрассудки и ошибки – конечно, у дилетантов, и у кого их просто не может быть – разумеется, у экспертов. «Субъективность риска» происходит со стороны дилетантов, которые считаются «плохо информированными» в сравнении с «научным» способом мышления экспертов. Иррациональность восприятия риска у большей части населения основана, следовательно, прежде всего на недостатке информации. Если бы удалось всех сделать экспертами, все проблемы и конфликты, связанные с рисками, разрешатся сами собой. Это в конечном итоге становится основной идеей. Но все сложности, например, такие как различные виды незнания, противоречия между самими экспертами и, в конце концов, невозможность сделать непредсказуемое предсказуемым, выносятся за скобки и после их переоценки считаются завершенными.

Такому утверждению, однако, противоречит в широком смысле слова генеральный тезис понимания глобальных рисков, поскольку глобальное предвидение (антиципация) противоречит методам научного вычисления. Чем меньше просчитывается опасность, тем больший вес приобретает культурно-вариативное восприятие риска, вследствие чего исчезает различие между риском и его культурным восприятием. Один и тот же риск, рассматриваемый в перспективе разных стран и культур, оценивается и осуществляется различным образом [2, с. 33–34].

Третья новация У. Бека – типология различных «логик» глобальных рисков – позволяет определить новые феномены транснационального терроризма и сравнить его с экологическими и экономическими рисками. Типология глобальных рисков, таким образом, раскрывается через три «логики»: экологический кризис, экономический кризис, опасность терроризма. Существенное различие экономических рисков и экологических опасностей, с одной стороны, и опасностью терроризма, с другой стороны, заключается в том, что в последнем случае присутствует преднамеренность действий. Экономические кризисы и экологические опасности, несмотря на все их различие, имеют нечто общее: они должны быть поняты из диалектики добра и зла

как случайные, непреднамеренные последствия решений в процессе модернизации. Совершенно иной является логика нового терроризма – это преднамеренное зло. Здесь речь должна идти о рациональных основаниях практики калькуляции рисков, поскольку на место случайности приходит злое намерение. Становится очевидным, что определение рисков имеет моральную основу [2, с. 37–38].

Исследуя социальные дискурсы риска, У. Бек возвращается к эпохе модерна, когда ведущая идея – контролируемости обусловленных решениями побочных последствий и опасностей – была поставлена под вопрос. Новое знание служит тому, чтобы непредвиденное превратить в калькулируемое, которое, в свою очередь, вновь порождает непредвиденные риски, что, собственно говоря, и приводит к необходимости рефлексии рисков. Через эту «рефлексивность неизвестности» неопределимость риска в современности впервые становится основополагающей для всего общества. Именно поэтому, признается У. Бек, он вынужден был пересмотреть свой концепт общества и социально-научные понятия [2, с. 39]. Пожалуй, рефлексия неопределенности в мировом обществе риска инициирует потребность в логике многозначности, которая находит выражение в соединении общества риска с космополитизацией. В истории это можно сравнить с античным космополитизмом стоиков, с космополитизмом эпохи Просвещения (Кант) или с «преступлением против человечества» (Х. Арндт, К. Ясперс). Как бы то ни было, глобальные риски разрывают национальные границы и смешивают «свое» и «чужое», «близкое» и «дальнее». Далекий Другой становится внутренним Другим, и не как следствие миграции, а в гораздо большей степени как следствие глобальных рисков. Повседневность становится космополитической, поскольку люди обретают смысл жизни в процессе обмена с другими, а не только с себе подобными [2, с. 40–41].

Обе тенденции, обозначенные У. Бекон, – «рефлексивность неизвестности» и «космополитический момент» – указывают на глобальное мета-изменение общества в XXI в. и раскрывают внутреннюю логику мирового общества риска в горизонтах его нормативности, неотделимой от произвольной иронии. «Большое и малое повествование об истории риска и ее общественно-политических влияниях наполнено иронией. Она рассказывает о произвольном комизме и оптимистической бессмысленности, с которыми базисные институты современного общества – наука, государство, хозяйство, вооруженные силы – пытаются предвосхищать то, что не поддается предвидению», отмечает У. Бек и



продолжает: «Только события второй половины XX века по-настоящему приблизили нас к пониманию того, что Сократ вложил в свое загадочное высказывание “Я знаю, что ничего не знаю”. Научно-техническое общество подарило иронию фатального понимания. Мы не знаем, что мы не знаем. Как раз отсюда следуют опасности, угрожающие человечеству» [2, с.94].

Ирония риска заключается в том, что рациональность, т. е. отложенный опыт, приводя к необходимости оценки рисков по неподходящим масштабам, вынуждает считать риски контролируемыми и просчитываемыми, в то время как катастрофы постоянно случаются в ситуациях, о которых мы не имеем никаких знаний и которые не можем предвидеть. Можно было бы бесконечно перечислять подтверждения горькой иронии риска с указанием на все более сильное ограничение прав и свобод индивидов, чтобы защитить население от терроризма, хотя террористическая угроза не уменьшается.

Нормативный горизонт риска заключается в его амбивалентности. Если в эпоху модерна вхождение в риск для отдельного человека такая же необходимость как существование правительства, то с началом XXI в. каждое действие вступает в конфронтацию с глобальными рисками. Осознание заброшенности в глобальные риски представляет собой шок для человечества. Никто не мог предвидеть такое развитие, хотя, как отмечает Н. Луман, уже в формирование структур ожидания входят моменты отражения риска и необходимости усиления внутрисистемной надежности. Если ожидания вообще образуются, они уже имеют степень надежности, которую невозможно вывести из окружающего мира, — она является собственным достижением системы.

В конечном счете вся эволюция, по-видимому, основывается на массивировании ненадежности. В социокультурной эволюции этот принцип расширения ненадежности повторяется. Н. Луман полагает, что людей следует рассматривать как заслуживающих доверия и укреплять ожидания, препятствующие разочарованию. Можно формировать и более рискованные ожидания, если удастся добиться того, чтобы разочарования были отдельными событиями, не становились аккумулятивными, угрожая тем самым надежности. С такой точки зрения эволюция выступает все новым включением ненадежности в надежность и надежности в ненадежность, не гарантируя при этом защиты и безопасности [3, с. 407].

Неуверенность можно признать важнейшей чертой постмодерна. В этих условиях каждое действие становится риском в принятии решений «за» или «против» в рамках рискогенной и всегда

амбивалентной свободы, за последствия которой (в случае необходимости и экзистенциально) человек отвечает сам, принимая на себя всю тяжесть этой ответственности. Желание сделать что-то определенное, выбрать один-единственный вариант из многих связывается при этом с необходимостью отказа от других возможностей. Такая амбивалентность требует в повседневной жизни все большей затраты энергии как социальной, так и психической. Таково новое требование цивилизации, сколько латентное, столько и чрезмерное. Внутренняя и внешняя неуверенность производит формы общения, которые все больше характеризуют повседневную жизнь людей как риск [4, с. 67].

Риск собой всегда предполагает решение и действие того, кто его принимает. Ирония риска заключается в создании радикальной асимметрии между теми, кто отваживаются на риск, определяет его, и теми, кому лишь указывают на непредвиденные последствия решений других, и которые тем не менее вынуждены почувствовать их на себе, может быть, даже заплатить ценой собственной жизни, без всякой возможности принять какое-либо участие в осуществлении этих решений [2, с. 252]. Неудивительно поэтому, что часто риски оказываются в центре конфликтов. Н. Луман придерживается этой схемы конфликтов рискогенности. У него различие между риском и опасностью совпадает с противоположностью тех, кто решение принимает, и тех, кто страдает от их последствий. Между ними достигнуть взаимопонимания особенно сложно. И в то же время не существует ясных направлений конфликтов, поскольку конфронтация между принимающими решения и пострадавшими от этих решений во многом остается ситуативной.

О рисках говорят тогда, когда вред и ущерб случаются вследствие собственных решений, в случаях опасности речь идет, напротив, о разрушениях, пришедших извне. Известные опасности, такие как землетрясение и извержение вулканов, становятся рисками в той мере, в какой принимаются решения по преодолению их последствий. Но это только половина проблемы, поскольку с решениями увеличиваются опасности. Риск тоже становится опасностью, а именно, в форме опасностей, которые исходят от решений других. Поэтому сегодня различие между риском и опасностью пронизывает весь социальный порядок [5, с. 81].

Означает ли это отказ от рефлексии рисков? Э. Гидденс и У. Бек говорят о перспективах «рефлексивной модернизации», исходными пунктами которой являются институциональная рефлексия, рефлексивное сообщество, побочные последствия.



Определенную трудность представляет значение самого понятия «рефлексия». Так, Э. Гидденс и У. Бек рассматривают этот термин в различных, но все же пересекающихся смыслах. Первая точка зрения, которой придерживается Э. Гидденс, заключается в том, что «рефлексивная» модернизация основывается на приоритете знания относительно оснований, последствий и проблем модернизации. У. Бек разделяет вторую точку зрения, согласно которой рефлексивная модернизация является, в первую очередь, результатом побочных последствий. В первом случае речь идет о рефлексии в узком значении, во втором – в ее широком смысле, где имеется в виду, что рефлексивность наряду с рефлексией (знанием) включает в себя также и рефлекс, понимаемый как действие или как предварительное действие в условиях незнания [2, с. 218–219].

По определению Э. Гидденса, «рефлексивная модернизация характеризует поздний модерн, в то время как <...> он обозначает себя как эпоху, которая сама рефлектирует границы и ошибки модерна. Это связано напрямую с ключевыми проблемами современной политики, поскольку пока еще в некоторых частях мира господствует простая или линейная модернизация, особенно в Южной Азии» [6, с. 110].

С начала XXI столетия каждое действие сталкивается с риском. Риск становится глобальным. На вопрос «Что же определяет глобальные риски?» немецкий социолог и философ У. Бек дает четкий ответ: делокализация, некалькулируемость, некомпенсируемость. *Делокализация* (Delokalisation) означает, что причины и следствия производимых действий не ограничиваются больше каким-то одним географическим местом или пространством. Они в принципе становятся вездесущими. *Некалькулируемость* (Unkalkulierbarkeit) означает, что последствия катастроф мирового масштаба принципиально не могут быть просчитаны и предусмотрены. Речь, по сути, идет о «гипотетических» рисках, которые базируются на утверждаемой самой наукой невозможности знания и на пронизывающих науку нормативных разногласиях. *Некомпенсируемость* (Nicht-Kompensierbarkeit) связана с тем, что мечта о безопасности европейского модерна XIX в. не исключала опасности (даже большого масштаба), но эти опасности считались компенсируемыми, их последствия были обратимы (например, через деньги). Если же климат меняется бесповоротно, если прогресс в генетике человека вторгается в человеческую природу необратимым для него способом, уже не приходится говорить о компенсации. Глобальный характер рисков разрушает саму логику компенсации.

При этом следует учитывать, что делокализация некалькулируемых, тесно связанных между собой рисков происходит в трех измерениях:

а) пространственно: новые риски (например, изменение климата) распространяются за границы национального государства, даже за границы континента;

б) темпорально: новые риски имеют долгий латентный период, так что их будущие последствия не могут быть надежно определены и ограничены, поэтому изменяется знание и незнание, так что вопрос, кто пострадал от этих рисков, долгое время остается открытым и спорным;

в) социально: поскольку новые риски являются результатом комплексных последствий через длинную цепочку, их причины и следствия не могут быть точно определены. Невозможность расчета рисков вытекает из невозможности их точного знания. Однако в то же время требование знания рисков, их контроля и безопасности государства и граждан должно быть расширено, что, в свою очередь, опять приводит к иронии – контролировать нечто, о чем даже не знаешь, существует ли оно в реальности. Почему вообще наука или какая-либо научная дисциплина должны заниматься тем, что совершенно неизвестно? На этот вопрос У. Бек дает ясный и однозначный ответ: «Потому, что безопасность является приоритетом современного общества, и этот приоритет не устраняется незнанием, а напротив, активизируется и доминирует благодаря незнанию, как, например, в случаях рисков, связанных с терроризмом» [2, с. 103–104]. Именно из-за постоянно производимых ситуаций опасности и беззащитности перед ними человека общество, как никогда ранее, должно быть нацелено на создание контроля рисков и общей безопасности.

Все более очевидным становится, что мировые риски изменяют основы совместной жизни и деятельности человека во всех областях как на глобальном уровне, так и на национальном. Происходит генеральное культурное изменение: возникает другое понимание как природы и ее отношений с обществом, так и самого человека в его отношении к Другому, к социальной рациональности, к свободе, демократии и легитимности. В условиях мирового общества риска необходима новая, ориентированная на будущее, планетарная ответственность, новые культурные движения и новая макроэтика, на основе которой должны быть созданы новые идентичности, новые законы, интернациональные организации и институты в области хозяйства, политики и всей общественной жизни. Таким образом, мировой риск становится причиной и медиумом обще-



ственного преобразования и находится в тесной связи с новыми формами классификации, интерпретации и организации нашей повседневности, новых возможностей организовать настоящее общество с ориентирами на будущее.

#### Список литературы

1. Устьянцев В. Б. Человек, жизненное пространство, риски. Саратов, 2012. 206 с.

2. Beck U. *Weltrisikogesellschaft. Auf der Suche nach der verlorenen Sicherheit*. Frankfurt/Main, 2015. 437 S.
3. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007. 644 с.
4. Schmidt-Semisch H. *Kriminalität als Risiko*. München, 2002. 284 S.
5. Luhman N. *Soziologie des Risikos*. Berlin ; N.Y., 1991. 252 S.
6. Giddens E., Pierson C. *Conversations with Anthony Giddens : making Sense of Modernity*. Cambridge, 1998. 248 p.

#### Образец для цитирования:

Ломако О. М. Мировое общество риска в политической философии Ульриха Бека: логика и ирония // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 265–269. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-265-269

#### World Risk Society in Ulrich Beck's Political Philosophy: Logic and Irony

O. M. Lomako

Olga M. Lomako, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, olga-lomako@yandex.ru

The paper is devoted to the analysis of world risk society in the social philosophy of Ulrich Beck. Actually her philosophy can be considered the political philosophy and thus it focuses on historical perception of risk society and revealing of its new features in the modern era. The article considers innovations that distinguish the world society of risk from the previous society of modern and postmodern risk: the difference between risk and catastrophe, risk and cultural judgments about risk. From the difference between risk and catastrophe, there is a need for protective action. This is of particular importance for the state, which is forced to engage in forecasting and preventing risks, since the safety of citizens is a primary task of the state. Typology of different «logic» of global risks allows to identify new phenomena of terrorism and compare it with environmental and economic risks. The logic of risk suggests its irony, which is the need to anticipate unpredictable. The logic of uniqueness gives way to the logic of ambiguity, which finds its expression in the connection of the risk society with the cosmopolitanism. Both trends – the reflexivity of the unknown and the

cosmopolitan moment – point to a global change in the society in the 21st century, whose priority is security.

**Key words:** german philosophy, Beck, social philosophy, politics, ethics, history, world risk society, risk logic, risk irony, security, social risk discourses.

#### References

1. Ustyantsev V. B. *Chelovek, zhiznennoe prostranstvo, riski* [Man, living space, risks]. Saratov, 2012. 206 p. (in Russian).
2. Beck U. *Weltrisikogesellschaft. Auf der Suche nach der verlorenen Sicherheit* (World risk society. In search of the lost security). Frankfurt/M., 2015. 437 S.
3. Luman N. *Sociale Systeme. Grundriss einer allgemeinen Theorie*. Frankfurt/M., 1984. 674 S. (Russ. ed.: Luman N. *Sotcialnye sistemy. Ocherk obshchey teorii*. St. Petersburg, 2007. 644 p.).
4. Schmidt-Semisch H. *Kriminalität als Risiko* (Crime as a risk). München, 2002. 284 S.
5. Luhman N. *Soziologie des Risikos* (The sociology of risk). Berlin, New York, 1991. 252 p.
6. Giddens E., Pierson C. *Conversations with Anthony Giddens: making Sense of Modernity*. Cambridge, 1998. 248 p.

#### Cite this article as:

Lomako O. M. World Risk Society in Ulrich Beck's Political Philosophy: Logic and Irony. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 265–269. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-265-269



УДК 1.316

## ПАРТИСИПАТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ СТИГМЕРГИЯ КАК ПРОЦЕССЫ СОЦИАЛЬНОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Н. А. Муштей

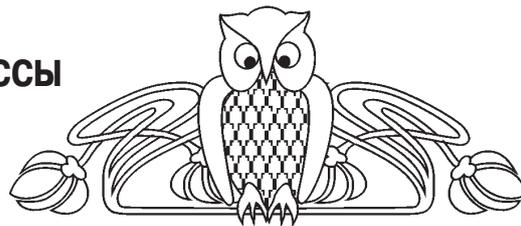
Муштей Надежда Анатольевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социальных коммуникаций, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина, филиал РАНХиГС, lux\_spei@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению партисипативного взаимодействия и стигмергии как сетевых форм социальной самоорганизации, реализующихся в условиях транспарентности, ситуативности и неиерархичности и являющихся источником социальной синергии в современном обществе. Автор подчеркивает горизонтальный характер данных процессов и сравнивает с принципами номадологии Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Сетевое взаимодействие сегодня является важным процессом в любой социальной, экономической и культурной системе. Кооперация заинтересованных лиц позволяет совместно достигать значительных результатов. В статье рассматривается эффективность коллективного взаимодействия, направленного на решение актуальных вопросов и проблем. Анализируются проявления партисипативного взаимодействия и соучастия, а также причины их активного распространения, такие как развитие многопользовательских цифровых сетевых систем, трансформация активности субъектов с потребляющей на производящую. Партисипативный тип мышления сформирован благодаря возможности создания и управления информационным продуктом, а также возможности мобилизации ресурсов всех пользователей. Исследуются практики соучаствующего проектирования, краудфандинг и краудсорсинг. Несмотря на социальную продуктивность партисипативного взаимодействия оцениваются риски, связанные с особенностями поведения толпы. Стигмергия является ацентричным процессом и может существенно противостоять управляющему центру. Сетевые объединения соучаствующих лиц в виртуальном пространстве могут быть недобросовестно использованы в качестве площадки для информационных войн.

**Ключевые слова:** партисипация, социальная стигмергия, добровольчество, социальная самоорганизация, соучаствующее проектирование, сетевой синергизм, сетевое взаимодействие.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-270-274

Сегодня в социальной действительности актуальны феномены партисипации, соучаствующего проектирования, благотворительности, волонтерства и добровольчества. Данные практики являются разными сторонами одного и того же явления – сетевой социальной стигмергии как спонтанной самоорганизации индивидов, объединяющихся временно, по случаю дости-



жения какой-то цели. Это может быть не прямое взаимодействие, а посредством цифровых коммуникаций, когда вклад каждого происходит дистанционно. В результате данного взаимодействия происходит преобразование окружающей среды, реализация проекта, сбор средств и т. д.

Современный социальный субъект выступает сегодня в роли активного преобразователя, носителя творческого потенциала, соучаствующего лица и производителя интеллектуального и материального продукта. Стигмергия как вид социальной самоорганизации субъектов стала распространенным явлением благодаря развитию многопользовательских ресурсов в сети, наличию сетевой синергии, эффективности и результативности объединения для решения каких-то задач. Сетевые партисипативные практики, такие как краудфандинг, краудсорсинг, фолксномия, нетворкинг и другие, переориентировали современного человека на активную преобразовательную позицию и включенное взаимодействие по решению внешних проблем и достижению целей.

Фолксномия как многопользовательское управление информационными системами, контентом и данными посредством согласованности решений голосованием, сбором подписей или рейтингованием позволила вовлечь в социальное участие огромное количество людей. В этом выражается позиция осознанной необходимости и гражданственности, если рассматривать соучаствующее проектирование городской среды. Сегодня массовый субъект чувствует свое влияние на решение социальных проблем, определение модных тенденций, организацию и реализацию собственных экономических, общественных, культурных проектов. Партисипативный тип мышления сформирован благодаря возможности создания и управления информационным продуктом, а также возможности мобилизации ресурсов всех пользователей.

Система web 2.0 сформировала новое сообщество производителей информации, которые не претендуют на авторство и герметичность своего продукта, наоборот, он становится открытым и доступным для всех. Web 2.0 позволяет на пра-



вах открытого входа привлекать пользователей Интернета к решению креативных задач. Вырабатываются механизмы координации, благодаря которым люди работают над совместным достижением цели. Группы Facebook, Google group, Wikipedia выработали определенный тип сознания, основанный на доверии и соучастии субъектов, не связанных друг с другом. Коллективное решение инновационных задач стало возможным благодаря многопользовательским ресурсам и транспарентности сетевых взаимодействий.

Произошло коллективное осознание того, что, объединяя усилия, можно более эффективно менять окружающую социальную действительность, решать проблемы и реализовывать проекты. Система ценностей также трансформировалась: стало значимым делать вклад в изменение мира, в улучшение среды обитания, в решение социальных проблем и т. д. Однако партиципационные процессы могут быть симптомом кризиса государственности, когда субъекты не полагаются на помощь исполнительных властных структур, а рассчитывают только на сетевую кооперацию в решении актуальных социальных проблем. Активисты осуществляют сбор подписей в защиту кого-то или против решения властей, что находит поддержку у аудитории, вызывает общественный резонанс и приводит к нужному результату. В сети создаются молодежные сообщества, волонтерские движения, благотворительные фонды, информационные агентства, добровольческие клубы и поисково-спасательные отряды. Образовавшиеся в виртуальном пространстве тематические ресурсы позволили и в реальном режиме взаимодействовать социально активным субъектам. Наполнение ресурсов происходит с участием пользователей, заинтересованных в данных информационных платформах, построенных на принципах соавторства и коллективизма, синдикации контента, «партнерской архитектуры сайта», этики кооперации. Визуальный и текстовый контент оцениваются и управляются также самими пользователями.

Современный человек управляет информационными рынками и является активным создателем продукта, к этому прибавляется возможность работать в кооперации и солидаризации с другими лицами. Значительная часть коммуникативных интеракций в сети имеет социально ориентированный характер. Кооперация часто осуществляется стихийно и молниеносно, например, при пропаже человека поисковые отряды формируются из добровольцев этого города. Остальные, кто не участвует в реальном поиске,

осуществляют информационную поддержку в сети, поиск стейкхолдеров, анализ результатов.

Формируются зоозащитные движения, где соучастие выражается в различных формах. Надо отметить, что инициативные группы и сообщества не ограничены виртуальным пространством: Интернет, социальные сети являются площадкой для коммуникации, поиска единомышленников, а деятельность осуществляется в реальном времени и пространстве.

Сегодня манифестируется продуктивность не единоличного решения проблемы, а совместного, когда коллективный разум и содействие приводят к скорейшему разрешению вопроса. Практики краудсорсинга и краудфандинга как горизонтальные сетевые формы взаимодействия создают эффект синергии, образующийся за счет объединения усилий по решению какой-либо задачи со стороны действующего активного большинства, выражения его инициативы и готовности делиться своими ресурсами: «Соединение (синергизм) умений и усилий нескольких особей, применяемые последовательно, могут привести к тому, что их действие существенно превосходит эффект каждого отдельного компонента в виде их простой суммы. Механизм спонтанного взаимодействия между индивидами (стигмергия), являясь одной из форм коллективного взаимодействия индивидов, позволяет создавать сложные, подобные интеллектуальным, структуры без какого-либо планирования, контроля или даже прямой связи между членами сообщества» [1, с. 92].

Стоит отметить, что социальная стигмергия и партиципативное взаимодействие имеют сходство с горизонтальным номадическим распределением Ж. Делеза и процессами территориализации и ретерриторизации, происходящими под влиянием кочевых племен, которые являли собой силу, противостоящую государственной машине. Номадическое распределение представляло собой движение по территории земли без верховного главнокомандующего, без установленной дисциплины и магистральных линий и направлений: «В противоположность централизованным системам с иерархической коммуникацией и предустановленными связями, ризома является а-центрированной, неиерархической и незначающей системой – без Генерала, без организаторской памяти или центрального автомата, уникально определяемых лишь циркуляцией состояний» [2, с. 38].

Подобное рассеивание вызывало детерриторизацию земли, сдвигание границ при непрерывном захвате пространства, стирание прежних



устойчивых структур, учрежденных и зафиксированных оседлым осевым порядком. Основными характеристиками кочевничества являются: приоритет горизонтального, ускользающего вместе с номадами детерриторизирующегося и ретерриторизирующегося пространства, неиерархичность, ацентризм, контингентность. Стигмергия же – это процесс самоорганизации субъектов с какой-либо целью без управляющего центра, без определенной стратегии. При соучастующем проектировании, например, предложения по реорганизации городского пространства от сограждан поступают в режиме мозгового штурма, что не предполагает следования определенному плану. Архитектор же выступает в качестве модератора-фасилитатора и интегрирует результат деятельности участников в общую мультидисциплинарную работу. Он примеряет интересы различных социальных групп, находит оптимальное урбанистическое решение, позволяющее реализовать данный групповой проект. Подобная децентрализация и доверие друг другу способствуют эффективной работе. Партиципативное взаимодействие в Интернете также представляет собой структуру децентрализованную и мало иерархичную, в которой поддерживается совместное управление, не преследующее прямую коммерческую выгоду. Мобилизация усилий происходит часто спонтанно, не под воздействием управляющего центра, а исключительно по воле всех участников. Индивиды, не имея связей и отношений в реальности, образуют временные сообщества и команды с целью решения конкретных проблем, анализа информации или создания продукта. Истоки этого подхода, по мнению методолога соучастующего проектирования Г. Санюффа, «лежат в понятии “партиципаторной демократии” (или “демократии участия”), предполагающей коллективное и децентрализованное принятие решений во всех областях общественной жизни» [3, с. 7].

Номадический тип представляет собой субъекта с независимым сознанием и постоянно создающим себя мышлением. Особенностью его проживания является то, что он является сам для себя экономической машиной. Его невключенность в общую государственную систему экономического регулирования обеспечена собственной производящей силой. Для того чтобы поддерживать свое жизнеобеспечение, номаду не нужно быть задействованным во всеобщем экономическом распределении.

Современные партиципативные взаимодействия схожи с постулируемыми Ж. Делезом и Ф. Гваттари принципами номадологии, по кото-

рым аккумуляция сил отдельных номадов происходит по необходимости и случаю, не регламентируется и представляет собой точки схождения в пространстве.

Французские философы отдают предпочтение именно кочевым горизонтальным взаимодействиям, считая их наиболее эффективными. Привычка действовать в рамках осевого ценностного упорядоченного единства должна быть заменена на способ взаимодействия дезорганизованных, ускользающих множеств. Успешным, согласно Делезу, является шизоидный тип поведения человека, который способен выйти за пределы возможных мыслимых структур, совершить трансгрессию и создать что-то принципиально новое.

Коллективные акты стигмергии ситуативны и осуществляются в горизонтальной плоскости по случаю, так же, как по мысли Делеза, «номадическое пространство – гладкое, отмеченное только „чертами“, которые стираются и перемещаются вместе с путем» [2, с. 640], и состояния меняются в зависимости от кратковременных задач. Формы связей стабильны только до достижения цели, после этого субъекты, не связанные больше ничем друг с другом, рассредоточиваются и следуют собственным векторам движения. При этом участники равноценны, равноправны и не обладают преимуществами в управлении процессом. Сегодня, например, активно развиваются практики соучастующего проектирования, предполагающего участие всех заинтересованных лиц в развитии и преобразовании городской среды. Местное население, креативный класс, сообщества, активисты, волонтеры, представители бизнес-структур, административные органы и другие субъекты, не являясь экспертами в области градостроения и урбанистики, участвуют в проектировании искусственной среды, а также в организации процесса строительства и последующей оценке результатов. Включение местного сообщества и других стейкхолдеров в реализацию городских проектов происходит по их личной инициативе и является современной продуктивной формой организации социального сетевого взаимодействия. Соучастующее проектирование предполагает вовлечение в процесс организации среды всех желающих, признание их интересов и учет их вклада. Включение сообщества в решение актуальных проблем и задач конструирует новый тип городской личности: созидательной, учитывающей мнение и потребности другой стороны, готовой делать личный вклад в развитие окружающего пространства. В процессе партиципативного взаимодействия осмысливаются потребности каждого



и свои, оцениваются риски и компромиссные оптимальные решения. Данный вариант социального взаимодействия является показательным примером реализации способности к местному самоуправлению, которое не насаждается сверху управляющими структурами, а является личной инициативой людей.

В основе метода соучаствующего проектирования лежит принцип партисипаторной демократии, возможности участия всех заинтересованных лиц в организации любых областей общественной жизни. Такое сетевое взаимодействие не может носить вертикальный характер и быть насаждаемо управляющим центром сверху. Данная практика и феномен в целом есть исключительно горизонтальная форма сотрудничества и взаимодействия отдельных субъектов, основанная на их личной инициативе и естественном вовлечении.

Все участники заинтересованы в наилучшем результате, определяемом только позитивной активностью и готовностью вложения личных ресурсов и привлечению ресурсов сторонних. Результатом сессии воркшопов являются продукты совместного труда, совместные идеи и разработанные стратегии по их реализации. Каждый участник проявляет заинтересованность в проекте и стремление создать удобную и комфортную жизненную среду. Стоит отметить готовность субъектов участвовать именно в коллективном коллегиальном сотрудничестве, соавторстве и партнерстве. Объединение носит временный характер, это не устойчивые группы и сообщества, а практически стихийно созданные под решение определенной проблемы, работающие не в программном, а проектном режиме. Каждый отдельный субъект, принявший участие в достижении какой-то цели, сохраняет свою индивидуальность, личностную независимость и самостоятельность суждений.

Несмотря на социальную продуктивность партисипации, существует опасность стихийной самоорганизации социальных субъектов и превращение их в толпу. В партисипативных формах взаимодействия работают также механизмы подражания и заражения. Можно наблюдать, что причастность к той или иной форме совместного действия увеличивается прямо пропорционально социальным интеракциям других пользователей. Люди склонны перечислять деньги на краудфандинговых платформах в поддержку проекта, который уже набрал определенную сумму или даже перевалил требуемый порог. В сетевой кооперации действуют те же самые психологические процессы коллективного бессознательного, а сетевые конгломерации в виртуальном пространстве могут быть недобросовестно использованы в качестве площадки и субстрата для информационных войн. Тем не менее партисипационное взаимодействие предполагает высокий уровень социального интеллекта и эмпатии, развитые коммуникативные навыки.

Таким образом, партисипативное взаимодействие и социальная стигмергия как сетевые формы социальной самоорганизации, реализующиеся в условиях транспарентности, ситуативности и неиерархичности, являются источником социальной синергии в современном обществе.

#### Список литературы

1. Мосьяков И. В., Мосьяков В. Е. Проявления коллективного разума в природе и обществе // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2016. № 2 (104). С. 91–95.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато : капитализм и шизофрения. Екатеринбург ; М., 2010. 895 с.
3. Санюфф Г. Соучаствующее проектирование. Практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов. Вологда, 2015. 170 с.

---

#### Образец для цитирования:

Муштей Н. А. Партисипативное взаимодействие и социальная стигмергия как процессы социальной самоорганизации в современном обществе // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 270–274. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-270-274

---

#### Participative Interaction and Social Stigmerging as Processes of Social Self-organization in Modern Society

N. A. Mushtey

Nadezhda A. Mushtey, Stolypin Volga Region Institute of Administration, the Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23/25, Sobornaya Str., Saratov, 410069, Russia, lux\_spei@mail.ru

The article is devoted to the consideration of participatory interaction stigmergy as a network form of social self-organization, implemented in a transparent, situational and non-hierarchical, and a source of social synergy modern society. The author emphasizes the horizontal character these processes and compares with the principles of nomadology J. Deleuze and F. Guattari. Networking today is an important process in any social, economic and cultural system. Cooperation of stakeholders allows to achieve significant results jointly. The article examines the effectiveness



of collective interaction aimed at resolving pressing issues and problems. Analyzes the manifestations of participatory interaction and complicity, as well as the reasons for their active proliferation, such as development of multiuser digital network systems, transformation of the consuming activity of subjects to the producing one. The participative type of thinking shaped by the possibility of the creation and management of information product and the possibilities of mobilizing resources from all users. Explores the practice participates design, crowdfunding and crowdsourcing. Despite the social productivity of participatory interaction, risks associated with the behavior of the crowd are assessed. Stigmergy is acentric process and may provide significant opposition to the governing centre. Network associations of associates in virtual space can be used in bad faith as a platform for information wars.

**Key words:** participation, social stigmergy, volunteering, social self-organization, participating design, network synergism, network interaction.

## References

1. Mosyakov I. V., Mosyakov V. E. Proyavleniya kollektivnogo razuma v prirode i obshchestve [Manifestations of collective mind in nature and society]. *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education], Tambov, 2016, no. 2 (104), pp. 91–95 (in Russian).
2. Deleuze G., Guattari F. *Capitalisme et schizophrénie. Anti-Edipe*. Paris, 1972. 545 p. (Russ.ed.: Deleuze G., Guattari F. *Tsyacha plato: kapitalizm i shizofreniya*. Ekaterinburg, Moscow, 2010. 895 p.).
3. Sanoff G. *Democratic Design. Participation case studies in urban and small town environments*. New York, 2010. 140 p. (Russ. ed.: Sanoff G. *Souchastvuyushcheye proyektirovaniye. Praktiki obshchestvennogo uchastiya v formirovaniy sredy bolshikh i malyykh gorodov*. Volgda, 2015. 170 p.).

---

### Cite this article as:

Mushtey N. A. Participative Interaction and Social Stigmergy as Processes of Social Self-organization in Modern Society. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 270–274. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-270-274

---



УДК 123.1

## К ПРОБЛЕМЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ Н. А. БЕРДЯЕВА

С. В. Постнов

Постнов Сергей Владимирович, аспирант кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, magkronik@mail.ru

В статье рассмотрена проблема религиозного характера экзистенциальной философии Н. А. Бердяева. Показано, что понимание собственной философии как экзистенции духа сказалось на характере его осмысления вопроса о свободе. Для философа свобода есть состояние духа, а значит, анализируемая проблема не политическая и не юридическая, а исключительно религиозная. Решая эту задачу, философ прибегает к попытке замены привычной философской терминологии и изменяет ее на религиозно-экзистенциальную для более полной рефлексии свободы. Изучено соответствие философских подходов и положений Бердяева доктринальным позициям русского богословия и христианской теологии в целом. Обнаруживается расхождение изучаемых положений с христианскими религиозными позициями. По мнению русского религиозного философа, свобода – не дар Творца людям, а автономный акт добытийного хаоса, из сущности которого происходит рождение беспредельной свободы, и Бог к этой свободе не имеет никакого отношения. Таким образом, в умозрительной картине философа создается доктрина теодицеи. В этом отношении вызывают сомнения интерпретации Бердяевым первичности свободы перед Богом, характеристика личности свободы, представление об окружающем нас мире, или мире объективной реальности как об иллюзии и радикальная позиция философа в положениях о теодицее.

**Ключевые слова:** экзистенциализм, свобода, православие, Бердяев, экзистенция духа, личность, энергия, Бог, теодицея.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-275-277

Одним из родоначальников религиозного экзистенциализма в России правомерно считают Н. А. Бердяева. Сам философ характеризовал свою философию как философию экзистенциализма: «Я всегда был экзистенциальным философом», говорит он, а «философия моя всегда была экзистенциальной» [1]. При этом он уточнял, что речь идет об особой экзистенции – экзистенции духа: «Моя философия есть философия духа. Дух же для меня есть свобода, творческий акт, личность, общение любви. Я утверждаю примат свободы над бытием» [1]. Думается, что отмеченная особенность во многом сказывается на рефлексии им свободы. В контексте его подхода свобода не рассматривается одной из категорий философии, не представляя таким образом объект исследования. Философия свободы, по утверждению Бердяева, есть «философия свободных», которая черпает свое основание из сущности самой свободы. В этом смысле, по мнению Бердяева, она есть полная противоположность современной фило-



софии рабов, философии, берущей свое начало из необходимости. В противоположность данной позиции свобода, по Бердяеву, есть состояние размышляющего субъекта [1, с. 11].

В то же время для него свобода представляет собой нечто высшее по сравнению с категорией нашего рассудка. Он возвышает свободу над философией и над ее рациональностью, полагая ее в область интуитивного, т. е. иррационального. И эта свобода не описывается ни категориями, ни законами, ничем, что было бы присуще разуму. Эта свобода духа познается исключительно верой: «Свободу нельзя ни из чего вывести, в ней можно лишь изначально пребывать. И божественную истину нельзя вывести, она открывается в блеске молнии, она целостно дана в откровении. Эта незыблемая, непоколебимая вера в то, что истина дана в мистическом восприятии» [2, с. 11].

На этом основании Н. А. Бердяев изменяет термины в обозначении методов своих философских изысканий, ориентируя их на экзистенциальное философствование: в его интерпретации использование логической индукции определяется как метод «исхождения» в противоположность методу «прихождения» – дедукции.

Вышеизложенное дает основание согласиться с характеристикой Н. А. Бердяевым собственной философии как философии духа и свободы. Одновременно возникает вопрос о характере религиозности его экзистенциальной философии. Он обусловлен, прежде всего, некоторыми противоречиями бердяевской философии свободы. Например, если речь идет об экзистенции свободы духа, то в религиозном ее осмыслении она не может быть бесосновательной, лишенной сущности и нуждается в непреложном, реальном бытии, поэтому должна обладать сущностью и существованием. Таким образом, свобода становится одной из категорий человеческого мышления, обладающей сущностью, а это противоречит философским взглядам Н. А. Бердяева. Или другое его положение: «Дух же для меня есть свобода, творческий акт, личность, общение любви» [1]. Из этого следует, что для философа свобода становится личностной. Свобода, с точки зрения религиозного мировоззрения, есть дар от абсолютной сущности Бога духу человека, и она понимается как энергия (действие) Бога в мире, т. е. свобода априори безличностна и не может иметь самостоятельного автономного действия.



С учетом этой доктринальной позиции христианского богословия возникает противоречие в трактовке личностной свободы Бердяевым.

Возникает еще одна проблема: трактовки Н. А. Бердяевым свободы духа, предполагающей особое восприятие мира. Философ не верит в прочность объективного мира, так называемый мир объективной реальности просто не существует, такой мир – иллюзия сознания познаваемого субъекта. Философ утверждает, что «существует лишь объективация реальности, порожденная известной направленностью духа» [1]. Окружающий нас мир, согласно религиозным представлениям, есть акт творческой свободы Бога, и этот мир Бог творит из ничего [3, Быт. 1:27]. Мир принимает материальное выражение, которое не есть иллюзия, а твердость и опора как живой, так и неживой материи. Более того, такая интерпретация Бердяевым иллюзорности мира или объективации созвучна не христианской богословской традиции, а раннехристианской ереси докетизма (от древнегреч. *δοκέω* – казусь), утверждающей, что Бог и сотворенный Им мир – иллюзия.

Эти утверждения ставят вопросы о соответствии интерпретации свободы Бердяевым доктринальным позициям христианского православного богословия. Свои положения о свободе философ обосновывает личным духовно-экзистенциальным опытом. Он утверждает, что его размышление и его философия не претендуют на «научность», но, несомненно, претендуют на истинность, ибо истина величественнее псевдонаучности. В этом смысле философия духа свободы, по Бердяеву, есть призыв современного сознания к освобождению от оков категориального мышления, дух которого томится в темнице академической философской системы. Поэтому Бердяев встает на путь иррациональной веры, чтобы освободить свой разум от рационального и материалистического мироощущения.

Такая экзистенция предлагает особое осмысление свободы: первое ее положение составит определение первичной свободы, второе как итог существования добытийной свободы – это свобода по отношению к Богу.

Свобода, по мнению русского философа, не была актом творения Божества, ее началом стал первичный хаос, ничто. Исходя из этого, философ полагает, что Бог не имеет власти над всеобъемлющей свободой, управляя лишь материальным миром и его бытием. Поскольку свобода есть начало не только добра, но и зла, то Бог не может предвидеть действия людей, имеющих свободу, и не причастен к какому-либо проявлению зла в мире. Бог становится лишь неким толчком к тому, чтобы свободная воля зла становилась благом последствием: так Н. А. Бердяев интерпретирует принцип теодицеи.

В понимании философа зло берет свое начало вне Бога и порождается в первичном ничто, из сущности которого эманируются и свет, и тьма. Зло становится лишь неким отражением Божественного Света – «его тенью». Бердяев говорит: «Я истолковываю Ungrund Беме как первичную, добытийственную свободу. Но у Беме она в Боге, как Его темное начало, у меня же вне Бога. Это относится лишь к Gott, а не к Gottheit, ибо о невыразимом Gottheit ничего нельзя мыслить» [1]. Это высказывание ставит под сомнение его заявление о непрерывном союзе с Церковью, хотя сам философ заявляет, что он «...не терял связи с Православной Церковью, хотя конфессиональное самоутверждение и исключительность мне всегда были чужды и противны» [1, с. 175]. Думается, что его мотив необходимости такой связи тем, что «В наши дни гонений против христианства в России более чем когда-либо нужно утверждать святую Православную Церковь», носит в большей степени идеологический, а не философский характер [4, с. 5].

Заслуживает дополнительного объяснения и второе положение, касающееся экзистенциального осмысления свободы по отношению к Богу. В этом случае свобода в философии Бердяева принимает два вида: первичная, иррациональная, или потенциальная свобода, определяет гордыню духа как следствие отпадения от Бога, что приводит к рабству личности в мире объективной реальности, в мире природы, в обществе, где человек сосуществует с другими его членами, следовательно, он должен соблюдать морально-нравственные нормы, принятые обществом, тем самым обрекая себя быть в рабстве у большинства.

Вторичная свобода – свобода в Боге, в добре, в истине, свобода, полученная от Бога, разумная свобода. Философ убежден, что величие Божие состоит в творении человека, а гений человека – в осмыслении Бога. Это нашло свое отражение в понятии Богочеловечества. Бог и человек, провозглашает мыслитель, возникли одновременно: «Все существа предвечно и предмирно творятся Божеством; все живое пребывает в божественном плане космоса, до времени и до мира совершается в идеальном процессе божественной диалектики» [2, с. 128]. Это значит, что человеческой природе изначально свойственна божественность. И местом единения Бога с человеком стало духовное таинство любви: «Бог возжелал своего другого и ответной любви его...» [5, с. 33]. Так творится мир, центром которого извечно был человек. Основываясь на этом утверждении, Бердяев приписывал истории, как и всему историческому процессу, богочеловеческую природу.

В этом аспекте анализа экзистенциальной свободы Бердяев вновь чужд православной богословской традиции, заявляя о равенстве Бога



и человека. Христианская мысль в лице святого Афанасия Великого провозглашает иное: «...само Божие Слово <...> вочеловечилось, чтобы мы обожились» [6]. Самость человека не дает возможности постижения Бога. Благодаря тому, что Бог стал человеком, человек получает возможность стать богоподобным. И утверждать идентичность Бога и человека равноценно отрицанию как Бога, так и человека.

Итак, свобода – доминирующее понятие в экзистенциальной философии Бердяева. В рефлексии свободы философ обращается к христианским религиозным символам и смыслам. Однако в своих философских изысканиях он во многом отходит от позиции русского православного богословия, а иногда и христианской теологии в целом. Таким образом, вопрос о религиозном характере его экзистенциального осмысления свободы требует дальнейшего изучения и уточнения.

#### Образец для цитирования:

Постнов С. В. К проблеме особенностей экзистенциальной философии Н. А. Бердяева // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 275–277. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-275-277

#### To the Problem of the Features of Existential Philosophy of N. A. Berdyaev

S. V. Postnov

Sergey V. Postnov, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, magkronik@mail.ru

In the article, the problem of the religious nature of the existential philosophy of N. A. Berdyaev is considered. It is shown that his understanding of his own philosophy as the existence of the spirit affected the way he understood the issue of freedom. For a philosopher, freedom is a state of mind, and therefore, the problem analyzed is not political and not legal, but exclusively religious. While dealing with this task, the philosopher makes an attempt to replace the usual philosophical terminology with a religious-existential one for a more complete reflection of freedom. The correspondence of Berdyaev's philosophical approaches and positions to freedom of doctrinal positions of Russian theology and Christian theology in general. While elucidating this issue, the author discovers a divergence of the analysed positions with Christian religious positions. So in the opinion of the Russian religious philosopher, freedom is not the gift of the Creator to people, but is an autonomous act to the existence of chaos from the essence of which the birth of boundless freedom takes place, and God has nothing to do with this freedom, so in the speculative picture of the philosopher the doctrine theodicy is created. In this respect, Berdyaev's interpretation of the primacy of freedom before God, the characterization of the personality of freedom, the perception of the world around us or the world of objective reality as an illusion and the radical position of the philosopher in the theodicy provisions are questionable.

**Key words:** existentialism, freedom, spirit, orthodoxy, Berdyaev,

#### Список литературы

1. Бердяев Н. А. «Самопознание» (опыт философской автобиографии). Предание. ру: сайт. URL: <https://predanie.ru/berdyaev-nikolay-aleksandrovich/book/69711-samopoznanie/> (дата обращения: 19.01.2018).
2. Бердяев Н. А. Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1997. 224 с.
3. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. М., 1988. 1371 с.
4. Бердяев Н. А. Типы религиозной мысли в России. Париж, 1989. 717 с.
5. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М., 1994. 480 с.
6. Афанасий Великий, свт. Слово о воплощении Бога-Слова, и о причестии Его к нам во плоти // Азбука веры : сайт. URL: [http://azbyka.ru/o-technik/Afanasij\\_Velikij/slovo-o-voploshhtnii-boga-slova-i-o-prishestvii-ego-k-nam-vo-ploti/8](http://azbyka.ru/o-technik/Afanasij_Velikij/slovo-o-voploshhtnii-boga-slova-i-o-prishestvii-ego-k-nam-vo-ploti/8) (дата обращения: 27.05.2018).

religiousness, the existence of the spirit, coming to, proceeding, personality, love, energy, peace, reality, God, theodicy, dualism, man.

#### References

1. Berdyaev N. A. Samopoznanie (opyt filosofskoy avtobiografii). (Self-knowledge {experience of philosophical autobiography}). *Predanie.ru* (Predanie.ru: site). Available at: <https://predanie.ru/berdyaev-nikolay-aleksandrovich/book/69711-samopoznanie/> (accessed 19 January 2018) (in Russian).
2. Berdyaev N. A. *Filosofiya svobody. Istoki i smysl russkogo kommunizma* [Philosophy of freedom. Origins and sense of Russian communism]. Moscow, 1997. 224 p. (in Russian).
3. *Biblia. Knigi svyashhennogo pisanija Vetkhogo i Novogo Zaveta* [Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. Moscow, 1988. 1371 p. (in Russian).
4. Berdyaev N. A. *Tipy religioznoy mysli v Rossii* [Types of religious thought in Russia]. Paris, 1989. 717 p. (in Russian).
5. Berdyaev N. A. *Filosofija svobodnogo dukha* [Philosophy of the free spirit]. Moscow, 1994. 480 p. (in Russian).
6. Afanasiy Velikiy, svt. Slovo o voploshchenii Boga-Slova, i o prishestvii Ego k nam vo ploti (St. Athanasius the Great. A word about the incarnation of God the Word, and his coming to us in the flesh). *Azbyka very* (Azbyka.ru: site). Available at: [https://azbyka.ru/otchnik/Afanasij\\_Velikij/slovo-o-voploshhenii-boga-slova-i-o-prishestvii-ego-k-nam-vo-ploti/8](https://azbyka.ru/otchnik/Afanasij_Velikij/slovo-o-voploshhenii-boga-slova-i-o-prishestvii-ego-k-nam-vo-ploti/8) (accessed 27 May 2018) (in Russian).

#### Cite this article as:

Postnov S. V. To the Problem of the Features of Existential Philosophy of N. A. Berdyaev. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 275–277. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-275-277



УДК 1(091)

## ДЕМОКРАТИЯ В КОНЦЕПЦИЯХ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX СТОЛЕТИЙ

В. П. Рожков



Рожков Владимир Петрович, доктор философских наук, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, vladimir-rozhkov@yandex.ru

В статье осуществляется сравнительный анализ концепций демократии, выдвинутых представителями альтернативных направлений русской философии конца XIX – первой половины XX столетий. Отмечается развитие идей демократии, обозначенных в древнегреческой философии, мыслителями Нового времени Т. Гоббсом, Дж. Локком, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Л. Монтескье; обращается внимание на выделение двух расходящихся направлений в теоретической разработке демократической формы государственного управления: классического либерального варианта Дж. Локка и революционно-демократического проекта Ж.-Ж. Руссо. По мнению автора, выявленные расхождения воспроизводились в либеральных и радикальных течениях российской политической мысли исследуемого периода. Русские либералы Б. Н. Чичерин и П. Н. Миллюков ориентируются на идеал конституционного права, либеральных мер и сильной власти. Российский марксист В. И. Ленин, критикуя формальный характер буржуазного парламентаризма, определяет демократию как форму классового государства и пролетарскую демократию – как прямое народовластие и систематическое насилие над свергнутыми классами, не связанное никакими законами. Религиозный философ Ф. Степун, сравнивая либеральную демократию западноевропейского образца и тоталитарную демократию большевистской диктатуры, делает вывод о «несостоявшейся встрече» либерализма и демократии. В этом аспекте проанализированные концепции имеют непреходящее значение для современного российского общественного сознания. **Ключевые слова:** демократия, либерализм, государство, парламентаризм, диктатура, насилие, право, закон, революция, свобода, равенство.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-278-281

Формы управления обществом становятся предметом особого интереса в периоды нарастания риска социальной дезорганизации. В такие «эпохи перемен» общественное сознание, естественно, стремится найти и реализовать «оптимальную» форму организации социума. Именно в процессе подобных изысканий мыслителей Нового времени, осуществлявшихся в историческом пространстве Английской и Французской революций XVII и XVIII столетий, выявилась ориентация на приоритет демократической формы государственного управления.

Концептуализация демократических приоритетов мыслителями Нового времени, как известно, отразилась, прежде всего, в теориях естественного права и общественного договора Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Л. Монтескье и др. Их творчество в области политической философии происходило на основе утверждающегося возрожденческого антропоцентрического мировоззрения, в контексте которого на первый план выносятся идеи свободы и неотчуждаемых прав личности, народного суверенитета, гражданского общества и социального равенства. И хотя политический маятник социальных взрывов в Англии и Франции, качнувшись от монархического единовластия и пройдя через фазы борьбы консервативных, либеральных и революционно-демократических сил, закончил амплитуду в точке военно-диктаторского единовластия, идеал демократической формы организации общества закрепился в политическом сознании западной цивилизации в вариантах либеральных и радикальных направлений.

При этом нельзя не отметить, что именно в упомянутых вариантах изначально обозначились принципиальные расхождения в акцентах на ценностных категориях, отражающих векторную ориентацию динамики демократического процесса. Вектором классического либерализма стала ценностная направленность на свободу, заданная Дж. Локком в интерпретации естественного права человека как права на жизнь, собственность и свободу. В то время как вектор революционно-демократического потока в обозначении Ж.-Ж. Руссо ориентировал общественное сознание на равенство как условие свободы и основу общественного договора. Показательно, что частную собственность французский мыслитель вообще не считал естественным правом, справедливо полагая ее отсутствие в естественном состоянии первобытного человека. Частная собственность рассматривалась им как атрибут цивилизации, порождающий неравенство и эксплуатацию. Исключение в этом случае, по мнению философа, могла представлять лишь мелкая (трудовая) собственность. Отсюда, в условиях достижения равенства на основе общественного



договора, по мнению Руссо, должна создаваться ассоциация, защищающая общей силой имущество и свободу каждого ее члена.

Такая векторная разнонаправленность не могла не проявиться в различии акцентов на приоритетных формах демократии. Для классического либерализма характерными стали приоритеты парламентаризма, разделения властей и свободы индивида. Революционная демократия, следуя идеям Ж.-Ж. Руссо, выдвигала идеи прямой демократии, государства народного суверенитета, в котором народ является творцом законов, а личность свободна как равноправный член государства в форме народовластия.

Рассмотренные расхождения в интерпретации демократического идеала либеральными и революционно-демократическими направлениями западной политической теории не могли не воспроизводиться в либеральных и радикальных течениях российской политической мысли теоретиками, мировоззрение которых формировалось в среде русских гегельянцев, позитивистов, анархистов и марксистов. Так, последователями идеи западного либерализма в России на рубеже XIX–XX столетий правомерно считаются представители «государственной школы»: Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев, В. И. Сергеевич. Известно, что к либеральному крылу отечественных политических движений относят В. О. Ключевского, П. Н. Новгородцева, П. Н. Милюкова и др. [1, с. 161]

Примечательно, что, преломляя западно-либеральные варианты демократических институциональных ориентаций к российской действительности, один из лидеров «государственной школы» Б. Н. Чичерин сформулировал политический принцип – «либеральные меры и сильная власть». На его основе русский либеральный теоретик развивал идею постепенного реформирования «сверху» самодержавия в конституционную монархию. О попытках реализации такой ориентации пишет П. Н. Милюков, характеризуя расстановку политических сил в третьей Государственной думе: «Если мы боролись против самодержавного права за конституционное право, – разъясняет он, – то мы не могли не сознавать, что против нас стоял в этой борьбе еще один противник – революционное право. И мы не могли, по убеждению и по совести, не считать, что самое слово “право” принадлежит нам одним» [2, с. 5]. Из приведенного положения очевидно, что российские либералы за несколько лет до революции 1917 г. обнаруживали своего противника в революционном праве или, иначе говоря, в радикальном понимании закона и права в традиции, заложенной Ж.-Ж. Руссо.

Интересно, что в этот же исторический период между двумя (1905 и 1917 гг.) революциями в России в западной социологии появляются характеристики российского конституционализма 1906 года как «псевдодемократии» [3, с. 414]. Но, как известно, резкую критику либерализма и концептуальное развитие революционно-демократической идеи народовластия с позиций марксизма осуществил В. И. Ленин. Исходные позиции его теоретического построения концепции демократии выводятся на основе историко-материалистического подхода к государству как переходящей форме политического управления обществом. Государственная власть, согласно марксистской теории, возникает и функционирует на вполне определенной фазе социальной динамики, когда человек в своей преобразовательной деятельности достигает такого уровня, на котором проявляется разделение труда, собственности на средства производства и социальных групп. Следствием отмеченных объективных процессов является утверждение частной собственности и образование антагонистических классов с непримиримыми интересами в отношении собственности, распределения и власти.

В качестве «продукта» такой «непримиримости» и рассматривает Ленин государство, которое, будучи не в состоянии «примирить» антагонистические противоречия, выражает интересы и волю класса, господствующего в отношении собственности, распределения и управления [4, с. 7]. Такие классы в марксистской теории характеризуются как эксплуататорские. Доминанта их воли, по логике применяемого подхода, может быть осуществлена только посредством насилия из-за противоположности воле эксплуатируемых классов. В этом случае сила воли одного социального субъекта неизбежно подавляет силу воли противоположного. В такой ситуации государство строится как «аппарат» насильственного утверждения и управленческой реализации интересов доминирующего, эксплуататорского класса, диктующего свою волю относительно собственности, распределения и распоряжения эксплуатируемым классам. В целях осуществления подавления, насилия и диктата в системах государственной власти создаются силовые структуры: армия, полиция, суд и т. п. Выявленные таким образом теоретические посылы позволяли В. И. Ленину обозначить сущность государства через категории классового насилия, подавления, принуждения и диктатуры [5, с. 69]. На этом основании, рассматривая демократию как форму государства, он характеризовал ее как «организованное» и «систематическое применение насилия к людям». Примечательно, что, с другой стороны, им учи-



тивалась ориентация демократии на равенство, хотя, с его точки зрения, буржуазная демократия, закрепляя законодательно частную собственность как основу экономических отношений, означала признание формального равенства [4, с. 99–100]. В этом аспекте Ленин характеризует формальную сущность буржуазного парламентаризма, избирательного права и свобод, ссылаясь на примеры Англии, Швейцарии и США [5, с. 81–83].

Противопоставлением формализму буржуазной демократии в ленинской концепции государства представляется пролетарская демократия в форме Советов. Характеристики, отличающие советскую власть от буржуазной демократии, В. И. Ленин выделяет, полемизируя с К. Каутским, и в других статьях [3, с. 412–413]. Использование классового подхода позволяет ему рассматривать демократическую форму власти не как демократию вообще, а как демократию для определенного класса. Такая методологическая аргументация давала возможность выявить диалектическую связь между пролетарской демократией и пролетарской диктатурой как связь между формой и содержанием пролетарской государственной власти. Советы, по реализуемой Лениным логике классового подхода, воплощая единение представительной и исполнительной власти, являлись прямой демократией для побеждающих в революционной борьбе эксплуатируемых классов пролетариата и беднейшего крестьянства и одновременно диктатурой для свергаемых эксплуататорских классов. Как доказывал В. И. Ленин, ссылаясь на первые всероссийские съезды Советов рабочих и солдат, последние представляли демократию для «громادного большинства населения России» и, следовательно, диктатуру для меньшинства – буржуазии и помещиков. Подобное концептуальное построение логически подводило русского марксиста к характеристике пролетарской демократии, рассматриваемой в качестве диктатуры, как «ограничения» и «уничтожения» свергнутых классов или как насилия, не связанного «никакими законами» [6, с. 244–245]. И в этой установке, как показала история, заключалась реальная опасность для превращения пролетарской демократии в тиранию в виде культа личности.

Иной вариант осмысления и категориального обозначения демократии предлагает русский религиозный философ Ф. Степун, переживший революционные события в России. В его восприятии время, наступившее после Первой мировой войны, коренным образом отличалось от XIX в., сочетая в себе безбожье и полную веру, насилие и жертвенность, враждебность духу и вдохновение. Наверное, выделение таких антиномий

дало ему основание назвать рассматриваемый период новым Средневековьем или извращенной средневековой эпохой. Соответственно, власть, которую В. И. Ленин определял как пролетарскую демократию, Ф. Степун именовал большевистской идеократией по содержанию и односторонней демократической системой или тоталитарной демократией по форме [7, с. 137]. Противоположной формой в его понимании являлась либеральная демократия. Явно отдавая предпочтение либеральному парламентаризму, религиозный мыслитель, однако, разъединял либерализм и демократию по критерию ценностно-нормативной ориентации, так как центральную идею либерализма усматривал в свободе, а демократии – в равенстве [7, с. 141]. В этой связи вызывает интерес и его замечание о несостоявшейся встрече либерализма и демократии по причине «ссоры» буржуазной идеи свободы и пролетарского требования равенства [7, с. 141].

Конечно, приведенные суждения не могут не вызывать вопросов. Например, может ли прямая демократия характеризоваться односторонней, если ее электорат составляет не только пролетариат, но и представители других социальных групп? Нельзя не учитывать и тот факт, что обозначенные концептуальные положения и категориальные интерпретации либерализма и демократии, выдвигавшиеся в альтернативных направлениях русской философии, отражали процессы предреволюционной, революционной и постреволюционной фаз мощнейшего социального взрыва в российском социуме, произошедшего в 1917 году. Но думается, что для современного отечественного общественного сознания, политической вектор которого складывается в условиях глобальных метаморфоз либерализма, они обретают непреходящее значение.

#### Список литературы

1. Рожков В. П. Альтернативы мировоззренческого выбора. Опыт осмысления философского процесса в России. Саратов, 2012. 176 с.
2. Милуков П. Н. Воспоминания (1859–1917) : в 2 т. М., 1990. Т. 2. 445 с.
3. Рожков В. П. Субъект власти в концепциях революции В. И. Ленина и М. Вебера : историко-философский аспект // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 405–409. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-405-409.
4. Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1974. Т. 33. С. 1–120.
5. Ленин В. И. О государстве // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1974. Т. 39. С. 64–84.



6. Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1974. Т. 37. С. 235–338.

7. Степун Ф. Борьба либеральной и тоталитарной демократии вокруг понятия истины // Вопр. философии. 1999. № 3. С. 137–144.

#### Образец для цитирования:

Рожков В. П. Демократия в концепциях альтернативных направлений русской философии конца XIX – первой половины XX столетий // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 278–281. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-278-281

#### Democracy at the Concepts of the Alternative Directions in the Russian Philosophy (at the End of XIX – First Half of XX Centuries)

V. P. Rozhkov

Vladimir P. Rozhkov, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, vladim-rozhkov@yandex.ru

The article describes the comparative analysis of the concepts of democracy put forward by the representatives of the alternative directions of Russian philosophy at the end of XIX and first half of XX centuries. The author of the article notes the development of the ideas of democracy, observed and described in ancient Greek philosophy, by such thinkers of the Enlightenment as Thomas Hobbes, John Locke, Jean-Jacques Rousseau, Charles-Louis Montesquieu, and others. The author of the article allocates two divergent directions in the theoretical development of a democratic form of a public administration: the classical-liberal version described by John Locke, and the revolutionary democratic project described by Jean-Jacques Rousseau. According to the author's opinion, the revealed divergences were reproduced in the liberal and radical currents of the Russian political thought of the studied period. Russian liberals Boris Chicherin and Pavel Miliukov were both oriented towards the ideal of constitutional law, liberal values, and a strong power. Vladimir Lenin, the famous Russian follower of Marxism, criticizes the formal character of the bourgeois parliamentary, and identifies democracy as a form of a class state, hence defining a proletarian democracy as a direct democracy (People's Authority) and systematic violence over the deposed classes that are not bound by any laws. Fyodor Stepun, the Russian religious philosopher, compares the liberal democracy of the Western European model and the totalitarian democracy of the Bolshevik dictatorship, and concludes the «failed meeting» of liberalism and democracy. This aspect of the analyzed concept, as the author believes, holds paramount importance for the modern Russian public consciousness.

**Key words:** democracy, liberalism, state, parliamentary, dictatorship, violence, rights and law, revolution, freedom, equality.

#### References

1. Rozhkov V. P. *Alternativy mirovozzrencheskogo vybora. Opyt osmysleniya filosofskogo protsessa v Rossii* [Alternatives of ideological choice. Experience in understanding the philosophical process in Russia]. Saratov, 2012. 176 p. (in Russian).
2. Milyukov P. N. *Vospominaniya (1859–1917): v 2 t.* [Memories {1895–1917}: in 2 vols. Moscow, 1990. Vol. 2. 445 p. (in Russian).
3. Rozhkov V. P. Subekt vlasti v kontseptsiyakh revolyutsii V. I. Lenina i M. Webera: istoriko-filosofskiy aspekt [The subject of power in the concepts of the revolution of V.I.Lenin and M. Weber: the historical and philosophical aspects]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 405–409 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-405-409
4. Lenin V. I. Gosudarstvo i revolyutsiya [State and revolution]. In: Lenin V. I. *Poln. sobr. soch.:* v 55 t. [Complete works : in 55 vols.]. 5th ed. Moscow, 1974, vol. 33, pp. 1–120 (in Russian).
5. Lenin V. I. O gosudarstve [About State]. In: Lenin V. I. *Poln. sobr. soch.:* v 55 t. [Complete works : in 55 vols.]. 5th ed. Moscow, 1974, vol. 39, pp. 64–84 (in Russian).
6. Lenin V. I. Proletarskaya revolyutsiya i renegat Kautskiy [Proletarian revolution and renegade Kautsky]. In: Lenin V. I. *Poln. sobr. soch.:* v 55 t. [Complete works : in 55 vols.]. 5th ed. Moscow, 1974, vol. 37, pp. 235–338 (in Russian).
7. Stepun F. Borba liberalnoy i totalitarnoy demokratiy vokrug ponyatiya istiny [Struggle of liberal and totalitarian democracy around the notion of truth]. *Voprosy filosofii* [Voprosy Filosofii ], 1999, no. 3, pp. 137–144 (in Russian).

#### Cite this article as:

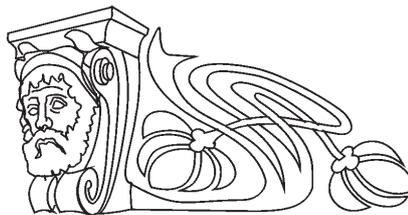
Rozhkov V. P. Democracy at the Concepts of the Alternative Directions in the Russian Philosophy (at the End of XIX – First Half of XX Centuries). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 278–281. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-278-281



УДК 101.1:316

## РЕЦЕПЦИЯ ВЗГЛЯДОВ Г. ТАРДА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

О. О. Татьянин



Татьянин Олег Олегович, аспирант кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, souljaboy17@mail.ru

Целью статьи является попытка проследить и вкратце изложить, на основании каких предпосылок в современном социально-гуманитарном знании и, в частности, в конкретных социально-гуманитарных дисциплинах, таких как философия, социология и антропология, происходит возрождение идей и способов концептуализации социальных феноменов Габриэля Тарда. Оправданность рассмотрения данного вопроса объясняется тем, что среди представителей современной антропологии происходит некий поворот или «возврат» к так называемым миметическим практикам. Автор считает, что концепт «другого» как ввне присутствующего конкурента и одновременно составляющего интериоризированную часть индивида является ключевым для понимания процессов формирования общества и имеет прямое отношение к концепции подражания Г. Тарда, кроме того, он производит попытку связывания последних. Рассматриваются также те трансформации, которые претерпели идеи французского социолога в ментальных теоретико-познавательных конструктах современных мыслителей, явно или неявно пользующихся терминологическим тезаурусом Тарда, в частности речь будет идти о рассмотрении концепций плеяды таких современных социальных мыслителей, как Б. Латур, Ж. Делез, Р. Жирар, П. Слотердаjk, оказавших и продолжающих оказывать заметное и значительное влияние на способы теоретизирования культуры и научное знание в целом.

**Ключевые слова:** мимесис, подражание, имитация, инновация, монада, Тард.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-282-286

В начале XIX в. зарождается специфическая традиция способа экспансии человеческого разума, называемая позитивизмом, которая своим концептуальным содержанием призывала к эмансипации от дисциплин, не имеющих, по мнению ее представителей, никакой прагматической пользы для человеческого существования в рамках научно-технического прогресса, таких как теология, метафизика, эстетика, этика и т. д. В связи с технически-прогрессивным и ментально-революционным характером данной мысли возникает интерес и как следствие – развитие и дифференциация называемых прагматичных дисциплин – астрономии, математики, биологии и т. п. В результате наслоения естественнонаучного аппарата на гуманитарное знание осново-

положник позитивизма Огюст Конт предлагает назвать новую дисциплину социологией, которая в результате этих исторически сложившихся обстоятельств бурно развивается, и к концу XIX в. в ней формируется два полемизирующих друг с другом во Франции направления: первое под предводительством криминолога и социолога Габриэля Тарда, метод которого именовался субъективно-психологическим; второе – французская социологическая школа под руководством Эмиля Дюркгейма, названная им объективной социологией. В процессе избавления от субъектоцентристски ориентированных исследовательских проекций лидерство в полемике одержала доктрина Дюркгейма, в результате чего Тард с его методологическими принципами был предан забвению. Однако спустя почти столетие с момента выхода в свет основных произведений Тарда интерес к его методологическим принципам начинает активно возрождаться и находит применение не только в социологической традиции (Б. Латур), но и в философии (Ж. Делез, П. Слотердаjk) и антропологии (Р. Жирар). Некоторые из представителей современной философии в процессе артикуляции своих способов концептуализации действительности в весьма ангажированной форме демонстрируют заинтересованное отношение к идеям Тарда, в то время как другие свою причастность к идеям последнего репрезентируют имплицитно либо не выражают ее совсем, хотя то влияние, которое на них оказал французский мыслитель, неизбежно прослеживается.

Если рассматривать биографию французского ученого, то есть основание полагать, что его методологический аппарат, лежащий в основе субъективно-психологического критерия оценивания социальной реальности, имеет свои корни в специфическом интересе социолога к феномену преступности (в начале карьеры, продолжая семейную традицию, Тард активно занимался исследованием криминологических проблем. Его взгляды на многие аспекты этой дисциплины, а также на их связь с социологией изложены в работах «Преступник и преступление» и «Сравнительная преступность», впервые переведенных на русский язык в 1906 и 1907 гг.) и тем пред-



посылкам, которые являются причинами такого поведения. Изучая генезис маргинального, девиантного, единичного, выходящего за привычные нормы, и наблюдая, как субъективное намерение деформирует границы социальной реальности, автор мог прийти к концепции, что индивид является генерализирующим принципом по отношению к обществу и коллективу. Бесспорно, и Дюркгейм занимался рассмотрением маргинальных и девиантных состояний (речь идет о введенном в оборот и концептуализированном Дюркгеймом понятии «аномия»), однако он осуществлял это по отношению к состоянию общества в целом, исходя из определенных политических и экономических тенденций в ту или иную эпоху, а не по отношению к состоянию конкретного индивида, в то время как Тард как раз обращал внимание на схожесть исторической ситуации, в которой находятся несколько индивидов, с одной стороны, и разность их отношения к этой ситуации – с другой, что как следствие и воспроизводит на молекулярном уровне нечто, называемое преступностью. Обращение к некоторым фактам биографии Тарда не поможет в полной мере осветить всю интеллектуальную атмосферу второй половины XIX в. и не позволит ответить на основной заботящий нас вопрос: на основании каких резонансов и интеракций, начиная со второй половины XX в., появляется потребность в воспроизведении и перереформировании концептов основоположника субъективно-психологического метода. Поэтому резонно обратиться к конкретным случаям воспроизведения и перереформирования и детально рассмотреть, в чем заключалась потребность развертывания конкретных понятий на том или ином интеллектуальном поле.

Одним из первых реставраторов культурного капитала, накопленного Тардом, считается французский философ Жиль Делез. Сущность его реставрации заключалась в попытке продемонстрировать, что не существует пропасти между макро- и микроуровнями. Основной довод в пользу непринятия и недопущения до участия в дискурсе и обсуждении концепций Тарда был в том, что весь его проект можно назвать микросоциологией, или социальной психологией, которая занимается исследованием специфических узких вопросов социальных интеракций (типа интерперсонального взаимодействия), в то время как его оппоненты, в первую очередь Дюркгейм, занимались реализацией проекта по исследованию макросоциологических вопросов (например, институциональных объединений). Исходя из этого следовало констатировать

различие в категориальных группах данных исследовательских полей, что не дает оснований считать оппозиционными проекты Тарда и Дюркгейма. Делез же был намерен показать, что на социально-онтологическом уровне отсутствует радикальное категориальное различие по вопросам макро- и микросоциологии. Как первая, так и вторая являются лишь различными экспликациями одной категории, которую условно можно было бы назвать сегментацией, а точнее – циркулярной модальностью сегментации. Циркулярная сегментарность задает вектор (направление) движения от меньшего ко все большему радиальному расширению полей, с планом содержания которых индивид, резонируя, инкорпорирует его в сферу своей личной заинтересованности и озабоченности: «Мы сегментированы циркулярно, во все более и более обширных кругах, все более и более широких дисках или венцах, подобно “письму” Джойса – мои дела, дела моего квартала, моего города, моей страны, мира...» [1, с. 341].

Эта мысль уже была выражена в подобном контексте в предыдущей публикации [2, с. 76], в которой мы ссылались на Р. Харре и его видение процесса включения физических объектов посредством символической деятельности в социальный мир, однако в данном случае в качестве «физического объекта» выступает некий культурный капитал в виде ассимиляции мира посредством символов (знания), которое становится «интрапсихическим» достоянием индивида – носителя этого капитала, обладающего перманентно существующими функциональными особенностями его «приемника/носителя/передатчика». Отсюда вырисовывается диффузный, взаимопроникающий характер взаимоотношений между средой и индивидом, или, если делать акцент на средстве (знании), а не на объекте (среде или индивиде) передачи, то статус в оппозиции «интерпсихическое/интрапсихическое».

Вернемся к Делезу. Исходя из вышесказанного о взаимопроникновении и трансформации взаимоотношений «среда/индивид», а также на основании фрагмента текста Делеза, указывающего на циркулярный характер сегментации и зависимость микро- и макроуровней от радикального расширения, можно сделать вывод, что не имеет смысла представление об уровнях как о статичных состояниях, требующих изолированного друг от друга изучения и рассмотрения. Наоборот, имеет смысл представлять себе этот переход как бесконечно трансформирующийся процесс, запускаемый непрекращающимся



сегментированием индивидов, которое стоит рассматривать как ключевой аспект всего происходящего. В этом Делез солидарен с Тардом, и в этом основное их отличие от представлений тех, кто именуется макросоциологами, по преимуществу органицистами: не определенное структурное масштабирование задает зону исследования макро- или микроуровней, а производство, распределение и потребление различных вер и желаний посредством интерперсонального взаимодействия формирует среды и поля, характер их сегментаций, их свертывание или развертывание.

Весьма интересна корреляция основных модальностей сегментарности, а именно – бинарности, циркулярности и линейности, и функционирование вер и желаний, которые, распространяясь, создают имитацию, бинаризуясь, создают оппозицию и, соединяясь и сливаясь, создают инновацию. Таким образом имитации, оппозиции и инновации, образуемые различным комбинированием и функционированием вер и желаний, фундируют общество как таковое, масштабируют поля для его исследования. Поэтому Делез обращает внимание на ключевое значение идей Тарда: для него, как и для Тарда, нет статичных состояний, а есть бесконечный и постоянно трансформирующийся процесс, пандинамизм. «Тард – изобретатель микросоциологии, коей он дает собственное расширение и собственные масштабы, заранее разоблачая те ошибки, жертвой которых она будет» [1, с. 360].

Еще один современный интеллектуал, немецкий философ Петер Слотердайк, указывает на решающее значение идей выдающегося французского мыслителя для понимания общества в том виде, в каком оно функционирует в современном виде: «... ведь только у Тарда можно было бы научиться словарю и синтаксису, с помощью которых можно надлежащим образом объяснить современное общество» [3, с. 116]. Слотердайк во всех ключевых работах выражает несогласие со многими аспектами терминологического тезауруса психоаналитического дискурса, в связи с чем подвергает последний активному пересмотру и доработке, но не отбрасывает вовсе. Он предлагает сохранить, по его мнению, главное достижение психоанализа, а именно – выработанный им образ мышления, заключающийся в установлении связи «между энергетикой и семантикой, показав, как присущие телу инстинктивные напряжения смыкаются с культурно опосредованными цепочками значений, то есть языковыми выражениями и выразительными жестами» [3, с. 114]. Но Сло-

тердайк беспокоит скорее не то, как некоторые следствия неизбежно аффективного онтогенетического развития индивида (Эдипов комплекс, Драма рождения) проецируются индивидом на политическую арену [4]. Его интересует обратный процесс (в чем он близок Делезу): каким образом присущие большим социальным группам и массам энергии, напряжения и фантазмы проявляются в коллективных взаимодействиях и каким образом эти энергии, эпидемически распространяясь в коллективе, передаются на более индивидуальный уровень. Поднимая эти весьма важные вопросы, Слотердайк производит попытку создать «полевую теорию эпидемически распространяющегося возбуждения» и «прийти к описанию общества в понятиях миметики, теории подражания» [3, с. 115]. По словам Слотердайка, это как раз то, что позволяет вернуться к идеям, ранее выдвинутым Тардом, но забытым и нейтрализованным вследствие академического успеха Э. Дюркгейма. Слотердайк с полной уверенностью заявляет, что проект Тарда с его ярко выраженной специфичностью позволяет куда лучше описывать и объяснять общество, демистифицируя его своим подходом, «используя парапсихоаналитический концепт совместной галлюцинации, динамический концепт протекания подражания, энергетический концепт коллективного возбуждения и онтологический концепт комплексности или составного ансамбля монад и ячеек» [3, с. 116].

В третьем томе своего проекта «Сферы» Слотердайк, указывая на этот онтологический концепт комплексности, называет одну главу «Приближение к пространственным множествам, которые, к сожалению, называют обществами» [5, с. 260]. В терминах Слотердайка пространственные множества (а если использовать и различие, включаемое в эти термины Делезом, то лучше было бы назвать множественностями) выступают как некий инвариант общества, потому что наименование обществом аутогенных интересубъективных резервуаров отражает высокий уровень молярности, задает зону неразличимости, отражая лишь наличие общности в направленности их деятельности, в то время как пространственные множества на более высоком уровне отражают молекулярный статус функционирования индивидов. Почему здесь точнее подошло бы различие, предлагаемое Делезом между множеством и множественностью? Потому что, если множество предполагает объединение в совокупность элементов схожих по свойствам и признакам, тождественных друг другу, то множественность предполагает



скопление в некое единое целое элементов с принципиально различными свойствами и признаками. В качестве замечательного примера такой множественности может выступить «Композиция с цветными плоскостями и серыми линиями» П. Мондриана, которая в совокупности, или комплексности, образует единый геометрический объект, предполагающий квадрат, но сами эти элементы по отдельности, вступающие в комплексные взаимоотношения, обладают различными характеристиками (цвет, размер, форма). Как бы сказал Ж. Бодрийяр, «общество конституируется различиями».

К тому же указание на то, что эти множественности обладают пространственной привязкой, демонстрирует важность и значимость для формирования солидаризирующих механизмов процесса территориализации. Пространственность множественностей как наименование индивидов, обладающих по некоторым критериям общей заданностью, с высоким уровнем вариативности этой заданности, демонстрирует их детерминированность процессом территориализации. Манифестация индивидов происходит не в терминах существования, а в терминах обживания, проективной экспликацией вовне ментальных состояний посредством реализации конкретного способа действия: скажи мне, как ты обживаешь пространство, и я скажу тебе, кто ты. И если способ концептуализации указанных действий Дюркгеймом происходит посредством унификации, то для Тарда это скорее спецификация.

Подводя итог вышеперечисленным коротко изложенным идеям общности всех этих концептуальных персонажей, можно сказать, что основополагающим и фундирующим, но по-разному всеми называемым (циркулярная

сегментарность у Делеза, принцип комплексности у Слотердайка) принципом формирования общества является некая биполярность, возможность одновременного присвоения себе интимного внутреннего пространства другого и предоставления этому же другому своего интимного внутреннего пространства. Как говорил Слотердайк, «Всякая любовная история в основе своей есть упражнение в геометрии», если «любовь» понимать не в узком смысле этого слова как объединение к «генитальную» команду, а как романтических любовников, как участников, вступающих во взаимоотношение сопричастности друг к другу. Если Декарт с его модернистским пафосом считал, что существовать – значит мыслить, то указанный здесь принцип комплексности в первую очередь предполагает, что существовать – значит быть воспринимаемым другим. Именно наличие актуально осуществляющихся взаимоотношений с другим и присутствие этого другого в нас самих предполагают неотъемлемый базис современного социально-гуманитарного знания, которое, как здесь обосновывается, был инициирован концепциями Габриэля Тарда.

#### Список литературы

1. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато. М., 2010. 895 с.
2. Татьянанин О. О. Телесность в структуре социального пространства // Аспирантский вестник Поволжья. Самара, 2017. № 3–4. С. 74–81.
3. Слотердайк П., Хайнрихс Г.-Ю. Солнце и смерть. Диалогические исследования. СПб., 2015. 608 с.
4. Фрейд З., Буллит У. Томас Вудро Вильсон : двадцать восьмой президент США. М., 2017. 336 с.
5. Слотердайк П. Сферы. Плюральная сфера. СПб., 2010. 925 с.

#### Образец для цитирования:

Татьянин О. О. Рецепция взглядов Г. Тарда в современном социально-философском дискурсе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 282–286. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-282-286

#### The Reception of G. Tard's Views in Contemporary Social and Philosophical Discourse

##### O. O. Tatjanin

Oleg O. Tatjanin, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, souljaboy17@mail.ru

The main idea of the article is attempt to trace and briefly state, on the basis of what preconditions in modern social and humanitarian knowledge, and in particular in specific social and humanitarian

disciplines such as philosophy, sociology and anthropology, the revival of ideas and ways of conceptualizing social phenomena of Gabriel Tarda. The aim of the article is to provide the reader with some material on the fact that among representatives of modern anthropology there is a certain turn, or «return», to the so-called mimetic practices. The author starts by telling that the concept of «the other» as outside the competitor present and simultaneously constituting the internalized part of the individual is key to understanding the processes of society formation and has a direct bearing on the concept of emulating Gabriel Tard and attempts to



connect the latter. According to the article will be an examination of those transformations that the ideas of the French sociologist have undergone in the mental theoretic-cognitive constructs of contemporary thinkers who use the terminological thesaurus Tarde explicitly or implicitly, in particular, it will be a question of considering the pleiad of such modern social thinkers as B. Latour, G. Deleuze, R. Girard, P. Sloterdijk, who have exerted, and continue to exert, a noticeable and significant influence on the methods of theorizing culture and scientific knowledge in general.

**Key words:** mimesis, imitation, innovation, monad, Tard.

## References

1. Deleuze G., Guattari F. *Capitalisme et schizophrénie. Mille plateaux*. Paris, 1980. 640 p. (Russ. ed.: Deleuze G., Guattari F. *Kapitalizm i shizofreniya. Tisyacha plato*. Moscow. 2010. 895 p.).
2. Tatjanyn O. O. *Telesnost' v structure sotsialnogo prostranstva* [Corporeality in the structure of social space]. *Aspirantskiy vestnik Povolzhya*. [Postgraduate student gazette of the Volga Region]. Samara, 2017, no. 3–4, pp. 74–81 (in Russian).
3. Sloterdijk P., Heinrichs H.-J. *Die Sonne und der Tod, Dialogische Untersuchungen*. Frankfurt a/M, 2001. 483 S. (Russ. ed.: Sloterdijk P., Heinrichs H.-J. *Solntse i smert. Dialogicheskie issledovania*. St. Petersburg, 2015. 608 p.).
4. Bullit W., Freud S. *Thomas Woodrow Wilson*. Boston, 1967. 307 p. (Russ. ed.: Freud S., Bullit W. *Thomas Vudro Wilson: dvadtsat vosmoi president USA*. Moscow, 2017. 336 p.).
5. Sloterdijk P. *Sphären III – Schäume, Plyrale Sphärologie*. Frankfurt a/M, 2004. 920 S. (Russ. ed.: Sloterdijk P. *Sferi. Plyuralnaya sfera*. St. Petersburg, 2010. 925 p.).

## Cite this article as:

Tatjanin O. O. The Reception of G. Tard's Views in Contemporary Social and Philosophical Discourse. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 282–286. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-282-286



УДК 001:165.9

## КОНКУРЕНЦИЯ НАУКИ И ЛЖЕНАУКИ В ЭПОХУ ПОСТПРАВДЫ

С. В. Тихонова

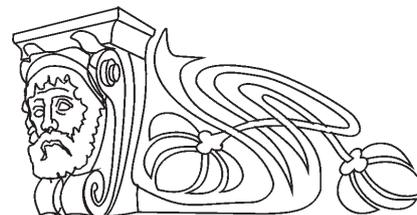
Тихонова Софья Владимировна, доктор философских наук, профессор кафедры социальных коммуникаций, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, segedasv@yandex.ru

Статья посвящена конкуренции научного и лженаучного трендов в неформальном знании, сформированном в социальных сетях, и получении новых данных о механизмах внедрения научного знания в пространство сетевой коммуникации в эпоху постправды. Автор рассматривает обычное знание, исследует процессы его формализации в рамках институтов профессионального производства знания и деформализации в условиях неформальной интернет-коммуникации. Неформальное знание социальных сетей подчинено алгоритмам производства постправды, основанной на репрезентации личного субъективного опыта познания мира. Автор интерпретирует постправду как специфическую стратегию ориентации в сверхплотных массивах цифровой коммуникации, стратегию, предполагающую полную активизацию всех когнитивных способностей человека, реализуемых в цифровой медиасреде современности. Постправда создает дополнительные конкурентные преимущества для тиражирования лженауки в медиасреде и осложняет популяризацию научного знания. Исследование неформального социального знания, генерируемого в социальных сетях, и определение динамики в развитии форм диалога науки и общества не только расширит представления о современной социальной роли науки и научного знания, но и позволит оптимизировать подготовку научных кадров и повысить качество популяризации науки в стране.

**Ключевые слова:** медиасреда, наука, лженаука, обычное знание, неформальное знание, постправда.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-287-291

Отношения науки и общества, лежащие в основе современной цивилизации, неоднозначны и подчас амбивалентны. Общество осознает зависимость прогресса от развития научных исследований, но очень часто воспринимает науку как отчужденную силу, несущую потенциальные угрозы. Представители научного сообщества в ситуациях недоверия нередко занимают позицию Савонаролы, обличая невежество и обскурантизм обывателя и отказываясь рационально воспринимать социальный запрос на информирование и поиск компромиссов. В условиях роста популярности социальных сетей массы перестали быть молчаливыми, что радикально меняет структуру научно-общественной коммуникации. В рамках данной статьи будет рассмотрена конкуренция науки и лженауки как двух базовых систем производства знания о мире, а также выявлены коммуникационные основы их взаимодействия в условиях социальных сетей.



Цифровая революция во многом способствовала смене вертикальных моделей диалога науки и общества моделями горизонтальными. Как показал О. Н. Яницкий, «структура коммуникации между наукой и обществом эволюционирует от вертикальной к горизонтальной, от “реализации” научной концепции к диалогу, точнее – к многоголосию, в котором властные структуры и СМИ приобретают все больший вес <...> Растет значимость средового знания, которое придает первостепенное значение местным условиям и интегрированному субъективному восприятию» [1, с. 96]. В этом случае речь идет об интеграции прикладных научных разработок в процессы решения локальных проблем гражданского общества, когда ученые активно включаются в проблемы местного населения, а население доверяет ученым, которых знает лично. Это «вмешательство социально ориентированных профессионалов в публичную жизнь» порождает адвокативную (термин О. Н. Яницкого) науку. Данный подход вообще характерен для парадигмы общества риска и фокусируется на институциональных аспектах взаимодействия власти, науки и гражданского общества, т. е. на социетальном уровне. На субъектном уровне этот процесс описывается как формирование технонауки, т. е. научных исследований, укорененных в потребностях жизненного мира человека, не столько локальных, сколько прямо индивидуальных. Оба подхода подчеркивают конкретного адресата научных исследований, хотя по-разному оценивают взаимоотношения клиентов и потребителей научного знания.

Важным элементом диалога общества и науки является дисперсия научного знания в медиасфере, поддерживающая формируемый школой как агентом социализации авторитет научного знания. Вкрапление научного знания в медийный контекст обеспечивается популяризацией науки, придающей ему доступную для широкой публики форму. Изменение классической для науки формы изложения, тесно связанной с языком науки и процедурами научной апробации, не нейтральна с точки зрения качества транслируемого знания. Его чрезмерное упрощение легко может стать



основой массовых заблуждений, но тем не менее без упрощения популяризация невозможна. Эффективность продвижения научно-популярных и научных сообщений в сетевой медиасреде зависит от того, насколько контент приближен к формату инфотейнмента, усиливающего развлекательную функцию медиатекста. С точки зрения дискурсивных практик упрощение можно описать как процесс «бульваризации» знания, который сводится к таким особенностям контента, как обилие иллюстраций, нестандартная форма верстки, простой язык изложения. Они накладывают на популяризаторов и научных коммуникаторов дополнительные требования, усложняя их медиакомпетентность. Как минимум, от них требуется умение применять следующие дискурсивные механизмы:

- а) тематическая редукция (выбор наиболее интересного содержания);
- б) уменьшение плотности информативности сообщения;
- в) проявление лингвистической креативности, позволяющей осуществлять когнитивную и лингвистическую экономию;
- г) использование детерминированных лингвистических единиц;
- д) работа с паратекстуальными компонентами (инфотейнмент);
- е) использование оценочных элементов [2, с. 12].

Однако полномасштабное использование этих механизмов является скорее исключением, чем правилом. Вместе с тем инфотейнмент как способ подачи контента, объединяющий развлечение и информирование, привлекая пользователя, не дает ему никаких гарантий качества информации. Лженаука может использовать как сам инфотейнмент, так и богатый ассортимент манипулятивных приемов, обеспечивающих увлекательность предлагаемых сообщений. Лженаука может быть определена как социокультурный феномен имитации коммуникаторами атрибутивных характеристик кода научного знания (терминологичность, рациональность, эмпирическая проверяемость и социальная значимость) для продвижения сообщений, содержание которых не признается научным сообществом соответствующим критериям научности. В медиасреде научный и лженаучный контент конкурируют друг с другом, а реальный выбор пользователя далеко не всегда очевиден: обыватель чаще всего принимает их за явления однопорядкового характера и не может дифференцировать. Иначе говоря, с его точки зрения он выбирает не между наукой и лженаукой, а между наукой интересной и понятной и наукой скучной и сложной. Мотивация

выбора задается общим когнитивным фоном, в котором в условиях медиасферы играют не только остаточные знания системы образования, но и обычное знание. Последнее приобретает ключевое значение в тех ситуациях, когда сложность научного знания блокирует понимание сообщений или для реципиента снижен уровень авторитета науки, выраженность которого может заменять понимание.

Научное знание не ложится на *tabula rasa*, оно вступает в контакт со знанием обыденным, конфликт с которым отнюдь не обязательно решится в пользу науки. Обыденное знание (*ordinary knowledge*) в эпистемологии является довольно маргинальной проблемой, разработке которой посвящено сравнительно небольшое число исследований. Одной из ключевых работ является коллективная монография “*Epistemology of Ordinary Knowledge*” под редакцией М. Л. Бианки и П. Пиккери (2015) [3]. В этом труде М. Л. Бианка обосновывает концепцию, в соответствии с которой обычное знание – это форма знания, не только позволяющая эпистемически получить доступ к миру, но также включающая разработку его моделей с различной степенью достоверности [4]. Особенность этой формы заключается в том, что обычное знание может быть надежным, несмотря на то, что не обладает строгостью научного. Надежность обыденного знания задается его полигностической структурой, включающей различные виды знаний. К ним относятся: а) перцептивное/феноменальное знание; б) самопознание собственных психических состояний, содержаний и процессов; в) знание самого себя и становление понятия «Я»; г) знание других «Я»; д) косвенное и неперспективное знание мира. У каждого из этих видов знания есть свои особенности формирования, собственная релевантность и степень надежности.

Социальное измерение последних рассматривает М. К. Аморецци [5]. Она опирается на концепцию триангуляции Д. Дэвидсона, в которой разумное существо, чтобы иметь какие-либо понятия или убеждения, должно «триангулировать» объекты и события во внешнем мире с другими существами, достаточно похожими на него. Триангуляция как простейший вид социального взаимодействия объединяет эмпирическое содержание и понятие объективности. Преодолевая недостатки идеи Дэвидсона, Аморецци показывает, что совместное внимание – это полностью социально-интерсубъективный триадический процесс, не требующий высказываний в языке, но формирующий общность идей и концепций.

Вопрос о том, как медиасреда меняет формирование обыденного знания, остается мало-



изученным. В первом приближении очевидно, что канал коммуникации не может не влиять на процесс познания, поскольку привносит в него компоненты медиаграмотности. Иначе говоря, технические принципы оперирования контентом детерминируют эпистемические процессы. Средой формирования обыденного знания является мышление и устная речь. Подключение письма означает расщепление исходного синкретизма обыденного знания, повышение степени его рефлексивности и подчинение жанровым форматам (литературным, документальным, журналистским), т. е. начальную формализацию. Переход познающего субъекта в сферу профессионального производства знания – художественного, религиозного, журналистского или научного – требует овладения определенными методами его создания, т. е. среднюю формализацию. По мере роста профессионального мастерства степень формализации производимого знания достигает максимального значения. Под формализацией в данном случае понимается передача знания с помощью особого кода, через создание сообщения определенной формы и по установленным правилам. Это и использование конкретного функционального стиля речи, и риторические приемы, и системы аргументации, терминология, штампы и т. д. Важными элементами формализации являются институциональные ценности, нормы, правила и процедуры, выработанные в структуре профессиональных институтов по производству знания – науке, религии, журналистике, искусстве и т. д.

Необходимо отметить, что развитие интернет-коммуникации оказало значительное воздействие на речевые жанры и стили. Во-первых, оно вызвало эклектизацию и диффузию жанровых форм за счет неформального статуса интернет-общения. Утверждая традиции неформального общения и самовыражения, Интернет смягчил канонические жанровые правила, усиливая эмоциональную и развлекательную направленность общения. Во-вторых, перевод текста и речи в медиаформат Интернета изменил отношения между автором и читателями в сторону симметрии. В-третьих, расширяя классический печатный текст с помощью видео-, фото- и аудиовставок, медиатекст стал форматом организации контента, характерным для цифровой культуры. Для медиатекста характерны иные отношения сообщения и реципиента, в том числе феномен так называемого «поверхностного» чтения, слабо совместимого с развитием критического мышления. Медийные элементы расширяют чувственное восприятие и усиливают эмоциональное воздействие, рассеивая аналитическое внимание. Экспоненциальный рост медиатекстов в медиасреде, инструменты по-

иска, компактность их размещения на носителях и в сети, а также операциональность снижают временные затраты при работе с ними.

Перечисленные коммуникационные отличия делают обычные знания в социальных сетях принципиально неформальными. Исследуя обычное знание в социальных сетях, можно обнаружить следы формализации знаний. Однако интернет-пространство формировалась как серая зона между приватным и публичным и продолжает оставаться таковой до сих пор. Поэтому даже коммуникация профессионалов в Интернете существенно отличается от профессиональных стандартов онлайн. Дискурсивность медиасреды как общая способность смыслопорождения сопрягается с жанровой эклектикой и полифонией. В дискурсе медиатекстов убеждение формируется не через рациональные стратегии, а на эмоциональной платформе, расформализовывая традиционные профессиональные дискурсы.

Вместе с тем, несмотря на все социально-психологические различия печатного текста и медиатекста, между ними существует глубокая преемственность, поскольку печатное слово продолжает оставаться основой медиатекста. Преобладание субъективных элементов в продвижении медийного контента фиксируется неологизмом «постправда». В литературе постправда трактуется как самостоятельный концепт медиадискурса, обладающий отрицательными коннотациями и подчеркивающий влияние интерпретаций, по сравнению с фактографией [6]. Однако суть постправды сводится к вере, для которой принципиально личностно-эмоциональное отношение к предмету сообщения. Постправда совмещает глобальное с приватным, разоблачение секретов и раздувание скандалов создает близких и понятных героев в условиях дефрагментации жизненного пространства личности.

Постправда как трансляция субъективности основана на репрезентации личного субъективного опыта познания мира, т. е. ее ядром является обычное знание, на платформе которого формируются личная история, личный опыт и личная правда, подменяющие объективные данные. Постправда – это не забвение истины, это следствие избытка информации, когда в ее массивах можно ориентироваться только через полную активизацию всех когнитивных способностей человека. Эмоционально окрашенное отношение выступает фильтром для потоков разнородного контента. Через постправду люди и познают, и одновременно выражают себя, создают идентичности и вступают в коллективные действия.

Хотя само понятие «постправда» первоначально характеризовало информационную по-



литику институциональных акторов (преимущественно правительств), в цифровой медиасфере производство постправды имеет коллективный характер. Уже в 2005 г. концепция Web 2.0 была переориентирована на интерактивность пользователей, предполагающую создание активными (не профессиональными) участниками сети собственного контента, ради которого большинство пользователей и приходят в сеть. Социальные сети усилили эту тенденцию, включив рядовых обывателей не только в процессы тиражирования сообщений, но и в их создание. Исходные сообщения, фабрикуемые по инициативе политиков постправды для контроля над общественным мнением, рассыпаются в миллионах постов и комментариев.

Дискурсы социальных сетей автоматизированы. Алгоритмы создания и систематизации контента, опираясь на информацию о пользовательских предпочтениях и пользовательских группах, обеспечивают персонализацию содержания, распределяя контент в соответствии с психологическими и идеологическими особенностями мировоззрения пользователя. Настройки новостных лент в социальных сетях, работающие по принципу информационных пузырей [7], дробят контент на индивидуальные нанодискурсы, непрерывно сообщаемые друг с другом. Работа интернет-фильтров сама по себе приводит к тому, что пользователь лишен доступа к альтернативным точкам зрения, его личное информационное пространство замыкается на его интересах. Обычное знание, лежащее в основе пользовательских медиатекстов, только усиливает и укрепляет этот тренд субъективизации и персонализации контента.

Интенсивное развитие социальных медиа увеличивает включенность пользователей в производство знаний. Массив производимого ими контента вытесняет классические СМИ из структуры обращаемости по общественно-политическим и аналитическим сведениям. Мнения пользователей социальных сетей становятся основным источником информации для большинства населения планеты, влияют на адресованный науке государственный заказ и детерминируют заказ социальный в рамках краудфайдинговых проектов, инспирируя современные аналоги «гаражной науки»: биохакинг, трансгуманистические и гик-движения. Пользовательские мнения сами по себе являются специфической формой повседневного знания, обладающей особыми дискурсивными правилами производства, системами верификации и авторитетов. Будучи слабо чувствительным к критериям научного знания и конгруэнтным к манипулятивным технологиям

масс-медиа, неформальное знание социальных сетей выступает средой конкуренции научного и лженаучного знания, прямо влияющей на эффективность диалога науки и общества.

Сообщения электронной коммуникации отражают также когнитивную активность субъекта, а активизация роли социальных сетей в функционировании общественного сознания меняет институциональные условия диалога науки и общества. Неформальное знание, производимое обывателями вне институциональных практик, часто объективируется сегодня в форме контента социальных сетей, сетевых записей различных форматов (микроблог, блог, твитт, пост и т. п.). Повседневное обыденное знание, ранее бытовавшее преимущественно в устной форме и проникавшее в массовое сознание и массовую культуру через систему культурных цензов, в условиях социальных сетей становится публичным и получает новые механизмы влияния (лайки, репосты), обеспечивающие не только его массированное тиражирование, но и прямую включенность в процессы формирования репутаций и общественного мнения. Быстрыми темпами складываются дискурсивные правила производства сетевого неформального знания, обеспечивающие востребованность конкретного сообщения.

Диалог науки и общества выстраивался в обществах Модерна в специфической коммуникационной ситуации, ключевыми субъектами которой были институционализованные СМИ (профессиональные коммуникаторы), переводившие для пассивной аудитории узкоспециализированный язык ученых на язык масс. Аудитория социальных сетей активна, дистанцирована от коммуникационных потоков традиционных СМИ и ориентирована на собственных лидеров мнения. Однако последние в выдвижении своих мнений часто не дифференцируют научное и лженаучное знание, руководствуясь в работе с информацией критериями вкуса, а не объективностью и достоверностью данных. В результате социальные сети переполнены лженаучной информацией, что затрудняет популяризацию науки. Ключевой проблемой обеспечения эффективности диалога науки и общества является неизученность неформального знания социальных сетей, способов его формирования и интеграции в его корпус источников научного/лженаучного характера.

#### **Благодарности**

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-33-01056 а2 «Мифы о прошлом в современной медиасреде: практики конструирования, механизмы воздействия, перспективы использования»).*



## Список литературы

1. Яницкий О. Н. Диалог науки и общества // *Общественные науки и современность*. 2004. № 6. С. 86–96.
2. Багиян А. Ю. Дискурсивные механизмы популяризации знаний (на материале английского языка) // *Наука в общественном диалоге : ценности, коммуникации, организация : материалы междунар. науч. конф. / общ. ред. Н. И. Алмазова, Э. Бернер, В. Е. Чернявская*. СПб., 2017. С. 12.
3. *Epistemology of ordinary knowledge* / eds. L. Mariano, B. Piccari, P. Piccari. Cambridge, 2015. 321 p.
4. Bianca M. L. The epistemological structure of ordinary knowledge // *Epistemology of ordinary knowledge* / eds. L. Mariano, B. Piccari, P. Piccari. Cambridge, 2015. P. 3–38.
5. Amoretti M. C. On the social dimension of beliefs and concepts // *Epistemology of ordinary knowledge* / eds. L. Mariano, B. Piccari, P. Piccari. Cambridge, 2015. P. 195–210.
6. Корецкая О. В. Концепт post-truth как лингвистическое явление современного англоязычного медиадискурса // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 73 : в 3 ч. Ч. 3. С. 136–138.
7. Pariser I. *The Filterbubble : What the Internet Hiding from You*. L., 2012. 294 p.

## Образец для цитирования:

Тихонова С. В. Конкуренция науки и лженауки в эпоху постправды // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Психология. Педагогика*. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 287–291. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-287-291

## The Competition Between Science and Pseudoscience in the Post-truth Era

S. V. Tikhonova

Sofiya V. Tikhonova, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, segedasv@yandex.ru

The article deals with the competition of scientific and pseudoscientific trends in informal knowledge of the social networks. The author obtains new data on the mechanisms of introduction of scientific knowledge into the space of network communication in the post-truth era. She examines the ordinary knowledge, explores the processes of its formalization within the framework of the institutes of professional production of knowledge and deformalization in the conditions of informal Internet communication. Informal knowledge of social networks is subject to post-truth algorithms. The post-truth based on the representation of personal subjective experience of knowledge of the world. The author interprets the post-truth as a specific strategy of orientation in superdense arrays of digital communication, a strategy that involves the full activation of all cognitive abilities of a person, implemented in the digital media environment of our time. The post-truth also creates additional competitive advantages for the replication of pseudoscience in the media environment and complicates the popularization of scientific knowledge. The study of informal social knowledge generated in social networks and the determination of dynamics in the development of forms of dialogue between science and society will not only expand the understanding of the modern social role of science and pseudoscientific knowledge, but also optimize the training of scientists and improve the quality of popularization of science in the country.

**Key words:** media environment, science, pseudoscience, ordinary knowledge, informal knowledge, post-truth.

**Acknowledgements:** *The work was supported by the Russian Foundation for Basic Researches, project no. 17-33-01056 a2 “Myths about the past in a modern media environment: the practices of construction, mechanisms of action and prospects for use”.*

## Cite this article as:

Tikhonova S. V. The Competition Between Science and Pseudoscience in the Post-truth Era. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 287–291. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-287-291

## References

1. Yanitskiy O. N. Dialog nauki i obshhestva [Dialogue of science and society]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity], 2004, no. 6, pp. 86–96 (in Russian).
2. Bagiyani A. Yu. Diskursivnye mekhanizmy populyarizatsii znaniy (na materiale angliyskogo yazyka) [Discursive mechanisms promote knowledge {in English language}]. In: *Nauka v obshhestvennom dialoge: tsennosti, kommunikatsii, organizatsiya: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Science in public dialogue: values, communication, organization: international research conference]. St. Petersburg, 2017. P. 12 (in Russian).
3. *Epistemology of ordinary knowledge*. Eds. L. Mariano, B. Piccari, P. Piccari. Cambridge, 2015. 321 p.
4. Bianca M. L. The epistemological structure of ordinary knowledge. In: *Epistemology of ordinary knowledge*. Eds. L. Mariano, B. Piccari, P. Piccari. Cambridge, 2015, pp. 3–38.
5. Amoretti M. C. On the social dimension of beliefs and concepts. *Epistemology of ordinary knowledge*. Eds. L. Mariano, B. Piccari, P. Piccari. Cambridge, 2015, pp. 195–210.
6. Koretskaya O. V. Kontsept post-truth kak lingvisticheskoe yavlenie sovremennogo angloyazychnogo mediadiskursa [Concept of post-truth as a linguistic phenomenon of the modern English-language media discourse]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of theory and practice], 2017, no. 73: in 3 parts. Part 3, pp. 136–138 (in Russian).
7. Pariser I. *The Filter bubble: What the Internet hiding from you*. London, 2012. 294 p.

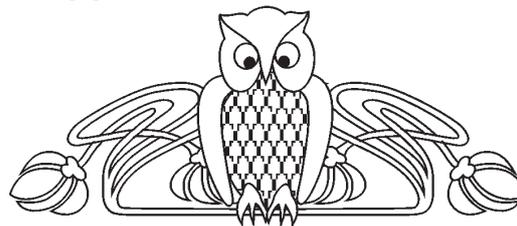


УДК 1+316.42+314

## ПУСТОЕ МЕСТО: ГОЛОС СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

О. Ф. Филимонова

Филимонова Ольга Федоровна, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., filmon-2006@yandex.ru



Познавательный интерес к проблеме пространства – теоретический и практический – остается устойчивым и даже неуклонно растет по мере того, как видоизменяются способы и характер пространственных отношений и связей в обществе. Вполне закономерно, что этот во многом противоречивый процесс зависит не только от изменчивости социально-пространственных сцеплений, но и от точки зрения исследовательского интереса. Все это открывает новые пути понимания пространственной стороны социального существования в городских условиях. Статья посвящена прояснению значения базового понятия социальной теории пространства – категории места – и выделению из этого общего концептуального поля в качестве особой темы проблемы «пустого места». Место как таковое несет в себе признаки бытующих в нем практик, поэтому наше намерение состоит в том, чтобы проанализировать, как в условиях города оно лишается своих сущностных признаков и может быть воспринято как *пустое место*. Показано, что в силу радикальной открытости глобальным процессам города сосредоточили в себе неместное, чуждое, смешанное, тем самым бросая вызов общественным ценностям и институциональным порядкам. В рамках этих событий проблема «пустого места» рассмотрена с трех взаимосвязанных семантических точек: как «жизнь в пустоте», которая сигнализирует о жизни вне исторической и культурной памяти; как «потеря места», регистрирующая корреляцию с социальным отчуждением; как «чуждое место» – фактическая идентификация с миром чуждой культуры. В исследовании отмечается, что в своем специфическом выражении эти симптомы современной городской жизни сомкнулись в социальной реальности «пустого места».

**Ключевые слова:** город, место, идентичность, транслокализм, чуждое.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-292-297

Как естественно сложившиеся, так и спроектированные города представляют собой один из несущих моментов любой жизненной формы, а именно – процесс построения определенного социального мира, скрепленного единообразным планом, который при всех частных несоответствиях обещает гармонию с точки зрения целого. Однако в тени гомогенного порядка имеются и «темные уголки», которые отстраняются и скрываются как нечто неактуальное или чужеродное – «городское дно», трущобы, «обитаемые развалины», «хрущобы» и т. п. Такого рода ценностно-метафорические «отметины» налагаются на субстраты повседневной жизни, становятся характерным показателем

качественного разделения местоположений и поляризации социальных соприкосновений и в этой связи – условием границ и меры человеческих перемещений и взаимодействий. В движении, в перемещении с места-на-место не более явно, чем в самом факте покоя или «прикованности» к месту, сказываются ресурсы и ограничения, имеющие исток сугубо социальный. И это очевидно, поскольку в городском пространстве место служит центром кристаллизации человеческих отношений, их близости и плотности, которые, будь они иначе, т. е. не пространственно, ориентированы и оформлены, не приобрели бы такой определенности, как, например, явление, реальность которого, пожалуй, лучше всего может быть выражена метафорой *пустое место*.

В социальной репрезентации *пустое место* как понятие может рассматриваться с разных точек зрения. В первую очередь, нас интересуют природа и значение понятия места в рамках географической локалистской традиции, а именно то обстоятельство, что абстракция «место» вырабатывается человеком на основе сопоставления двух тел – собственного и внеположенной вещи (наделенной телесностью). Сопоставляя себя с любым другим телом, субъект различает «здесь» и внеположенное «там», и чтобы достичь этого «там», оказаться «там», от субъекта требуется реальное или воображаемое действие по перемещению. Перемещаясь, шагая, субъект как бы фиксирует места и вместе с этим создает их зрительный образ. Именно на такой деятельной основе складывается представление о множестве, разнообразии и в то же время о единстве мест [1]. По отношению к понятию *пустое место* здесь возможна аналогия с экспансией географических открытий, «по-шаговой» колонизацией и захватом земель, современной «индустрией миграции» и глобализацией, проявляющей сильный интерес к перманентной и регулируемой практике социальных передвижений.

Однако наряду с интуицией «шагания» в выработке представления о месте мы сосредоточиваем внимание на идиоме места как вместилища человека. Дом человека, земля, на которой этот



дом находится, воплощают в себе его обитателя, да и сам человек фактом своего рождения связан с местом проживания. Более распространенную версию такого понимания мы видим у Г. Зиммеля. Сюда же примыкает привлекаемое им понятие «между», вбирающее в себя значения пустых и нейтральных пространств. Зиммель излагает интересный набор суждений, утверждая, что когда между людьми нет взаимодействия, то пространство между ними практически означает Ничто: «Если некоторое количество лиц изолированно селится [hausen] друг подле друга в определенных пространственных границах, то каждое из них наполняет своей субстанцией и деятельностью непосредственно свое место, а между этим местом и местом следующего лица – незаполненное пространство, практически говоря: ничто. В то мгновение, когда оба они вступают во взаимодействие, пространство между ними оказывается заполненным и оживотворенным» [2, с. 62]. Иначе говоря, пустое пространство, по Зиммелю, есть промежуточная, незаселенная, но востребованная людьми зона. Это как бы свободные, незанятые, нейтральные локусы, позволяющие также контактировать враждующим сторонам, не прекращая конфликта, взаимодействовать между собой «чисто деловому», «объективно» [2, с. 92].

Несомненно, что-то похожее на этот ход мысли Зиммеля просматривается не только в характеристике, данной им посреднической деятельности чужака, но и в основе специфического интереса транснациональных и мультикультуралистских исследовательских подходов. Транснационализм (социальный плюрализм) предлагает рассматривать миграцию не как простое перемещение из одного места в другое, а в виде процесса расширения пространства действий акторов, или новых плюролокальных социальных отношений [3]. Так, миграционные ассоциации способны стимулировать передвижения, демонстрируя приносимый ими эффект: разрастаться все больше и плотнее, поскольку каждый их «шаг» содержит акты поддержки для тех, кто остается на месте и облегчает другим дальнейшее передвижение, а те, в свою очередь, расширяют сеть ассоциаций и вероятность их дальнейшего распространения. Все это хорошо подтверждают известные эмпирические наблюдения. Или взять культурный плюрализм, обращенный к транслокальным формам солидарности и групповой идентичности, когда значение пространства выступает как маркер и медиатор поликультурной идеологии. С одной стороны, сохранение традиций, связь с землей рождения, сильное чувство «мы» и разделяемые апелляции

к крови, цвету кожи, религии или языку, с другой – кочевничество, «безземельность» и встреча с чужеродными ценностями чужой земли и культуры. Такое неопределенное состояние напоминает то, что В. Тэрнер назвал лиминальностью, или переходом, пороговой ситуацией: «Лиминальные существа ни здесь, ни там, ни то, ни сё; они – в промежутке между положениями, предписанными и распределенными законом, обычаем, условностями и церемониалом» [4, с. 169].

Однако главное заключается в том, что мультикультурные ассоциации так или иначе воздействуют на окружение, и то, что является, на наш взгляд, действительно существенным, так это масштабы и способы взаимодействий, которые разворачиваются на местах. В этой связи место как бы больше не является категорией установленных и данных онтологических признаков, но становится потенциальной формулировкой подобия и различия, маркером идентичности и обмена: так что социальные процессы разворачиваются как бы на *пустом месте*, в незанятом вместилище, открытом потокам смешанных людских масс и культур.

В этом контексте плюролокальных социальных и культурных отношений особое значение имеют встречные вопросы пространственных и ментальных несоответствий и несообразностей. Пожалуй, первой ступенью теоретического объяснения подобного рода каверзных ситуаций была топологическая модель П. Бурдьё: он отмечал, что, когда «проникаешь в пространство, не выполняя всех условий, которые пространство негласно предъявляет своим обитателям» [5, с. 48], всякий раз возникает чувство себя «не на месте». Дело заключается в том, что если этнические или расовые отличия воспринимаются как относительно нефиксированные, то несоответствие определенным нормативным положениям (бытовым, культурным, имущественным) становится критерием и стратегией фиксации несообразности месту. Однако именно в данном случае локальное пространство подвергается испытанию быть опустошенным. Для России такая ситуация продвижения миграции (внешней и внутренней) становится ощутимой проблемой не только для крупных городов, но и региональной «глубинки», где образуются большие сосредоточения неорганичных местным контекстам переселенцев. Российские пространства обнаруживают невероятное усиление того, что на протяжении последних десятилетий составляет значительную проблему для европейских городов.

Заметим, что в интеллектуальной истории XX столетия (особенно европейской) проблема «того, чего нет» всегда считалась не менее важ-



ной, чем вопрос о том «что есть», по той лишь причине, что первое определяет форму второго. В русле этого теоретического тренда, чутко отразившего перемены последних десятилетий, показательное исследование М. Оже. В своей работе «Не-места. Введение в антропологию гипермодерна» французский этнограф сумел передать состояния неосновательности, бездомности, беспочвенности, которыми помечена каждая точка городского мира [6]. Объединив под термином «не-места» специфику современного использования пространства, Оже позволяет обозреть жизнь людей в избыточности «хроно-топических изменений», в бесконечности и множественности пространственных перемещений, во временности и эфемерности ментальных состояний. Образ такой жизни напоминает симулированную реальность или промежуточный мир, как сказал бы Платон. Это мир, где множатся пункты транзита и временного пребывания (ряды отелей и самовольно занятые жилища, лагеря для беженцев и т. п.), где рождаются в клиниках и умирают в больницах. В сквозной планиметрии обитаемых «не-мест» циркулирует густая сеть транспортных средств, «трудятся» автоматические распределители и кредитные карточки с «немыми» торговыми движениями. Мир, созданный таким образом, предназначается для одиночной индивидуальности и ставших пребыванием переходов, прохождений, перемещений. И в этом качестве, насколько можно судить, представляет собой как бы тотальное освобождение от места, от всего того, что имеет с ним сходство – близости, сродства и смысла человеческих отношений, устойчивости представлений и ценностей, вместительности и преемственности бытия.

Разумеется, краткий обзор теоретических предпосылок позволяет заострить не все, но некоторые из уже известных проблемных вопросов в локалистской традиции, поэтому мы намерены предложить пробную типологизацию значений понятия *пустое место* с целью выявления путей, которыми в современных городах создаются подобного рода пространства. Термин «место» будет использован в обычном для русского языка смысле – метка, метить, т. е. выделять, устанавливать, присваивать в пространстве какое-либо место. Идея места мыслится, прежде всего, как онтологическая категория, как место обитания, место жизни, как то, что может вмещать человека, что может стать или является ему домом. Одно-временно подразумевается, что не соотносимый с данными свойствами локус пространства имеет значение пустого (по В. Далю: полый внутри, несплошной, неплотный, пустошь).

В нашем сознании понятия «земля», «мир» и «город» равнозначны. Они служат символом первичной территориальной общности, знаком общинной, почвенной связи и целостности, выражением сложной системы взаимосвязанных структурированных элементов, включающих народ, природу, культуру в единый Космос. Всякое нарушение этого континуума воспринимается как разрушение целостности мира. Такая представительная модель мира (общностная, родственная) легла в основу очень сущностного, глубокого умонастроения, фактически выжившего в обсуждениях пространственных методов.

Феномен *пустого места* – симптом последовательных изменений, надлома в основах этого умонастроения. Именно «изломанность» общего вида, повреждение его органичной конфигурации совпадающих смыслов делает зримой явленность «пустого» как нечто инородного, того, что возникает и развивается на краях и внутри современного урбанистического конгломерата, отношения которых и подлежат установлению. В свете данного толкования попробуем взглянуть на реалистичность этой связи.

*Пустое место как жизнь в пустоте.* Эту ситуацию можно связать с трансформацией городской планировки, с безжалостным («на корню») истреблением любой отсылки к прошлому (переименование улиц и площадей, снос и перестройка целых районов, разрушение памятников и парков), к памяти культуры, к общественно-историческим условиям, структурирующим городское пространство. Наблюдаемое повсеместно засилье образно-языковых элементов инокультур – один из курьезов и прецедентов, создающих условия для формирования предрасположенности или привычки воспринимать «чужое» как «своё» или, что не менее пагубно, извращать «своё» на незнакомое, «не своё» (например, хлебный магазин с названием БУЛКА). Однако мы все более и более знаем методы, которые могут быть невидимыми в деле разрушения основ нашей культуры (культура как таковая обладает свойством состоятельности). И если физические стены имеют значение, то преграды для воображения, надписывающего пространству чуждый символ, не менее важны. Манера действовать как в «чистом поле» несовместима с этической позицией «родственного» внимания, которая включает в себя заботливое отношение к людям, рассматривает их место обитания в качестве предмета эстетического созерцания, условия формирования их высокой духовности. Ведь культура, ее памятование создается не просто как определенный объем знания, представлений и ценностей, но и как устойчивый механизм их порождения, как творческие искания.



Типично урбанистическим феноменом в этом смысле является отсутствие городской памяти. Часто молодое поколение горожан почти или ничего не знает о своей малой родине, не помнит, где жили дальние и ближние предки, потому что не дает себе особого труда знать. В таких случаях обыденная память базируется на устных рассказах, толкованиях информации средств массовой информации, порождающих разнообразнейшие и малодостоверные представления. Судьба мстит за потерю исторической памяти, обрекая наших потомков жить в пустоте, ибо *пустое место, свободное от всякой памяти*, мало или вовсе лишено свойств своего прошлого и будущего состояния.

*Пустое место как потеря места.* Потеря места есть величайшая экзистенциальная проблема, есть разложение изнутри. Существовать (to exist) означает «находиться вне», иначе говоря, быть вне совокупности структурных позиций, которые всякий человек занимает в социальной системе. Потеря места – это «социальное исключение», обреченность на терпение лишений и разнообразных неудобств. Можно предположить, что проблема порождения этих характерных симптомов имеет три аспекта.

Во-первых, нейтрализация представительной модели мира, центрированной на «внутреннее» начало, чьи основные условия, объекты и цели составляют символический круг значений этой центральности (смыслообразование, гармонизация, коммуникация, контроль). Вместе с этим предоставление свободы непредставительным моделям мира, по отношению к которым представительная модель начинает обретать значение «внешнего» центра, или периферии. Такое позиционирование свидетельствует о сопротивлении или открытом вызове непредставительной модели представительному видению мира и претензии установить на его месте свое миропонимание, с иными иерархиями, предпочтениями и целями. Семантически это означает *потерю места*, уничтожение представительной модели мира до значимости *пустого места*.

Во-вторых, соперничество и динамичность старых и новых структур, изменения в формах и способах расселения, взаимодействия и поддержки. С одной стороны, попытки «коренных» горожан сохранить и укрепить представительность собственного титула, заботы о повседневном существовании и безопасности, апелляции к справедливости и интересам местной культуры. С другой стороны, формирование этнических ассоциаций и структурных общин (создание полуизолированного микромира, объединенного родственно-клановыми, религиозными и производственными отношениями, с предпочтением

трудиться «у своих» и «для своих»). Фокусировка на частном интересе своей общины и ориентация на самоподдержку становятся основанием острой борьбы за выживание, за обладание и контроль городских мест (драки, «войны», убийство есть специфическая адаптация акта присвоения). Захват, как правило, происходит благодаря поддержке высокопоставленного политика или лояльности государственного служащего, или криминальных групп.

Дискомфорт и смятение, порождаемые подобным рода «по-шаговым» присвоением, ведут к тому, что горожане принимают оборонительную или незаметную, контролируруемую самодисциплиной позицию, поскольку для многих характерна жизнь с чувством страха, незащищенности и гнева (что связано с осознанием вынужденной толерантности и травмирующего подчинения). В целом культивируется безразличие, минимальное включение в общение, когда избегается даже зрительный контакт.

Эффекты политики транслокализма фиксируют ряд экстраординарных изменений: легализацию двойного или многократного гражданства, ведущего к институциональному выражению разветвленной принадлежности к различным сферам, когда страна происхождения становится источником самобытности, страна проживания – источником прав, а возникающее транснациональное пространство – ареной политических акций, сочетающих две страны или большее их число [7, с. 79]. Кроме того, не секрет, что отсутствуют гарантии справедливой правовой защиты, которые необходимы для защиты местных целей и интересов от неправовых действий маргинальных по своей сути переселенческих общин. На практике получается, что существенная часть «коренных» горожан насильственным, подписанным образом оказывается как бы в свободной, нейтральной зоне, где они вынуждены контактировать с «враждебной» стороной. Эту ситуацию, несомненно, можно характеризовать как *потерю места*, в котором люди когда-то жили с теми, кто разделял с ними представление о мире, однако с утратой которого они сами стали *пустым местом*.

В-третьих, интеграция в маргинальную культуру, изменение стиля жизни и доступных практик. Все эти явления сегодня отчетливо узнаваемы в своей осязаемой определенности, объединившей носителей дискредитирующего атрибута, или «стигмы». Это хорошо известные образы малоимущих и социально слабых слоев и индивидов: те, кто оказался в «черной дыре» социального исключения, кто потерял дом, семью, лишился работы, учебы, связал жизнь с «уличным сообществом», живет в ночлежке и т. п. Таким об-



разом, социальное измерение *потери* имеет пространственное выражение. *Потеря места* – это знак безучастия, а *пустое место* – носитель этой печальной тенденции. Однако вопрос не в том, насколько драматичный характер носит это явление, а в том, останется ли практика социального отчуждения нормой с точки зрения гуманности.

*Пустое место как чуждое место.* В этом случае предполагается включение понятия *пустое место* в привычную дифференциацию отношений к «чуждому», «чуждому», что делает сопоставление более объемным и усиливает акценты их значимости. Проблеме встречи с чужим посвящены многочисленные работы. Мы оставим в стороне обзор их результатов, а только напомним уже известное. В повседневном или общественном смысле чужим называют того, с кем не знакомы лично или кого не причисляют к своей социальной группе (по Далю: не свой, незнакомый, не нашей земли, не родня, не из нашего дома). Чуждым в культурном смысле является тот, с кем не разделяют своих убеждений и мировосприятия (по Далю: чужие нравы, обычаи; чему чуждаются или дивятся; странный, непонятный, удивительный, далекий, непричастный, сторонний).

Мы знаем, что город, наряду с естественным воспроизводством населения, всегда пополнялся извне чужаками (колонизаторами, мигрантами, бизнесменами). Также мы знаем, что люди способны относиться к городу, как временной стоянке или чуждому «здесь», куда они прибывают, чтобы «сделать деньги», а затем уезжают в свое «там», чтобы продолжать жить. Небезызвестно, что были в истории города, основанные ради одной спекуляции, где жители вели себя так, будто они не живут в них вовсе. Практически заново начинают жизнь в чужом городе те, кто раньше намеренно покинул родные места. Пожалуй, в психологическом плане во всех этих мобильностях можно увидеть движение от чувства *потери места* к мечте и надежде его (место) обрести. Такая перспектива не может быть нерадостной, хотя и относится к той разновидности иллюзий, которые помогают вытерпеть жизненные невзгоды, ведь чем сложнее жизнь, тем сильнее вера в лучшее и выносливость к страданиям. Однако нам хотелось бы выяснить: что происходит, когда идентичность тотально утратила связь с местом? что случается, если люди помещены в чуждые для них миры? Такое состояние фиксирует, на наш взгляд, три ментальных изменения.

Первое – неразумное (слепое) восхищение чужой (богатой) страной и идентификация себя с ее благоустроенными жителями. Так, вероятно, очарованные образом «Запада-рая», перерож-

дались советские интеллигенты в тотальных чужаков, когда стали отождествлять и считать себя подданными не своей страны. Вряд ли здесь можно увидеть разницу с теми иллюзорными надеждами космополитического толка, которые питают глобальную миграцию. При желании можно подтянуть эти умонастроения к российским веяниям сегодняшнего дня и увидеть больше сходства, нежели отличий. Второе – сознательный отказ от большей части собственной культуры (как чуждой) в пользу культуры чужой страны: смена имени, фамилии, места проживания, гражданства, отчуждение от традиций и истории своего народа, обида и возмущение всем тем, что наносит ущерб индивидуальной самореализации, потребность покинуть родину, чтобы жить и работать в другом обществе. Чем радикальнее становится нивелировка «своего», тем сильнее потребность возвести в себе «чужое», потому что полусознанная тяга к чему-то «лучшему» с очевидностью не находит удовлетворения в реальности собственной жизни. Вот, пожалуй, неполный список ингредиентов ставшего умонастроения тотально чужих. Третье – восприятие «своего» как чуждого, как *пустое место*. Влияние ставших носителями чужой культуры на основные институты, убеждения и образ жизни общественных масс существенно и разнообразно в методиках (фрондерство, мифотворчество, провокация, пошлый юмор, издевательский смех и т. п.). Будучи социально и культурно значимым меньшинством, они имеют возможности (чаще финансовые, но не всегда) организовать многочисленных последователей. Весь стиль общения и конечная цель этого высокоорганизованного, изощренного «захвата» – «взрыхлить» и опустошить мир представительной модели, вынудить его принять чуждые ценности как свои.

В заключение отметим, что радикальная открытость городов глобальным процессам бросает вызов ценностям и институциональным порядкам, всегда столь высоко чтимым обществом. Сосредоточивая в себе неместное, чуждое, смешанное, города самым осязаемым образом поднимают вопрос чрезвычайного уровня важности – самобытности жизни и мировосприятия местного населения. Чтобы понять это, мы попытались найти объяснение тому, как и почему городские топосы лишаются своих существенных признаков. В социальной конституции городского пространства мы обозначили и рассмотрели диапазон значений, в рамках которых *место* может быть охарактеризовано в качестве *пустого*. Семантика *пустого места* регистрирует тесную корреляцию с жизнью вне исторической и культурной памяти, с момента-



ми социального отчуждения и идентификацией с чуждой культурой. Эти симптомы – явление городское, однако не город, а человек производит *пустое место*.

### Список литературы

1. Костинский Г. Д. Установки сознания и представления о различных традициях в географии // Изв. АН СССР. Сер. Географическая. 1990. № 5. С. 126–127.

2. Филиппов А. Ф. Теоретические основания социологии пространства. М., 2003. 230 с.  
3. Миграция и национальное государство. СПб., 2004. 216 с.  
4. Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983. 277 с.  
5. Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. 336 с.  
6. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. М., 2017. 136 с.  
7. Касториано Р. Расселение, транснациональные общины и гражданство // Междунар. журн. социальных наук. 2001. № 32. С. 73–79.

### Образец для цитирования:

Филимонова О. Ф. Пустое место: голос социальной реальности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 292–297. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-292-297

### Empty Place: the Voice of Social Reality

O. F. Filimonova

Olga F. Filimonova, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77, Politekhnicheskaya Str., Saratov, 410054, Russia, filmon-2006@yandex.ru

Is it possible to be surprised that cognitive interest in the problem of space, both theoretical and practical, remains stable and even steadily grows along with changes of the ways and character of spatial relations and connections in the society. And is it not natural that this mostly contradictory process depends not only on variability of social and spatial coupling, but also on the point of view of the investigators' interest. All this opens up new ways of understanding the spatial aspect of social existence in urban conditions. The article is aimed at clarifying the meaning of the basic concept of the social theory of space – the category of space and at segregation of the problem of «empty space» as a special topic from this general conceptual field. The place as it is bears in itself the signs of the practices that exist in it, hence, our intention is to analyze how the place loses its essential attributes in the conditions of the city and can be perceived as *empty space*. It has been shown that due to the radical openness to the global processes, the cities focus in themselves something non-native, alien, mixed, thus challenging social values and institutional orders. In the framework of these events, the problem of «empty space» is considered from three interconnected semantic points: «as life in emptiness», which signals about life beyond historical and cultural memory; as «loss of space», registering correlation with social exclusion; as «an alien place» – actual identification with the world of alien culture. The

study notes that these modern urban life symptoms, in their specific expression, have converged in social reality of «empty space».

**Key words:** city, place, identity, plural local relations, alien.

### References

1. Kostinskiy G. D. Ustanovki soznaniya i predstavleniya o razlichnykh traditsiyakh v geografii [Instructions for consciousness and views of different traditions in geography]. *Izv. AN SSSR. Ser. Geograficheskaya* [Izvestiya Akad. nauk SSSR. Seriya Geograficheskaya], 1990, no. 5, pp. 126–127 (in Russian).  
2. Filippov A. F. *Teoreticheskie osnovaniya sotsiologii prostranstva* [Theoretical grounds of sociology of space]. Moscow, 2003. 230 p. (in Russian).  
3. *Migratsiya i natsionalnoe gosudarstvo* [Migration and the national state]. St. Petersburg, 2004. 216 p. (in Russian).  
4. Turner V. *Simvol i ritual* [Symbol and ritual]. Moscow, 1983. 277 p. (in Russian).  
5. Bourdieu P. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics]. Moscow, 1993. 336 p. (in Russian).  
6. Augé M. *Non-lieux, introduction à une anthropologie de la surmodernité*. Paris, 1992. 155 p. (Russ. ed.: Augé M. *Ne-mesta. Vvedenie v antropologiyu gipermoderna*. Moscow, 2017. 136 p.).  
7. Kastoriano R. Rasselenie, transnatsionalnye obshchiny i grazhdanstvo [Resettlement, transnational communities and citizenship]. *Mezhdunar. zhurn. sotsialnykh nauk* [International Social Science Journal], 2001, no. 32, pp. 73–79 (in Russian).

### Cite this article as:

Filimonova O. F. «Empty Place»: the Voice of Social Reality. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 292–297. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-292-297



## ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.2

### ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВЫЯВЛЕНИЯ СКЛОННОСТИ К ПОДЧИНЯЕМОСТИ ЛИЧНОСТИ У ДЕВУШЕК СТУДЕНЧЕСКОГО ВОЗРАСТА

Т. В. Белых, Е. Б. Князев

Белых Татьяна Викторовна, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой консультативной психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, tvbelih@mail.ru

Князев Евгений Борисович, аспирант кафедры консультативной психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, eknyaze@gmail.com

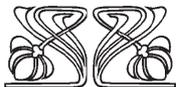
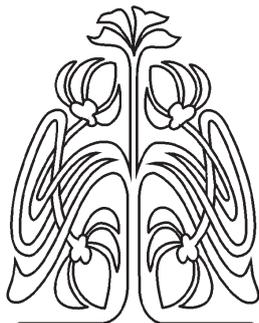
Современные условия развития нашего общества диктуют необходимость постановки новых научных задач, связанных с изучением генезиса таких социально-деструктивных проявлений личности, как: деперсонализация, повышенная внушаемость, склонность к подчинению без критической оценки значения и смысла поведения людей в ситуации межличностного взаимодействия, приводящих к подверженности личности манипулятивному воздействию отдельных лиц или групп, преследующих корыстные, противоправные или экстремистские цели. В статье приведены данные эмпирического исследования, позволившего выявить социально-когнитивные факторы проявления подчиняемости личности у девушек студенческого возраста. Наибольший вклад в сформированность социальной установки на подчиняемость в условиях межличностного взаимодействия вносят выработанный зависимый тип межличностных отношений, желание, чтобы собственное поведение контролировалось другими людьми, самообвинительный тип поведения, низкая интернальность в области межличностных отношений. На основе сравнительного анализа социально-когнитивных характеристик девушек с разными социально-психологическими установками на подчинение с помощью дискриминантного анализа построена прогностическая модель склонности личности к подчинению у девушек студенческого возраста, которая может быть использована в практике оказания психологической профилактики и коррекции подчиненного поведения у девушек в период обучения в вузе.

**Ключевые слова:** социально-психологическая установка на подчинение, зависимый/доминантный тип межличностных отношений, социально-когнитивные характеристики личности, установки в потребностно-мотивационной сфере, локус контроля.

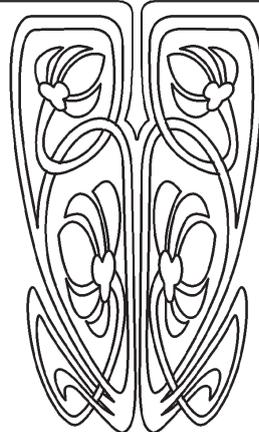
DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-298-304

#### Введение

Проблема исследования причин склонности к подчинению в условиях межличностного взаимодействия у девушек студенческого возраста является актуальной для современного этапа развития нашего общества. Это определяется рядом факторов: высокий уровень проявления насилия по отношению к женщине: «5 тыс. женщин ежегодно гибнут от побоев, нанесённых мужьями, а насилие над женщинами фиксируется в каждой четвёртой семье» [1, с. 178]; рост удельного веса преступлений, совершаемых женщинами [2]; сосуществование противоречивых моральных систем как оснований регуляции поведения, когда одновременно средствами массовой коммуникации пропагандируется стремление женщины к автономии, но при этом подкрепляется установка на достижение успеха любой



НАУЧНЫЙ  
ОТДЕЛ





ценой и любыми средствами. «О нравственном нездоровье свидетельствует увеличение масштабов проституции и секс-трафика (traffickingsex)» [3, с. 5]; наличие целенаправленного информационно-психологического воздействия на женскую часть населения как наиболее внушаемую с целью рекрутирования в деструктивные религиозные, политические и социальные организации. Указанные факторы определяют значимость научной проблемы, которая требует внимания как психологов-исследователей, так и психологов-практиков, которые могут оказывать психологическую помощь девушкам и женщинам, имеющим выраженный стереотип поведения, связанный с преобладанием установки на подчинение в условиях межличностного взаимодействия.

История изучения проблемы подчинения личности восходит к знаменитому эксперименту С. Милгрэма, детально исследовавшему данную проблему и проведшему множество вариаций своего эксперимента. Результаты исследования показали, что количество подчиняющихся приказам авторитета людей превышало 60%. При этом наиболее сильными факторами подчинения, оказывающими влияние на личность, стало ее расстояние до «жертвы», близость авторитета [4]. Не менее знаменито исследование Ч. Хоффлинга, продемонстрировавшего, что в некоторых ситуациях влияние авторитета столь велико, что, несмотря на его удаленность, люди предпочитают безусловное подчинение [5]. Важность ситуации как фактора в подчинении людей наиболее четко показано в исследовании Ф. Зимбардо, когда психически здоровые молодые люди, оказавшись в деструктивной ситуации подчинения, снимали с себя ответственность за дальнейшие свои действия, поскольку становились заложниками ситуации и присущей им в этой ситуации социальной роли [6]. Современное исследование, проведенное группой ученых из Бельгии и Великобритании с применением электроэнцефалографии, показало, что человек в ситуации подчинения не раздумывая снимает с себя ответственность вне зависимости от приказа авторитетного лица [7].

В настоящее время в контексте данной проблемы изучены: структура интегральной индивидуальности студентов, склонных к подчинению, и способы оказания им психологической поддержки [8]; типология индивидуальных стилей подчинения и способы их диагностики [9]; социально-психологические особенности доминирования–подчинения в супружеской паре [10]; психологические свойства личности с разным уровнем внушаемости [11]; «повиновение» как предмет социально-психологического исследования [12]; характеристики

социального познания у студентов с разным уровнем «доминирования–подчинения» [13].

Целью нашего исследования является построение прогностической модели актуализации подчиненного поведения на основе выявления социально-когнитивных факторов, определяющих наличие социально-психологической установки на подчинение в условиях межличностного взаимодействия у девушек студенческого возраста.

#### **Организация и методы исследования**

Для организации и проведения исследования применялись следующие методы: опросник для выявления уровня субъективного контроля Дж. Роттера в адаптации Е. Ф. Бажина, С. А. Голынкиной, А. М. Эткинды; опросник FIRO-B В. Шутца в адаптации А. А. Рукавишников; опросник социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сферы О. Ф. Потемкиной; опросник для диагностики межличностных отношений Т. Лири в адаптации Л. Н. Собчик; «Пятифакторный опросник личности» (5PFQ) в адаптации А. Б. Хромова; опросник «Авторитарный стереотип» Р. Ф. Баязитова, методика «Диагностика социального интеллекта» Дж. Гилфорда и М. Салливена в адаптации Е. С. Михайловой (Алешинной); «Тест эмоционального интеллекта» Д. В. Люсина.

В качестве методов статистической обработки данных применялись факторный анализ, выполненный методом главных компонент, после варимакс-вращения с нормализацией Кайзера, а также дискриминантный анализ, выполненный методом пошагового включения. Для выявления сходств и различий между сравниваемыми группами использовался *U*-критерий Манна–Уитни.

В исследовании приняла участие 131 студентка СГУ имени Н. Г. Чернышевского. Все респонденты были предварительно разделены на четыре группы согласно степени выраженности подчиняемости, обнаруженной в результате применения ДМО Т. Лири в адаптации Л. Н. Собчик. Проведенные в дальнейшем анализ с применением *H*-критерия Краскала–Уоллеса и попарное сравнение каждой группы между собой с применением *U*-критерия Манна–Уитни показали минимальные различия в выраженности переменных групп с высокой и экстремальной, а также с низкой и умеренной степенями выраженности подчиняемости, поэтому было принято решение об объединении респондентов с экстремальной и высокой степенями выраженности подчиняемости в группу А и, соответственно, объединении респондентов с низкой и умеренной степенями выраженности подчиняемости в группу В.



### Результаты исследования

В ходе применения факторного анализа показателей социально-когнитивных характеристик личности у девушек, вне зависимости от выраженности подчиняемости как социально-психологической установки, были получены данные (табл. 1).

Таблица 1

**Результаты факторного анализа социально-когнитивных характеристик личности у девушек вне зависимости от выраженности подчиняемости как социально-психологической установки**

Переменные	Фактор		
	1	2	3
Социальная установка на деньги	0,818		
Межличностная авторитарность	0,760		
Внутриличностный эмоциональный интеллект		0,802	
Подчиняемый тип межличностных отношений		-0,688	
Социальное верование в опасный мир			-0,744
Социальный интеллект (познание систем поведения)			0,742
<b>Дисперсия, %</b>	<b>23,3</b>	<b>20,2</b>	<b>19,4</b>

Анализ данных табл. 1 позволяет говорить, что социально-когнитивные характеристики у девушек были сгруппированы таким образом, что наличие сформированного социального интеллекта снижает вероятность актуализации убеждения личности в опасности окружающего мира. Наличие сформированного внутриличностного эмоционального интеллекта, проявляющегося в способности к пониманию собственных эмоций и управлению ими, препятствует актуализации подчиненного типа межличностных отношений. Проявление авторитарности в межличностных взаимоотношениях связано с преобладанием стремления к увеличению своего благосостояния, т. е. в исследуемой выборке девушек взаимосвязь представлений и установок в потребностно-мотивационной сфере отражает комплекс актуализируемых и имплицитных социально-когнитивных характеристик, определяющих функциональные, проявляющиеся в поведении особенности личности, с учетом выраженности установки на подчиняемость/неподчиняемость в ситуации межличностного взаимодействия.

Для того чтобы выявить отличия в группировке социально-когнитивных показателей у

девушек с разной выраженностью установки на подчинение, был проведен факторный анализ в группах А и В. Рассмотрим данные факторного анализа в группе А (табл. 2).

Таблица 2

**Результаты факторного анализа социально-когнитивных характеристик личности у девушек с высоким уровнем выраженности подчиняемости как социально-психологической установки (группа А)**

Переменные	Фактор		
	1	2	3
Социальная установка на деньги	0,882		
Межличностная авторитарность	0,838		
Самокритика – самодостаточность		0,798	
Подчиняемый тип межличностных отношений		0,760	
Социальный интеллект (познание систем поведения)			0,789
Социальное верование в опасный мир			-0,637
<b>Дисперсия, %</b>	<b>25,4</b>	<b>21,5</b>	<b>19,9</b>

Как видно из табл. 2, девушки, воспринимающие себя как подчиняемую личность, склонны актуализировать зависимый тип межличностных отношений, при этом, как правило, занижают самооценку, предъявляя к себе высокий уровень требований. Они переживают угрызения совести из-за своих поступков в прошлом, часто неудовлетворены своей работой и склонны обвинять себя в неудачах, преувеличивая свои ошибки; часто критикуют себя за свои поступки и пытаются переделать себя в лучшую сторону; обидчивы и мнительны; долго переживают свои неудачи; способны испытывать глубокое чувство привязанности к своим близким (согласно интерпретации шкалы «Самокритика – самодостаточность» пятифакторного личностного опросника ТЕСТ 5FPQ). Остальные шкалы, входящие в выделенные факторы по содержанию, не отличаются от аналогичных в общей выборке девушек, демонстрируя устойчивую тенденцию к выявленным взаимосвязям, что может отражать особенности данной возрастной группы: наличие выраженной установки на достижение материального благосостояния при актуализации авторитарного стереотипа поведения и восприятие окружающего мира как более предсказуемого и менее хаотичного при выраженной способности понимать логику развития ситуаций взаимодействия и значение поведения людей в этих ситуациях.



Рассмотрим данные факторного анализа в группе девушек с низким уровнем выраженности подчиняемости как социально-психологической установки (группа В) (табл. 3).

Таблица 3

**Результаты факторного анализа социально-когнитивных характеристик личности у девушек с низким уровнем выраженности подчиняемости как социально-психологической установки (группа В)**

Переменные	Фактор		
	1	2	3
Подчиняемый тип межличностных отношений	-0,836		
Межличностная авторитарность	0,676		
Социальный интеллект (познание систем поведения)		0,770	
Социальное верование в опасный мир		-0,721	
Интернальность в области межличностных отношений			-0,858
Социальная установка на деньги			0,681
<b>Дисперсия, %</b>	<b>23,4</b>	<b>21,8</b>	<b>21,4</b>

Как видно из табл. 3, наибольшие различия в структурировании социально-когнитивных характеристик, в отличие от общей выборки девушек, обнаруживаются в этой группе. Девушки, воспринимающие себя как не склонных к подчинению, демонстрируют увеличение авторитарного стереотипа поведения в сочетании с отсутствием подчиняемости в межличностном взаимодействии. При этом способность понимать значение и смысл поведения других людей (показатель выраженности социального интеллекта), как и во всех сравниваемых группах, связан с изменением представлений о мире, в котором они живут: он воспринимается как более предсказуемый, а ситуация взаимодействия людей в нем как более позитивная. Для девушек этой группы оказалась

актуальной взаимосвязь, определяющая характер проявления установки в потребностно-мотивационной сфере и интернальности, а именно – при уменьшении способности брать ответственность за происходящие события в межличностном взаимодействии усиливается влияние установки на материальное благосостояние.

Указанные взаимосвязи выявленных показателей в трех сравниваемых выборках раскрывают особенности имплицитной картины мира и выработанные стереотипы поведения при реализации межличностного взаимодействия у девушек с разными установками на подчинение.

Для того чтобы выявить вклад наиболее статистически значимых переменных в дифференциацию социально-когнитивных характеристик, связанных с подчиняемостью/неподчиняемостью как социально-психологической установки, был проведен дискриминантный анализ данных. Проведенный с помощью программы Statistical Package for the Social Sciences (ver. 23) дискриминантный анализ позволил выделить наиболее информативные переменные разделения по группам и построить прогностическую модель склонности личности к подчинению у девушек студенческого возраста.

Дискриминантный анализ выполнен методом пошагового включения, позволяющим определить последовательный вклад переменных в дискриминирующую функцию (табл. 4, 5, 6). Построенная каноническая линейная дискриминантная функция (КЛДФ) обладает достаточно высокими показателями собственного значения (0,963), оцениваемого по критерию  $\chi^2$  (83,625) со степенью свободы (10) и значимостью ниже 0,05, что говорит об обнаруженном вкладе переменных как значимом. Каноническая корреляция демонстрирует показатель = 0,700, объясненная дисперсия составляет 100%. Построенная КЛДФ верно классифицирует 86,3% объектов (см. табл. 4).

Таблица 4

#### Результаты классификации

Группа	Точность	А	В
		Апр. = 0,534	Апр. = 0,466
Высокая и экстремальная степень выраженности подчиняемости (А)	85,7%	60	8
Низкая и умеренная степень выраженности подчиняемости (В)	86,9%	10	53
Всего	86,3%	70	61

Примечание. Апр. – априорная вероятность.

Информативность переменных и ее оценка для двух групп анализа представлены в табл. 5.

Из табл. 5 видно, что все переменные являются информативными признаками группирования объектов с уровнями значимости

ниже 0,01. Стандартизированные (нормированные) коэффициенты представлены в табл. 6.

Представленные данные показывают, что наиболее весомый вклад в функцию вносит для переменных группы А – шестой октант теста



Таблица 5

**Независимые вклады переменных в дискриминацию между выборками с различной степенью выраженности подчиняемости (N = 131)**

№	Переменные	$\lambda$ -Уилкса	F-включения	p
X1	Доминирование – подчинение	0,741	45,190	<0,01
X2	Зависимый тип отношений	0,646	35,115	<0,01
X3	Требуемое поведение в области «контроля»	0,607	27,442	<0,01
X4	Интернальность в области производственных отношений	0,576	23,147	<0,01
X5	Социальная установка на свободу	0,556	19,958	<0,01
X6	Выраженное поведение в области «контроля»	0,543	17,411	<0,01
X7	Любопытство – консерватизм	0,530	15,580	<0,01
X8	Напряженность – расслабленность	0,521	14,016	<0,01
X9	Самокритика – самодостаточность	0,515	12,670	<0,01
X10	Интернальность в области межличностных отношений	0,509	11,554	<0,01

Таблица 6

**Коэффициенты канонической линейной дискриминантной функции (нестандартизованные и стандартизованные)**

№	Переменные	K	K <sub>ст</sub>
X1	Доминирование – подчинение	0,210	0,484
X2	Зависимый тип отношений	-0,141	-0,358
X3	Требуемое поведение в области «контроля»	-0,242	-0,352
X4	Интернальность в области производственных отношений	0,183	0,324
X5	Социальная установка на свободу	0,191	0,318
X6	Выраженное поведение в области «контроля»	0,113	0,262
X7	Любопытство – консерватизм	0,102	0,267
X8	Напряженность – расслабленность	0,082	0,227
X9	Самокритика – самодостаточность	-0,090	-0,213
X10	Интернальность в области межличностных отношений	-0,107	-0,170
Константа		-3,379	
Собственное значение		0,963	

Примечание. K – нестандартизованные коэффициенты, K<sub>ст</sub> – стандартизованные коэффициенты.

Т. Лири, отражающий представление студенток этой группы о самих себе как о личностях, склонных к зависимому типу межличностных отношений, а для группы В – шкала «доминирование – подчинение», демонстрирующая представление студенток о самих себе как о личностях, склонных к доминированию.

В группе А (с высокой и экстремальной выраженностью установки к подчинению) более высокие, по сравнению с группой В, показатели переменных для зависимого типа отношений (X2), требуемого поведения в области «контроля» (X3), самокритики (X9) и низкие показатели интернальности в области межличностных отно-

шений (X10). В группе В (с низкой и умеренной выраженностью установки к подчинению) более высокие, по сравнению с группой А, показатели доминирования (X1), интернальности в области производственных отношений (X4), социальной установки на свободу (X5), выраженного поведения в области «контроля» (X6), любопытства (X7) и, наоборот, более низкие показатели напряженности (X8).

В табл. 5 представлены нестандартизованные коэффициенты для модели. Поскольку мы анализировали две группы, то будет построена одна дискриминантная модель, прогнозирующая отношение объекта к одной из двух групп подчинения:



$$D = -3,379 - 0,210 * X_1 + 0,141 * X_2 + 0,242 * X_3 - \\ - 0,183 * X_4 - 0,191 * X_5 - 0,113 * X_6 - 0,102 * X_7 - \\ - 0,082 * X_8 + 0,090 * X_9 + 0,107 * X_{10},$$

где  $X_1$ – $X_{10}$  переменные (см. табл. 5, 6).

Таким образом, при увеличении выраженности показателей по переменным  $X_2$ ,  $X_3$ ,  $X_9$  и  $X_{10}$ , которые относятся к группе А, существенно повышается риск включения субъекта в группу с высокой и экстремальной степенью выраженности подчиняемости, а при их снижении повышаются показатели  $X_1$ ,  $X_4$  –  $X_8$  и уменьшается вероятность включения субъекта в группу А.

### Обсуждение результатов и выводы

Выявленная дискриминантная модель позволяет осуществлять прогнозирование возможности актуализации подчиненного поведения в условиях межличностного взаимодействия у девушек на основе анализа совокупности социально-когнитивных характеристик личности. Для студенток с высокой и экстремальной степенью выраженности установки к подчинению характерно представление о себе как о зависимой личности. Вступая в межличностные отношения, они предпочитают предоставлять окружающим право контролировать и оказывать влияние на их жизнь, к тому же они более самокритичны по отношению к самим себе, склонны занижать свою самооценку, испытывать угрызения совести за свои поступки, преувеличивая свои ошибки. Студентки с низким и умеренным уровнями выраженности установки к подчинению, напротив, проявляют склонность к доминированию в ситуации общения, интернальность в области производственных отношений, при этом у них сформирована социальная установка на свободу, они способны осуществлять эффективный контроль поведения, имеют разносторонние интеллектуальные интересы, стремятся быть хорошо информированными в разных областях жизнедеятельности, обладают высокой самооценкой и аутосимпатией.

### Список литературы

1. Юревич А. В., Ушаков Д. В. Нравственное состояние современного российского общества // Психология нравственности / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М., 2010. С. 177–209.
2. Неустроев Е. А. Вовлечение женщин в криминальный наркотизм : криминологическая характеристика, причины, меры предупреждения : дис. ... канд. юрид. наук. Чебоксары, 2007. 273 с.
3. Варнакова Л. А. Духовно-нравственный потенциал современной российской женщины в контексте социокультурной обусловленности ее статуса и ролей: дис. ... канд. социол. наук. Н. Новгород, 2006. 183 с.
4. Milgram S. Obedience to authority : an experimental view. London, 1974. 224 p.
5. Hofling Ch., Brotzman E., Dalrymple S., Graves N., Pierce Ch. An experimental study in nurse-physician relationships // Journal of Nervous and Mental Disease. 1966. Vol. 143, iss. 2. P. 171–180.
6. Haney C., Banks W. C., Zimbardo P. G. Study of prisoners and guards in a simulated prison // Naval Research Reviews. 1973. Vol. 26, no. 9. P. 1–17.
7. Caspar E., Christensen J., Cleeremans A., Haggard P. Coercion Changes the Sense of Agency in the Human Brain // Current Biology. 2016. Vol. 26, iss. 5. P. 585–592.
8. Бердиева П. Х. Психологическая поддержка становления интегральной индивидуальности студентов, склонных к подчинению : дис. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 2008. 219 с.
9. Раскумандрина М. Е. Типология индивидуальных стилей подчинения и их диагностика : дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2005. 231 с.
10. Смирникова О. В. Социально-психологические особенности доминирования-подчинения в супружеской паре : дис. ... канд. психол. наук. М., 2005. 179 с.
11. Паков М. М. Психологические свойства личности с разным уровнем внушаемости : дис. ... канд. психол. наук. М., 2013. 147 с.
12. Еришова Р. В. «Повинуемость» как предмет социально-психологического исследования (повторение эксперимента А. Поскоцила в России) // Экспериментальная психология в России : традиции и перспективы / под ред. В. А. Барабанщикова. М., 2010. С. 803–807.
13. Князев Е. Б. Специфика интеграции характеристик социального познания в пространстве дихотомии «доминирование-подчинение» у студентов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 303–307. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-3-303-307.

### Образец для цитирования:

Белых Т. В., Князев Е. Б. Прогностическая модель выявления склонности к подчиняемости личности у девушек студенческого возраста // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 298–304. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-298-304



## Predictive Model for Identifying the Inclination to Subordinate in Girls of Student Age

T. V. Belykh, E. B. Knyazev

Tatyana V. Belykh, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, tvbelih@mail.ru

Evgeniy B. Knyazev, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, eknyaze@gmail.com

Modern conditions for the development of our society dictate the need for new scientific tasks related to the study of the genesis of such socio-destructive manifestations of the personality as: depersonalization, increased suggestibility, a tendency to subordinate without a critical assessment of the meaning and sense of people's behavior in the situation of interpersonal interaction, leading to the susceptibility of the person to manipulative the impact of individuals or groups pursuing mercenary, unlawful or extremist purposes. The article presents the data of an empirical study that made it possible to reveal the socio-cognitive factors of the manifestation of the subordination of the personality in girls of student age. The greatest contribution to the formation of a social attitude toward subordination in the conditions of interpersonal interaction is made by the developed dependent type of interpersonal relations, the desire to control one's own behavior by other people, a self-incriminating type of behavior, low internality in the field of interpersonal relations. Based on a comparative analysis of the socio-cognitive characteristics of girls with different socio-psychological attitudes to submission, a prognostic model of the propensity of the individual to subordinate to girls of student age was constructed using discriminant analysis, which can be used in the practice of providing psychological prevention and correcting the subordinate behavior in girls in the period of study at the university.

**Key words:** socio-psychological orientation to subordination, dependent/dominant type of interpersonal relations, social-cognitive characteristics of the individual, attitudes in the need-motivational sphere, the locus of control.

### Reference

1. Yurevich A. V., Ushakov D. V. Nравstvennoye sostoyaniye sovremennogo rossiyskogo obshchestva [The moral condition of modern Russian society]. In: *Psikhologiya npravstvennosti* [Psychology of morality]. Eds. A. L. Zhuravlev, A. V. Yurevich. Moscow, 2010, pp. 177–209 (in Russian).
2. Neustroev E. A. *Vovlechenie zhenshchin v kriminalnyy narkotizm: kriminologicheskaya kharakteristika, prichiny, mery preduprezhdeniya* [Involving women in criminal narcotics: criminological characteristics, causes, prevention measures]. Dis. Cand. Sci. (Jur.). Cheboksary, 2007. 273 p. (in Russian).
3. Varnakova L. A. *Dukhovno-nravstvennyy potentsial sovremennoy rossiyskoy zhenshchiny v kontekste sotsiokulturnoy obuslovlennosti ee statusa i roley* [Spiritual and moral potential of the modern Russian woman in the context of the sociocultural conditionality of her status and roles]. Dis. Cand. Sci. (Soc.). N. Novgorod, 2006. 183 p. (in Russian).
4. Milgram S. *Obedience to authority: an experimental view*. London, 1974. 224 p.
5. Hofling Ch., Brotzman E., Dalrymple S., Graves N., Pierce Ch. An experimental study in nurse-physician relationships. *Journal of Nervous and Mental Disease*, 1966, vol. 143, iss. 2, pp. 171–180.
6. Haney C., Banks W. C., Zimbardo P. G. Study of prisoners and guards in a simulated prison. *Naval Research Reviews*, 1973, vol. 26, no. 9, pp. 1–17.
7. Caspar E., Christensen J., Cleeremans A., Haggard P. Coercion Changes the Sense of Agency in the Human Brain. *Current Biology*, 2016, vol. 26, iss. 5, pp. 585–592.
8. Berdieva P. Kh. *Psikhologicheskaya podderzhka stanovleniya integralnoy individualnosti studentov, sklonnykh k podchineniyu* [Psychological support for the emergence of the integral individuality of students inclined to submission]. Dis. Cand. Sci. (Psychol.). Stavropol', 2008. 219 p. (in Russian).
9. Raskumandrina M. E. *Tipologiya individualnykh stiley podchineniya i ikh diagnostika* [Typology of individual submission styles and their diagnostics]. Dis. Cand. Sci. (Psychol.). Yaroslavl', 2005. 231 p. (in Russian).
10. Smirnikova O.V. *Sotsialno-psikhologicheskie osobennosti dominirovaniya-podchineniya v supruzheskoy pare* [Socio-psychological features of domination-subordination in a married couple]. Dis. Cand. Sci. (Psychol.). Moscow, 2005. 179 p. (in Russian).
11. Pakov M.M. *Psikhologicheskie svoystva lichnosti s raznym urovnem vnushaemosti* [Psychological traits of a person with varying levels of suggestibility]. Dis. Cand. Sci. (Psychol.). Moscow, 2013. 147 p. (in Russian).
12. Ershova R.V. «Povinuemost» kak predmet sotsialno-psikhologicheskogo issledovaniya (povtorenie eksperimenta A. Poskotsila v Rossii). In: *Eksperimentalnaya psikhologiya v Rossii: traditsii i perspektivy* [Experimental psychology in Russia: traditions and perspectives]. Ed. by V. A. Barabanshchikov. Moscow, 2010, pp. 803–807 (in Russian).
13. Knyazev E. B. Spetsifika integratsii kharakteristik sotsialnogo poznaniya v prostranstve dikhotomii «dominirovanie-podchinenie» u studentov [Specifics of integration of characteristics of social cognition in dichotomy space «domination–obedience» of students]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 303–307. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-3-303-307 (in Russian).

### Cite this article as:

Belykh T. V., Knyazev E. B. Predictive Model for Identifying the Inclination to Subordinate in Girls of Student Age. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 298–304. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-298-304



УДК 316.37

## ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДИСКРИМИНАЦИОННЫХ УСТАНОВОК ЛИЧНОСТИ В ПОВЕДЕНИИ



М. В. Григорьева

Григорьева Марина Владимировна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогической психологии и психодиагностики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, grigoryevamv@mail.ru

Представлены результаты теоретического анализа проблемы соотношения дискриминационных установок личности и поведения. Актуальность темы обусловлена социальным заказом выявления детерминант дискриминационного поведения личности, создающего социальное напряжение. Проанализированы направления исследований дискриминационных установок в отечественной и зарубежной психологии, показано, что в настоящее время акцент исследователей смещен с дискриминационных установок по этническому и гендерному признакам на дискриминацию по внешнему виду, возрасту, наличию ограниченных возможностей здоровья. Выявлены условия ограничения реализации дискриминационных установок в поведении: отсутствие согласованности эмоциональных и когнитивных составляющих установок; контролирующие воздействия при низкой внутренней мотивации и информирующие воздействия при высокой мотивации в социальных контактах; ситуационные факторы, одновременно включающие дискриминационные и недискриминационные цели социальных контактов; осознание предубеждений, лежащих в основе дискриминационных установок, и рефлексия их рациональных причин. Определено, что поведенческий компонент дискриминационных установок проявляется в двух планах: ментальном – как часть упрощенной схемы, в которую помимо схемы поведения включены стереотипные представления и аффективные составляющие, и реальном – как реализуемые в действительности действия и поведенческие акты. Показано, что дискриминационные установки реализуются в поведении, если ситуация или потенциальный дискриминируемый представляют угрозу для адаптации личности; фактором, запускающим дискриминационные установки в поведении, является факт «проникновения» представителя другой группы в привычное социальное пространство личности. Сделан вывод о недостаточной изученности соотношения самооценки поведения на основе преобладающего типа взаимоотношения с социальным окружением, стратегии выхода из конфликтной ситуации с ним и дискриминационного поведения. **Ключевые слова:** дискриминационные установки, дискриминационное поведение, личность, предубеждения, условия и факторы дискриминационного поведения.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-305-310

Проблема дискриминации является одной из актуальных в современной психологии. Предубеждения личности против какой-либо социальной группы и ее конкретных представителей, лежащие в основе дискриминационных

установок, с одной стороны, распространенный феномен сознания современного человека, с другой стороны, его истоки лежат в сфере бессознательного как результата автоматизации и обобщения жизненного опыта личности.

Помогая индивиду в ситуациях неопределенности или недостатка информации при взаимодействии с другими людьми и выступая в виде шаблонов восприятия и стереотипов реагирования на определенные визуальные, аудиальные, обонятельные и другие сигналы, эти стереотипные установки могут уменьшить время ответных реакций. Но одновременно дискриминационные установки направлены на сознательное или бессознательное ограничение активности дискриминируемого, связаны с негативными эмоциями и эмоциональным напряжением, в конечном итоге не способствуют продуктивному социальному взаимодействию. В то же время дискриминационные установки личности, как и всякий продукт сознания конкретного человека, не всегда реализуются в поведении, а если и реализуются, то опосредованы многочисленными внутренними и ситуационными факторами.

Дискриминационное поведение изучалось и изучается в основном в связи с общими закономерностями реализации дискриминационных установок в социальном поведении [1, 2], с этническими [3, 4], политическими, расовыми и религиозными [5, 6, с. 9] различиями. Однако социально-экономические изменения в современном обществе и ряд законодательных актов несколько снизили актуальность данной проблематики. Современные исследователи обратились к изучению дискриминационного поведения, связанного с предубеждениями по половому или гендерному признаку [7, 8], в отношении возраста [9, 10], внешнего вида [11], мигрантов [12, 13]; ограничения возможностей здоровья [14], зависимостей [15], профессиональной [16, 17] и субкультурной [18, 19] принадлежности, при изучении личности жертвы и преступника при связными заседателями [20] и т. д.

Перед современной психологией в условиях повышения многообразия, динамизма и информационной насыщенности социального взаимодействия стоит задача выявления содержательных



характеристик дискриминационных установок, детерминант их формирования, пусковых механизмов реализации в поведении, соотношения определенных дискриминационных установок и стратегий социального поведения.

Целью данного исследования является теоретический анализ обозначенных выше проблем. Соотношение дискриминационных установок и поведения является частью более общей проблемы внутренней детерминации внешней активности личности и определяется общими закономерностями соотношения внутреннего и внешнего в поведении человека. Дискриминационные установки – это всегда межгрупповые установки. Они имеют когнитивные, аффективные и поведенческие составляющие [2]. Когда когнитивные и эмоциональные составляющие установки не согласуются друг с другом, поведение лучше прогнозируется по той из них, которая наиболее сильно с ним связана [21].

Поведенческий компонент дискриминационных установок проявляется в двух планах: ментальном – как часть упрощенной схемы, в которую помимо схемы поведения включены стереотипные представления и аффективные составляющие, в самом общем виде проявляющиеся, скорее, в антипатиях, и реальном – как реализуемые в действительности действия и поведенческие акты. Ментальные схемы поведения и реальное дискриминационное поведение могут быть более или менее согласованы между собой. Однако в реализуемое в действительности поведение включаются и ситуационные факторы, наполняющие его контекстным содержанием и вариативностью. Эти факторы не обязательно связаны с причинами и сигнальными маркерами актуализации дискриминационных установок. Отсюда следует, что внешняя реализация дискриминационных установок в поведении довольно сложна и связана с детерминацией социального поведения всем комплексом общекультурных, социальных и личностных факторов. Это, с одной стороны, затрудняет вычленение ментального поведенческого компонента дискриминационных установок, с другой стороны, является системным основанием снижения вероятности их реализации в реальном поведении.

Поведение людей детерминируется не только наличными свойствами стимула, но и «семантическими аспектами образов, в которых слитно дано то, что есть, и то, что нужно человеку, но реально отсутствует в данное время» [22, с. 153]. Внутренняя активность зарождается в ответ на дефицит информации и является «акцией разрешения противоречия» между потребностями индивида и его отношением к внешним сигналам [22, с. 153]. Формируемая мотивация поведения

оформляется в намерение развернуть активность вовне в процессе постоянного соотношения наличного потребностного состояния индивида и изменяющегося или статичного значения стимула либо ситуации для личности.

Отношение личности, имеющей предубеждение и дискриминационные установки, связано, прежде всего, с отношениями к социальным явлениям и окружению. Преобладающий тип отношения к социальному окружению на основе характеристик по критериям доминирование – подчинение и дружелюбие – агрессивность [23] может включать или не включать дискриминационные установки. Исследователи связывают дискриминационное поведение обычно с негативными аффективными явлениями и когнитивными упрощенными схемами, сформированными на основе прошлого опыта личности, но соотношение самооценки поведения, в том числе и стереотипного, на основе преобладающего типа взаимоотношения с социальным окружением и реального поведения изучено недостаточно. В психологии нет однозначного ответа на вопрос о соотношении доминирования, агрессии и реальной реализации дискриминационных установок.

Внешняя реализация дискриминационных установок в поведении изначально потенциально конфликтна, поскольку связана с противоречивыми и разнонаправленными мотивами контактирующих субъектов. Возможно, общие стратегии выхода из конфликтных ситуаций, предпочитаемые личностью, могут способствовать снижению дискриминационного поведения одного участника социального взаимодействия или создать целенаправленно организованные со стороны другого участника условия для нивелирования дискриминационного воздействия. Обозначенные выше проблемы соотношения дискриминационных установок личности и типов ее межличностного взаимоотношения и стратегий выхода из конфликтной ситуации требуют прояснения и эмпирического подтверждения.

Установки изучались в основном представителями когнитивных теорий и концепций. По теории когнитивного диссонанса Л. Фестингера, ситуации, не согласующиеся с установками личности, могут изменять эти установки, и наоборот, согласующиеся укрепляют их [24]. В этой связи возможна коррекция дискриминационных установок личности через создание условий, вызывающих значительный когнитивный диссонанс с предубеждениями личности в отношении представителей определенной социальной группы. С точки зрения представителей теории когнитивной оценки, стимулы и ситуация при этом могут быть контролирующими или информирующими [25]. Контролирующие стимулы задают определенное



поведение, их воздействие тем больше, чем в меньшей степени поведение человека обусловлено внутренними мотивами. Информационные стимулы позволяют выбрать и включить новую информацию о воспринимаемом в содержание сознания и, в последующем, в установки личности. В этой связи возможна коррекция дискриминационных установок личности благодаря условиям, предоставляющим многообразную социально позитивную информацию о потенциальных дискриминируемых. Однако согласно теории самодетерминации и концепции когнитивной оценки человек при этом должен находиться в состоянии внутренней мотивации, т. е. быть мотивированным на социальное поведение [25]. Безразличие и незаинтересованность в социальных контактах с потенциальными дискриминируемыми, отсутствие внутренней мотивации к взаимодействию с ними делают информирующие воздействия неэффективными, при этом возрастает позитивная роль контролирующих воздействий [25].

Согласно другому представителю когнитивной психологии, Р. Аткинсону, установки личности, в том числе и дискриминационные, лучше предсказывают поведение, если они прочные и систематически проявляются в поведении, основаны на реальном опыте личности и осознаваемые в результате рефлексии или самоконтроля в ситуации объективации поведения, например, перед зеркалом или видеокамерой [26]. Начало процесса осознания предубеждений, лежащих в основе дискриминационных установок, и рефлексия их рациональных причин снижают вероятность реализации этих установок в поведении. Исследователи объясняют этот механизм тем, что осознанные, логически выведенные установки часто отличаются от истинных чувств, которые гораздо шире представлены в бессознательном [27].

Для понимания сути дискриминационных установок и пусковых механизмов реализации их в поведении важен подход, рассматривающий установку как оценку личностью или социальной группой адаптивной значимости окружающих людей и происходящих событий, в которые включены другие люди, отличающиеся по тем или признакам [28]. Таким образом, дискриминационные установки скорее будут развернуты в поведении, если ситуация или потенциальный дискриминируемый представляют угрозу для адаптации личности. При этом, как было показано выше, эта адаптация должна оцениваться личностью как значимая, необходимая и внутренне детерминируемая. И наоборот, если окружающие имеют для личности определенную адаптивную значимость, то, даже несмотря на их отличия от индивида по каким-либо признакам или принадлежности к аутгруппе, дискримина-

ционные установки будут менее аффективно и мотивационно напряженными и с меньшей долей вероятности реализованными в поведении.

Немаловажным фактором, запускающим дискриминационные установки в поведении, является сам факт «проникновения» представителя другой группы в привычное социальное пространство личности. Причем именно новизна этого «проникновения» вызывает поначалу негативное отторжение и желание ограничить активность проникающего. Если это проникновение дополняется наличием заметных различий во внешнем виде и поведении проникающего, низкой мотивацией или негативным прошлым опытом взаимодействия с представителями этой группы, защитными механизмами и т. п., то дискриминационные установки укрепляются и легче реализуются в поведении.

Обобщая вышесказанное, можно заключить следующее.

1. Поведенческий компонент дискриминационных установок проявляется в двух планах: ментальном – как часть упрощенной схемы, в которую помимо схемы поведения включены стереотипные представления и аффективные составляющие, и реальном – как реализуемые в действительности действия и поведенческие акты.

2. Безразличие и незаинтересованность в социальных контактах с потенциальными дискриминируемыми, отсутствие внутренней мотивации к взаимодействию с ними делают информирующие воздействия неэффективными, при этом возрастает позитивная роль контролирующих воздействий.

3. Начало процесса осознания предубеждений, лежащих в основе дискриминационных установок, и рефлексия их рациональных причин снижают вероятность реализации этих установок в поведении.

4. Дискриминационные установки скорее будут развернуты в поведении, если ситуация или потенциальный дискриминируемый представляют угрозу для адаптации личности.

5. Исследователи связывают дискриминационное поведение с негативными аффективными явлениями и когнитивными упрощенными схемами, но соотношение самооценки поведения на основе преобладающего типа взаимоотношения с социальным окружением, стратегии выхода из конфликтной ситуации с ними и реального поведения изучено недостаточно.

#### **Благодарности и финансирование**

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-013-00094 А).*



## Список литературы

1. *Знаков В. В.* Когнитивное и аффективное бессознательное в понимании чужого как врага // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2014. № 1. С. 3–15.
2. *Нельсон Т.* Психология предубеждений. Секреты шаблонов мышления, восприятия и поведения. СПб., 2003. 384 с.
3. *Борозенец И. В.* Этнические стереотипы как фиксированная форма поведения // Современные тенденции развития науки и технологий : периодический науч. сб. По материалам междунар. науч. конф. (Белгород, 30 июня 2016 г.). 2016. № 6–7. С. 26–30.
4. *Лабунская В. А., Погонцева Д. В.* Визуальные технологии в изучении отношения к дискриминационному поведению в ситуациях этнического взаимодействия // Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании – 2017. Академический мир в междисциплинарных практиках : материалы второй ежегодной Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 22–24 июня 2017 г.): в 3 т. Ростов н/Д ; Таганрог, 2017. Т. 2, ч. 2. С. 260–272.
5. *Карнышев А. Д.* Предвзятость и самомнение как факторы манипулирования санкциям в контексте установок Запада и Востока // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. 2015. Т. 12. С. 115–128.
6. *Милова Ю. В.* Преодоление ксенофобии // Universum : психология и образование : междунар. науч. журн. 2014. № 2 (3). URL: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/959> (дата обращения: 20.03.2018).
7. *Козлов В. В.* Гендерные предубеждения как предмет социальной психологии // Человеческий фактор : Социальный психолог. 2016. № 2 (32). С. 5–17.
8. *Некрасова Ю. В.* Негативное влияние гендерных стереотипов в обществе // Экономика и социум. 2016. № 6 (25). С. 271–275.
9. *Арстангалиева З. Ж., Чернышкова Е. В., Андриянов С. В., Масляков В. В.* Факторы риска здоровьесбережения российских пенсионеров // Фундаментальные исследования. 2015. № 1, ч. 5. С. 896–900.
10. *Горфан Я. Ю.* Предубеждения в отношении пожилых людей как фактор их виктимизации // Психологическая наука и образование. 2012. № 2. С. 20–30.
11. *Костригин А. А.* Вопросы психологии восприятия и самовосприятия людей с татуировками (по материалам зарубежных исследований с 2012 по 2017 гг.) // Перспективы психологической науки и практики : сб. ст. междунар. конф. (Москва, 16 июня 2017 г.). М., 2017. С. 486–489.
12. *Григорьев Д. С.* Дискриминация мигрантов в социально-экономической сфере : роль межгрупповых установок принимающего населения // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8, № 3. С. 63–84.
13. *Дмитриев А. В.* Стереотипизация мигрантов как социальная проблема // Власть. 2014. № 11. С. 26–30.
14. *Смирнова Ю. С., Вакулик А. М.* Аттitudes подростков в отношении инвалидов // Вопр. психического здоровья детей и подростков. 2017. № 4 (17). С. 41–49.
15. *Ерофеева П. А.* Стигматизация алкогольной и наркотической зависимости : параметры и последствия // Журн. исследований социальной политики. 2016. Т. 14, № 3. С. 377–392.
16. *Бугаева И. О., Клоктунова Н. А., Кулигин А. В., Магомедова М. С., Дзукаев Г. Н., Соловьева В. А.* Стереотипы восприятия медицинских профессий // Саратов. науч.-мед. журн. 2016. Т. 12, № 4. С. 602–605.
17. *Степанов Р. И., Кашаева А. Е.* Использование методов рационально-эмоциональной поведенческой терапии в процессе преодоления стереотипов у сотрудников полиции // Правоохранительные органы : теория и практика. 2017. № 1. С. 97–99.
18. *Гизулина А. В., Дихорь В. А.* Психологические аспекты восприятия футбольных фанатов // Психологическая теория и практика – управлению. Екатеринбург, 2015. С. 33–37.
19. *Петрова Е. А., Эррера Л. М.* Психологические аспекты изучения личности и имиджа представителей молодежных субкультур // Учен. зап. Рос. гос. соц. ун-та. 2010. № 6. С. 210–214.
20. *Бармаишова Т. И.* Социальная установка в правовой сфере // Наука и образование : опыт, проблемы, перспективы развития : материалы междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Ч. 1. Образование : опыт, проблемы, перспективы развития. Красноярск, 2016. С. 441–444.
21. *Tesser A., Millar M.* The effects of affective-cognitive consistency and thought on the attitude-behavior relation // Journal of Experimental Social Psychology. 1989. Vol. 25, iss. 2. P. 189–202. DOI: 10.1016/0022-1031(89)90012-7
22. *Феизов Э. З., Милухин К. В.* Внутренняя детерминация человеческой поведенческой активности // Вестн. Чуваш. ун-та. 2003. № 1. С. 152–158.
23. *Тест межличностных отношений Т. Лири* // Психологос. Энциклопедия практической психологии. URL: [www.psychologos.ru/articles/view/test-mezhlichnostnyh-otnosheniy-liri](http://www.psychologos.ru/articles/view/test-mezhlichnostnyh-otnosheniy-liri) (дата обращения: 20.03.2018).
24. *Фестингер Л.* Когнитивный диссонанс. Самара, 2001. 169 с.
25. *Deci E. L., Ryan R. M.* Self-determination theory : A macrotheory of human motivation, development and health // Canadian Psychology. 2008. Vol. 49. P. 182–185.
26. *Аткинсон Р. Л., Аткинсон Р. С., Смит Э. Е., Бем Д. Дж., Нолен-Хоксема С.* Введение в психологию. СПб., 2003. 672 с.
27. *Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р.* Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. 5-е изд. СПб., 2004. 560 с.
28. *Смит Н.* Современные системы психологии. СПб., 2003. 384 с.

## Образец для цитирования:

*Григорьева М. В.* Теоретический анализ проблемы реализации дискриминационных установок личности в поведении // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 305–310. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-305-310



## Theoretical Analysis of the Problem of Realization of Discriminatory Attitudes of the Person in Behavior

M. V. Grigoryeva

Marina V. Grigoryeva, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, grigoryevamv@mail.ru

The results of a theoretical analysis of the problem of the correlation between discriminatory attitudes of personality and behavior are presented. The relevance of the topic is determined by the social order of revealing the determinants of discriminatory behavior of the individual creating social tension. The directions of studies of discriminatory attitudes in domestic and foreign psychology are analyzed, it is shown that at present the researchers' emphasis is shifted from discriminatory attitudes on ethnic and gender grounds to discrimination in appearance, age, and limited health opportunities. The conditions for restricting the implementation of discriminatory attitudes in behavior are revealed: the lack of coherence of emotional and cognitive components of attitudes; controlling effects with low internal motivation and informing influences with high motivation in social contacts; situational factors, which simultaneously include discriminatory and non-discriminatory goals of social contacts; awareness of the prejudices underlying discriminatory attitudes, and the reflection of their rational causes. It is determined that the behavioral component of discriminatory attitudes is manifested in two planes: the mental one as part of a simplified scheme in which besides stereotyped patterns, stereotyped ideas and affective components are included, and real ones as actual actions and behavioral acts. It is shown that discriminatory attitudes are realized in behavior if the situation or potential discriminated person pose a threat to the adaptation of the individual; factor triggering discriminatory attitudes in behavior is the fact of "penetration" of a representative of another group into the habitual social space of the individual. It is concluded that the correlation of the self-assessment of behavior on the basis of the prevailing type of relationship with the social environment, the strategies for resolving the conflict situation with them, and discriminatory behavior are insufficiently studied.

**Key words:** discriminatory attitudes, discriminatory behavior, personality, prejudices, conditions and factors of discriminatory behavior.

**Acknowledgment:** *This work was supported of the Russian Foundation for Basic Research (project no. 18-013-00094 A).*

### References

1. Znakov V. V. Kognitivnoe i affektivnoe bessoznatelnoe v ponimani chuzhogo kak vruga [Cognitive and affective unconscious in understanding someone else as an enemy]. *Vestn. Moskovskogo un-ta. Ser. 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 2014, no. 1, pp. 3–15 (in Russian).
2. Nelson T. *Psikhologiya predubezhdeniy. Sekrety shablonov myshleniya vospriyatiya i povedeniya* [Psychology of prejudice. Secrets of patterns of thinking, perception and behavior]. St. Petersburg, 2003. 384 p. (in Russian).
3. Borozenets I. V. Ehtnicheskie stereotipy kak fiksirovannaya forma povedeniya [Ethnic stereotypes as a fixed form of behavior]. In: *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii: periodicheskiy nauch. sb. po materialam XV mezhdunar. nauch. konf. [Modern trends in the development of science and technology: periodic scientific. sat. Based on the materials of the XVth International conference. sci. conf. {Belgorod, 30 June 2016}]*, 2016, no. 6–7, pp. 26–30 (in Russian).
4. Labunskaya V. A. Pogontseva D. V. Vizualnye tekhnologii v izuchenii otnosheniya k diskriminatsionnomu povedeniyu v situatsiyah etnicheskogo vzaimodeystviya [Visual technologies in the study of the attitude to discriminatory behavior in situations of ethnic interaction]. *Mezhdistsiplinarnost v sovremenno-m sotsialno-gumanitarnom znanii – 2017. Akademicheskii mir v mezhdistsiplinarnykh praktikakh: materialy vtoroy ezhegodnoy Vseros. nauch. konf.: v 3 t.* [Interdisciplinarity in the modern humanities and social sciences – 2017. Academic world in interdisciplinary practices: Proceedings of the second annual all-russian scientific conference: in 3 vols. {Rostov-on-Don, June 22–24, 2017}]. Rostov-on-Don, Taganrog, 2017, vol. 2, part 2, pp. 260–272 (in Russian).
5. Karnyshev A. D. Predvzyatost i samomnenie kak faktory manipulirovaniya sanktsiyami v kontekste ustanovok Zapada i Vostoka [Bias and self-conceit as factors of manipulation of sanctions in the context of attitudes of the West and the East]. *Izv. Irkutsk. gos. un-ta. Ser. Politologiya. Religiovedenie* [The Bulletin of Irkutsk State University. Ser. Political science. Religious Studies], 2015, vol. 12, pp. 115–128 (in Russian).
6. Milova Yu. V. Preodolenie ksenofobii (Overcoming xenophobia). *Universum: Psikhologiya i obrazovanie: mezhdunar. nauchn. zhurn.* (Universum: Psychology and Education: international scientific journal), 2014, no. 2 (3). Available at: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/959> (accessed 20 March 2018) (in Russian).
7. Kozlov V. V. Gendernye predubezhdeniya kak predmet sotsialnoy psikhologii [Gender bias as a subject of social psychology]. *Chelovecheskiy faktor. Sotsialnyy psikholog* [Human factor. Social psychologist], 2016, no. 2 (32), pp. 5–17 (in Russian).
8. Nekrasova Yu. V. Negativnoe vliyanie gendernykh stereotipov v obshchestve [The negative impact of gender stereotypes in society]. *Ekonomika i sotsium* [Economics and society], 2016, no. 6 (25), pp. 271–275 (in Russian).
9. Arstangalieva Z. Zh., Chernyshkova E. V., Andriyanov S. V., Maslyakov V. V. Faktory riska zdorovesberezheniya rossiyskikh pensionerov [Risk factors for the health of Russian pensioners]. *Fundamentalnye issledovaniya* [Fundamental research], 2015, no. 1, part 5, pp. 896–900 (in Russian).
10. Gorfan Ya. Yu. Predubezhdeniya v otnoshenii pozhilykh lyudey kak faktor ikh viktimizatsii [Prejudices against older people as a factor in their victimization]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2012, no. 2, pp. 20–30 (in Russian).



11. Kostrigin A. A. Voprosy psikhologii vospriyatiya i samovospriyatiya lyudey s tatuirovkami (po materialam zarubezhnyh issledovaniy s 2012 po 2017 gg.) [Questions of the psychology of perception and self-perception of people with tattoos {based on materials from foreign studies from 2012 to 2017}]. In: *Perspektivy psikhologicheskoy nauki i praktiki: sb. st. mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Prospects of psychological science and practice: Proceedings of International scientific-practical conference {Moscow, 16 June 2017}], 2017, pp. 486–489 (in Russian).
12. Grigorev D. S. Diskriminatsiya migrantov v sotsioekonomicheskoy sfere: rol mezhhruppovykh ustanovok prinimayushchego naseleniya [Discrimination of migrants in the socioeconomic sphere: the role of inter-group attitudes of the host population]. *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2017, vol. 8, no 3, pp. 63–84 (in Russian).
13. Dmitriev A. V. Stereotipizatsiya migrantov kak sotsialnaya problema [Stereotyping of migrants as a social problem]. *Vlast* [Vlast'], 2014, no. 11, pp. 26–30 (in Russian).
14. Smirnova Yu. S., Vakulik A. M. Attityudy podrostkov v otnoshenii invalidov [Attitudes of adolescents towards disabled people]. *Voprosy psikhicheskogo zdorovya detey i podrostkov* [Mental health issues of children and adolescents], 2017, no. 4 (17), pp. 41–49 (in Russian).
15. Erofeeva P. A. Stigmatizatsiya alkogolnoy i narkoticheskoy zavisimosti: parametry i posledstviya [Stigmatization of alcohol and drug dependence: parameters and consequences]. *Zhurn. issledovaniy sotsialnoy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 2016, vol. 14, no. 3, pp. 377–392 (in Russian).
16. Bugaeva I. O., Kloktunova N. A., Kuligin A. V., Mago-medova M. S., Dzukaev G. N., Soloveva V. A. Stereotipy vospriyatiya meditsinskikh professiy [Stereotypes of perception of medical professions]. *Saratov nauch.-med. zhurn.* [Saratov Journal of Medical Scientific Research], 2016, vol. 12, no. 4, pp. 602–605 (in Russian).
17. Stepanov R. I., Kashaeva A. E. Ispolzovanie metodov ratsionalno-ehmotsionalnoy povedencheskoy terapii v protsesse preodoleniya stereotipov u sotrudnikov politzii [Use of methods of rational-emotional behavioral therapy in the process of overcoming stereotypes among police officers]. *Pravoohranitelnye organy: teoriya i praktika* [Law enforcement bodies: theory and practice], 2017, no. 1, pp. 97–99 (in Russian).
18. Gizullina A. V., Dikhov V. A. Psikhologicheskie aspekty vospriyatiya futbolnykh fanatov [Psychological features of perception of football fans]. In: *Psikhologicheskaya teoriya i praktika – upravleniyu* [Psychological theory and practice – to management]. Ekaterinburg, 2015, pp. 33–37 (in Russian).
19. Petrova E. A., Errera L. M. Psikhologicheskie aspekty izucheniya lichnosti i imidzha predstaviteley molodezhnyh subkultur [Psychological aspects of studying personality and image of representatives of youth subcultures]. *Uchen. zap. Ros. gos. sots. un-ta* [RSSU Proceedings], 2010, no. 6, pp. 210–214 (in Russian).
20. Barmashova T. I. Sotsialnaya ustanovka v pravovoy sfere [Social installation in the legal sphere]. In: *Nauka i obrazovanie: opyt, problemy, perspektivy razvitiya: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2 ch.* Ch. 1 [Science and education: experience, problems, development prospects: materials of international scientific-practical. Conf.: in 2 parts. Part 1. Education: experience, problems, development prospects]. Krasnoyarsk, 2016, pp. 441–444 (in Russian).
21. Tesser A., Millar M. The effects of affective-cognitive consistency and thought on the attitude-behavior relation. *Journal of Experimental Social Psychology*, 1989, vol. 25, iss. 2, pp. 189–202. DOI: 10.1016/0022-1031(89)90012-7
22. Feizov E. Z., Milyukhin K. V. Vnutrennyaya determinatsiya chelovecheskoy povedencheskoy aktivnosti [Internal determination of human behavioral activity]. *Vestn. Chuvash. un-ta* [Bulletin of the Chuvash University], 2003, no. 1, pp. 152–158 (in Russian).
23. Test mezhlchnostnykh otnosheniy T. Liri (Test of interpersonal relations T.Liri). In: *Psihologos: Entsiklopediya prakticheskoy psikhologii* (Psychologos: Encyclopedia of Practical Psychology). Available at: [www.psychologos.ru/articles/view/test-mezhlchnostnykh-otnosheniy-liri](http://www.psychologos.ru/articles/view/test-mezhlchnostnykh-otnosheniy-liri) (accessed 20 March 2018) (in Russian).
24. Festinger L. *A theory of cognitive dissonance*. Stanford, 1962. 277 p. Available at: [https://books.google.ru/books?id=vocQ-8CASacC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs\\_ge\\_summary\\_r&cad=0#v=onepage&q&f=false](https://books.google.ru/books?id=vocQ-8CASacC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false) (Russ. ed.: Festinger L. *Kognitivnyy dissonans*. Samara, 2001. 169 p.).
25. Deci E. L., Ryan R. M. Self-determination theory. A macrotheory of human motivation development and health. *Canadian Psychology*, 2008, vol. 49, pp. 182–185.
26. Atkinson R. L., Atkinson R. S., Smit E. E., Bem D. J., Nolen-Khoeksema S. *Vvedenie v psikhologiyu* [Introduction to Psychology]. St. Petersburg, 2003. 672 p. (in Russian).
27. Aronson E., Wilson T., Akert R. *Sotsialnaya psikhologiya. Psikhologicheskie zakony povedeniya cheloveka v sotsiume*. 5rd. [Social Psychology. Psychological laws of human behavior in society. 5 ed.]. St. Petersburg, 2004. 560 p. (in Russian).
28. Smit N. *Sovremennye sistemy psikhologii* [Modern systems of psychology]. St. Petersburg, 2003. 384 p. (in Russian).

---

**Cite this article as:**

Grigoryeva M. V. Theoretical Analysis of the Problem of Realization of Discriminatory Attitudes of the Person in Behavior. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 305–310. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-305-310

---



УДК 316.6:159.923

## СОДЕРЖАТЕЛЬНО-СМЫСЛОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СТУДЕНТОВ О НАДЕЖДЕ

Т. Ю. Фадеева



Фадеева Татьяна Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра социальной психологии образования и развития, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Fadej\_TU@rambler.ru

Цель описываемого в статье эмпирического исследования состояла в выявлении особенностей восприятия надежды студентами с разным уровнем диспозиционной надежды. В исследовании приняли участие 73 человека, средний возраст которых 19 лет; применялся психодиагностический инструментарий: семантический дифференциал (ДО) Ч. Осгуда; «Шкала надежды» Р. Снайдера, адаптированная К. Муздыбаевым с последующим применением метода семантических универсалий и факторного анализа. Предположительно, в целом надежда воспринимается студентами как психологический ресурс, имеет позитивную коннотацию и может быть наделена характеристиками пассивности. Показано, что семантические пространства надежды студентов и с низким, и с высоким уровнями диспозиционной надежды отражают как положительное, так и отрицательное эмоциональное отношения к данному феномену. В факторную структуру представлений о надежде студентов с высоким уровнем диспозиционной надежды входят факторы, отражающие представления о ней как хаотичной и пассивной. Факторная структура представлений о надежде студентов с низким уровнем диспозиционной надежды содержит факторы, характеризующие ее как внутреннюю силу, которая упорядочивает и вызывает положительные эмоции, при этом надежда в данной группе предстает напряженной и пассивной. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть использован в дальнейших исследованиях в области позитивной психологии.

**Ключевые слова:** надежда, обыденное сознание, семантический дифференциал, семантическая универсалия.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-311-318

### К постановке проблемы

Надежда, как отмечают исследователи, входит в структуру оптимистического сознания личности [1–3] и выступает одним из регуляторов поведения человека в стрессовых или угрожающих его жизни ситуациях [4–6]. Актуальным является изучение понимания феномена надежды у представителей молодежи, так как проблема надежды приобретает все большую социальную значимость в контексте происходящих в обществе изменений.

Феномен надежды является сложным объектом для эмпирического исследования, поэтому обращение к субъективному опыту респондентов, который раскрывается в представлениях о надежде, дает новые возможности понимания

феномена надежды и его операционализации. Сегодня в фокусе социально-психологического анализа оказываются представления о таких феноменах позитивной психологии личности, как счастье [7], любовь и удовлетворенность жизнью [8], нравственное самоопределение [9]. При этом изучению представлений о надежде в отечественной психологической науке посвящены единичные работы [4, 10].

Большей частью надежда является предметом исследования культурологии и лингвистики [11, 12]. Например, Е. А. Мошина, исследовав структуру концепта «надежда» на основе анализа произведений классической литературы (XVII–XX вв.), отмечает, что первоначальное значение концепта «надежда» – «надежда-опора» до сих пор остается продуктивным в современной культуре, но наблюдается и расширение семантики. У концепта «надежда» появляется новое значение «упование (ожидание, вера в осуществление)». В русской языковой картине мира надежда отличается характеристиками неустойчивого характера (робкая, тихая, неуверенная, суеверная, серьезная, легкомысленная, ветреная, буйная, дерзкая), вместе с тем имеют место такие характеристики, как вольнолюбие и благородство [13].

В контексте социально-психологической науки И. С. Мансурова, изучая обыденные представления о надежде, выделила два вида надежды: «эмоциональная» и «рациональная» [10]. В представлениях первого вида она дает силы человеку, помогает не терять самообладания в любой ситуации, не отчаиваться и не разочаровываться в жизни при столкновении с трудностями. Основное смысловое содержание «рациональной надежды» – стимул к действию, вера человека в то, что не все еще потеряно, все еще можно изменить. Человек в таких представлениях предстает субъектом деятельности [8].

С помощью кватрирования И. С. Мансуровой были определены ведущие категории представлений: описывающие функции (значимость) надежды, такие как моральная поддержка, знания и описания эмоций, чувств, состояний; объекты (сферы) надежды: значимые Другие и представления, связанные с удовлетворением социальных потребностей (например, в уважении); конкретизация «объекта» надежды, а также представления



о надежде с позитивной валентностью [10]. Однако автор уточняет, что респонденты не всегда положительно оценивают роль надежды в жизни человека, встречаются как пессимистичные, так и амбивалентные представления.

В целом данные, полученные И. С. Мансуровой, согласуются с мнением В. А. Лабунской, что надежда предстает явлением, играющим важную роль в жизни человека, успокаивая его и вызывая желание жить дальше. В. А. Лабунская отмечает, что только 30% респондентов упоминают о надежде в контексте собственной преобразовательной активности, связанной с неким достижением. Исследователь подчеркивает, что треть участников исследования наделяют надежду амбивалентными функциями «иногда помогает выжить, а иногда мешает жить, увеличивает боль, когда она не сбывается» [4, с. 19].

Обобщая имеющиеся данные об обыденных представлениях о надежде, можно утверждать, что она выполняет позитивные функции, но наблюдается сдвиг в сторону «эмоциональной», «пассивной надежды», что может привести к разочарованиям и переживаниям, снижающим психологическую безопасность личности.

#### **Выборка, методики и методы исследования**

**Цель исследования:** выявить особенности восприятия надежды студентов с разным уровнем диспозиционной надежды.

В качестве респондентов выступили студенты факультета психолого-педагогического и специального образования СГУ имени Н. Г. Чернышевского (73 девушки, средний возраст 19 лет). Исследование выполнено с применением метода семантического дифференциала Ч. Осгуда [14]. Данный метод позволяет изучить семантическое пространство понятия «надежда» с помощью трех интегрирующих факторов: оценки, силы, активности, которые являются универсальными по отношению к языку, так как соответствуют выделенной В. Вундтом трехкомпонентной модели описания эмоций (удовольствие – напряжение – возбуждение).

Следует отметить, что надежда, согласно теории эмоций В. Вундта, как и любая другая эмоция (у В. Вундта аффект), рассматривается в трех измерениях: удовольствие – неудовольствие, расслабление – напряжение и спокойствие – возбуждение. Надежда – сложная объективная эмоция, направленная на внешние события, которые могут произойти только в будущем. Она сопровождается течением различных, в зависимости от ситуации, представлений и чувствований, протекает во времени и оказывает влияние на всю совокупность психических процессов. В соответствии

с теорией эмоций В. Вундта, механизм надежды можно описать следующим образом: возникает в состоянии ожидания, при этом появляется напряжение, которое вызывается внешним источником или представлением (влияет апперцепция), и сочетается с чувствами удовольствия или неудовольствия (в зависимости от ситуации), а также в различной степени с подавляющими или возбуждающими чувствами. Ожидание оканчивается заключительным чувствованием: либо переходом в более спокойное душевное настроение, либо переходом в новую эмоцию [15].

Существует альтернативная точка зрения, согласно которой причиной эмоций является восприятие конечной цели. Например, согласно концепции С. Р. Снайдера, ключевыми в содержании надежды являются когнитивные процессы, а положительные эмоции появляются в результате умозаключений, которые вселяют уверенность в достижении цели. Автор под надеждой понимает когнитивно-мотивационную модель, которая включает способность к концептуализации целей, поиск путей достижения этих целей и мотивацию двигаться по намеченному пути [3].

Выбор метода семантического дифференциала обусловлен тем, что он раскрывает коннотативное значение в единстве его смысловой и эмоциональной окраски; помогает выявить не знания об объекте, а образ, который складывается в сознании респондента, наделенный свойствами, характеризующими их взаимоотношения с субъектом, причем отражаются не только осознаваемые, но и неосознаваемые черты понятия «надежда».

Для разделения выборки на группы по степени выраженности диспозиционной надежды (высокой, средней, низкой) использовалась методика С. Р. Снайдера «Шкала надежды», адаптированная К. Муздыбаевым. Обработка показателей семантического дифференциала проводилась с помощью факторного анализа (метод главных компонент с Варимакс-вращением). Расчеты выполнялись с использованием программы SPSS 17.0.

#### **Результаты исследования и их обсуждение**

На первом этапе анализа данных были выявлены качества, являющиеся групповой семантической универсалией оценки представлений студентов о надежде. Семантическими универсалиями (совокупностями устойчивых сходных оценок выборки) [16] являются следующие дескрипторы: при 10% интервале отступа, то есть 90% уровне частоты встречаемости (диапазон размаха средних, находящийся в интервале от -1,84 до 2,07, равен 3,91): светлая



(2,07), чистая (-1,84), родная (-1,77), хорошая (1,88), добрая (1,67), любимая (-1,48), дорогая (-1,45). Данные позволяют констатировать, что семантические универсалии надежды находятся преимущественно в эмоционально-оценочном векторе. В этой выборке студентов надежда имеет позитивную коннотацию, однако в список дескрипторов не вошли прилагательные, отражающие энергетические характеристики надежды (активность – пассивность), т.е. надежда является психологическим ресурсом, однако имеет пассивный характер.

Далее выборка была разделена на группы по степени выраженности диспозиционной надежды (высокой, средней, низкой) по методике С. Р. Снайдера с помощью описательных методов (нахождение среднего значения – 23,24, стандартного отклонения – 3,65) и в группах с высоким и низким уровнями надежды были выделены семантические универсалии оценки представлений о ней.

В список дескрипторов студентов с низким уровнем надежды (20 человек) вошли следующие прилагательные (диапазон размаха средних, находящийся в интервале от - 1,89 до 1,63, равен 3,52): светлая (1,63), дорогая (- 1,89), напряженная (1,58), добрая (1,58), чистая (- 1,84), хорошая (1,42), приятная (1,42).

Семантические универсалии в группе студентов с высоким уровнем надежды (24 испытуемых) (диапазон размаха средних, находящийся в интервале от -1,96 до 2,19, равен 4,15): родная (-1,96), хорошая (2,19), светлая (2,19), жизнерадостная (-1,92), радостная (-1,69), чистая (-1,65), добрая (1,96), приятная (1,65).

Сравнивая универсалии групповой оценки понятия «надежда» у студентов с высоким и низким уровнями диспозиционной надежды, следует отметить, что по вектору «оценка» в обеих группах данный стимул включает много общих дескрипторов и имеет в целом положительную поляризацию, однако по вектору «сила» наблюдаются различия в восприятии надежды: у студентов с высоким уровнем надежды, в отличие от студентов с низким уровнем, в группу семантических универсалий входит больше дескрипторов, включенных в шкалу силы. Причем студентами с высоким уровнем диспозиционной надежды она в большей степени воспринимается как «родная, хорошая, светлая и жизнерадостная», а студентами с низким уровнем надежды – как «светлая, дорогая, приятная», но напряженная. Очевидно, что студенты, которые положительно оценивают надежду, но в состоянии ожидания чувствуют напряжение, испытывают трудности в проблем-

ных ситуациях: им сложно оперативно найти разные способы достижения цели, и они недостаточно настойчиво двигаются к ней.

Следующим шагом для выделения редуцированных структур оценки значения слова «надежда» был факторный анализ, причем дескрипторы семантического дифференциала анализировались отдельно в группах с низким и высоким уровнями диспозиционной надежды.

В первой группе на основе собственных значений было получено семифакторное решение (86% объясняемой дисперсии, подавление веса – 0,5; метод главных компонент с Варимакс-вращением) (табл. 1).

В первый фактор вошли дескрипторы (22% суммарной дисперсии): упорядоченная (0,886), хорошая (0,775), сильная (0,767), светлая (0,696), родная (0,682), чистая (0,625), радостная (0,622), острая (0,586), приятная (0,561). Наибольший вес имеет дескриптор – упорядоченная. Данный фактор отражает представления о надежде как внутреннем ресурсе, силе, помогающей упорядочить события и вызвать положительные эмоции при ожидании. Согласно образующим его переменным он был назван «упорядоченная сила».

Во второй фактор (17,7% дисперсии) вошли дескрипторы трех интегрирующих компонентов (оценка, сила, активность): гнилая (0,838), ненавистная (0,79), унылая (0,778), пассивная (0,714), противная (0,706), печальная (0,509). Пассивная надежда имеет эмоционально отрицательную оценку, так как лишает внутренней силы. Исходя из этого, можно назвать этот фактор «ненавистное бессилие».

Третий фактор (12,18%) назван нами «напряженное ожидание», поскольку включает дескрипторы: медленная (0,929), сложная (0,718), тяжелая (0,693), напряженная (0,653). В этом факторе сочетаются векторы силы и активности, наибольший вес имеет дескриптор последнего – медленная. Вполне логично, что долгое ожидание осуществления желаемого, с препятствиями к его осуществлению отнимает силы, и надежда воспринимается сложной и напряженной.

В четвертый фактор (10,21%) вошли дескрипторы оценки и силы: шершавая (0,911) и твердая (0,777). Так как надежда невозможна без препятствий на пути к осуществлению цели, этот фактор может свидетельствовать о том, что твердая, крепкая и устойчивая надежда будет вместе с тем «шероховатой и негладкой». Исходя из этого, данный фактор можно назвать «уверенность, несмотря на препятствия».

Пятый фактор (8,52%) включил в себя два дескриптора оценки и ориентировочной актив-



Таблица 1

**Факторный анализ редуцированных структур оценки значения слова «надежда»  
в группе с низким уровнем диспозиционной надежды**

Показатели (-)	1	2	3	4	5	6	7	Показатели (+)
Легкий			,693					Тяжелый
Радостный	-,622	,509						Печальный
Слабый	,767							Сильный
Плохой	,775							Хороший
Большой							,918	Маленький
Темный	,696						-,501	Светлый
Активный		,714						Пассивный
Противный	,561	-,706						Приятный
Горячий					,763			Холодный
Хаотичный	,886							Упорядоченный
Гладкий				,911				Шершавый
Простой			,718					Сложный
Расслабленный			,653					Напряженный
Влажный	,877							Сухой
Родной	-,682							Чужой
Мягкий				,777				Твердый
Дорогой								Дешевый
Быстрый			,929					Медленный
Злой					,813			Добрый
Жизнерадостный		,778						Унылый
Любимый		,790						Ненавистный
Свежий		,838						Гнилой
Умный						,855		Глупый
Острый	-,536						,520	Тупой
Чистый	-,625					,621		Грязный

Примечание. 1–7 – факторы.

ности: добрая (0,813) и холодная (0,763), который можно назвать по дескриптору, имеющему наибольший вес, – «добрая надежда». Но следует отметить, что в данном факторе добрая надежда предстает пассивной, лишенной определенного направления, не способной вести за собой.

В шестой фактор (8,01%) вошли дескрипторы силы и оценки: глупая (0,855), грязная (0,621). По высокой нагрузке дескриптора «глупая» фактор был назван «глупая надежда». Однако отметим, что глупая надежда имеет отрицательную эмоционально окрашенную характеристику – она грязная, гадкая и подлая.

Седьмой фактор (7,25%) составляют характеристики: маленькая (0,918), тупая (0,52), темная (0,501). В этом факторе наибольший вес имеет шкала – маленькая (фактор силы). Маленькая надежда оценивается как тупая (что с точки зрения ориентировочной активности, свидетельствует о ее пассивности) и темная (не предполагающая

«свет в конце тоннеля»). Исходя из этого, данный фактор можно назвать «маленькая надежда как бессилие».

В группе с высоким уровнем диспозиционной надежды на основе собственных значений также было получено семифакторное решение (76% объясняемой дисперсии, подавление веса – 0,5; метод главных компонент с Вари-макс-вращением) (табл. 2).

Первый фактор состоит из дескрипторов (17,05% суммарной дисперсии): хаотичная (0,849), слабая (0,745), маленькая (0,744), чужая (0,717), глупая (0,711), ненавистная (0,615), шершавая (0,595). Наиболее весомая шкала (варианса) – хаотичная. Этот фактор является противоположностью 1-го фактора группы с низким уровнем диспозиционной надежды, описанного выше. Он отражает представления о надежде как слабой, глупой и ненужной, чинящей препятствия и вносящей хаос при ожидании достижения цели.



Таблица 2

**Факторный анализ редуцированных структур оценки значения слова «надежда»  
в группе с высоким уровнем диспозиционной надежды**

Показатели (-)	1	2	3	4	5	6	7	Показатели (+)
Легкий					-,654			Тяжелый
Радостный		,710						Печальный
Слабый	,745							Сильный
Плохой				,762				Хороший
Большой	,744							Маленький
Темный				,882				Светлый
Активный		,871						Пассивный
Противный							,643	Приятный
Горячий					,797			Холодный
Хаотичный	-,849							Упорядоченный
Гладкий	,595	,590						Шершавый
Простой							-,603	Сложный
Расслабленный						,846		Напряженный
Влажный					,815			Сухой
Родной	,717							Чужой
Мягкий			,843					Твердый
Дорогой							,793	Дешевый
Быстрый		,570						Медленный
Злой			-,738					Добрый
Жизнерадостный						,589	-,538	Унылый
Любимый	,615					,512		Ненавистный
Свежий		,607				,519		Гнилой
Умный	,711							Глупый
Острый		,627						Тупой
Чистый			,623		,516			Грязный

Примечание. Условные обозначения см. табл. 1.

Анализ позволяет обобщить включенные в него дескрипторы как «хаотичная слабость».

Второй фактор (12,84% дисперсии) назван нами «печальное бессилие», поскольку включает такие дескрипторы, как пассивная (0,871), печальная (0,71), тупая (0,623), гнилая (0,607), шершавая (0,59), медленная (0,57). В данном факторе мы видим эмоционально отрицательную оценку пассивной надежды, которая, возможно, в этой группе сама воспринимается препятствием на пути достижения цели.

Третий фактор включает дескрипторы (10,59%): твердая (0,843), злая (0,738), грязная (0,623). По наибольшему весу дескриптора «твердая» фактор был назван «твердая надежда». Можно предположить, что сильная, твердая надежда представляется студентам с высоким уровнем диспозиционной надежды злой и грязной.

Четвертый фактор (10,11%) определяется нами как «светлая надежда» и включает такие

дескрипторы, как светлая (0,882) и хорошая (0,765). Данный фактор отражает эмоционально положительное отношение к надежде.

Пятый фактор (9,64%): сухая (0,815), холодная (0,797), легкая (0,654), грязная (0,516). Наиболее весомая шкала (варианса) – сухая, показывающая эмоционально-оценочное отношение к надежде. Также фактор включает дескрипторы силы и ориентировочной активности. В отличие от пятого фактора группы с низким уровнем диспозиционной надежды, описанного выше, который также включает прилагательное «холодная», этот подчеркивает слабость пассивной надежды. Представления данного фактора можно интерпретировать как «непродуктивность пассивной надежды», которая истощает силы и оборачивается разочарованием.

Шестой фактор (8,06%) «напряженная надежда»: напряженная (0,846), унылая (0,589), гнилая (0,519), ненавистная (0,515). Он отражает



характеристики силы, причем наиболее весомая шкала – напряженная. В отличие от третьего фактора группы с низким уровнем диспозиционной надежды, описанного выше, который также включает прилагательное «напряженная», в этой группе напряженная надежда предстает унылой, ненавистной и ненадежной, т. е. подразумевает ее беспомощность.

Седьмой фактор (7,78%) определяется нами как «недорогая простота» и включает такие дескрипторы, как дешевая (0,793), приятная (0,643), простая (0,603), жизнерадостная (0,538). В нем представлены векторы – сила и оценка; наиболее весомая шкала (варианса) – дешевая. Можно предположить, что в выборке студентов с высоким уровнем диспозиционной надежды «недорогая, простая, обыкновенная», не требующая дополнительных затрат, надежда воспринимается приятной и жизнерадостной.

Сравнивая факторную структуру представлений о надежде студентов с низким и высоким уровнями диспозиционной надежды, отметим, что более объемны и непротиворечивы факторы, на которые приходится наибольшая часть общей дисперсии. В факторной структуре представлений о надежде студентов с низким, и с высоким уровнем диспозиционной надежды представлены факторы, отражающие как положительное, так и отрицательное отношение к данному феномену. Примечательно, что студенты с высоким уровнем надежды, способные находить разные пути достижения поставленных целей, двигаясь к ним планомерно и сознательно, при общем положительном эмоциональном отношении к надежде тем не менее воспринимают ее хаотичной, беспомощной, предполагают непродуктивность пассивной надежды, считая, что она истощает силы и приводит к разочарованию. Сильная надежда – злая, жизнерадостная надежда – дешевая. Встречается и положительное отношение к надежде, однако эти факторы состоят преимущественно из эмоционально-оценочных шкал.

Студенты с низким уровнем диспозиционной надежды, неуверенные в себе, испытывающие трудности в проблемных ситуациях, которым сложно быстро найти пути достижения цели, воспринимают надежду как некую силу, которая помогает упорядочить события и вызвать положительные эмоции при ожидании. Они воспринимают маленькую надежду слабой, бессильной, а большую – как способную придать уверенность в ожидании, несмотря на препятствия, вместе с тем надежда воспринимается ими напряженной и пассивной.

## Выводы

Анализ результатов психосемантического исследования позволил сформулировать следующие выводы.

1. Надежда в целом имеет позитивную коннотацию, воспринимается студентами как психологический ресурс, но имеет пассивный характер.

2. В семантических универсалиях значений слова «надежда» у студентов с низким и высоким уровнями диспозиционной надежды по эмоционально-оценочному вектору наблюдаются положительные оценки, однако существуют различия по вектору сила: студентами с высоким уровнем диспозиционной надежды она воспринимается как жизнерадостная, а студентами с низким уровнем надежды – напряженная.

3. Семантические пространства надежды студентов с низким и высоким уровнями диспозиционной надежды отражают как положительное, так и отрицательное отношение к данному феномену, однако отличаются по своей факторной структуре.

4. В факторную структуру представлений о надежде студентов с высоким уровнем диспозиционной надежды входят факторы, отражающие как положительное эмоциональное отношение к надежде, так и отрицательное, а также представления о ней как беспомощной и пассивной.

5. Представления о надежде студентов с низким уровнем диспозиционной надежды отражают ее внутреннюю силу, которая помогает упорядочить деятельность и вызвать положительные эмоции. Однако надежду они воспринимают напряженной и пассивной.

## Список литературы

1. Муздыбаев К. Феноменология надежды // Психол. журн. 1999. № 20 (3). С. 18–27.
2. Селигман М. Э. П. Новая позитивная психология : научный взгляд на счастье и смысл жизни / пер. с англ. М., 2006. 368 с.
3. Snyder C. R., Rand K. L., Sigmon D. R. Hope theory : a member of the positive psychology family // Handbook of positive psychology / eds. C. R. Snyder, S. J. Lopez. N.Y., 2002. P. 257–347.
4. Лабунская В. А. Надежда как условие психологической безопасности личности и общества // Социальная психология и общество. 2011. № 4. С. 15–26.
5. Фадеева Т. Ю. Взаимосвязь надежды и копинг-стратегий личности // Гуманитарные основания социального прогресса : Россия и современность : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. : в 8 ч. / под ред. В. С. Белгородского, О. В. Кашеева, В. В. Зотова, И. В. Антоненко. М., 2016. Ч. 8. С. 188–192.



6. Фадеева Т. Ю. Взаимосвязь надежды и защитных механизмов личности // Конфликты в современном мире: международное, государственное и межличностное измерение : материалы V Междунар. науч. конф. (Саратов, 8 апреля 2016 г.) / отв. ред. Ю. О. Бронникова, Л. В. Мясникова, Т. Г. Фирсова. М., 2016. С. 725–730.
7. Виничук Н. В. Особенности представлений психосоматических больных о счастье // Психологические исследования. 2012. № 2 (22). С. 7. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 07.10.2017).
8. Перминова И. В. Представления о любви и удовлетворенность жизнью и браком супругов // Концепт : науч.-метод. электрон. журн. 2017. № 6. URL: <http://e-koncept.ru/2017/170133.htm> (дата обращения: 07.10.2017).
9. Бочарова Е. Е. Нравственные ориентации и субъективное благополучие молодежи разных этногрупп // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2016. Т. 5, вып. 2. С. 143–150.
10. Мансурова И. С. Особенности выраженности надежды в связи с удовлетворенностью жизнью и оценкой значимых событий : дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д., 2008. 226 с.
11. Перфильева Н. П. «Надежда» в системе модусных категорий // Вестн. Новосиб. гос. пед. ун-та. 2016. № 6. С. 201–211.
12. Балашова Е. Ю. Дискурсивный анализ метафорического сегмента концептуального поля надежда / hope в русском и английском языках // Фундаментальные исследования. 2015. № 2, ч. 10. С. 2271–2274.
13. Мошина Е. А. Сопоставительный анализ способов объективации концептов надежда и hope в русской и английской языковых картинах мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 15 с.
14. Осгуд Ч. Метод семантического дифференциала в сравнительном исследовании культур : в 2 ч. Ч. 1 / пер. М. Б. Вильковского // Социология : методология, методы и математическое моделирование (4М). 2012. № 34. С. 172–201.
15. Вундт В. Очерк психологии. СПб., 1896. 222 с.
16. Серкин В. П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики : учеб. пособие для вузов. М., 2008. 382 с.

#### Образец для цитирования:

Фадеева Т. Ю. Содержательно-смысловые характеристики представлений студентов о надежде // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 311–318. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-311-318

#### Substantial and Semantic Characteristics of Students' Ideas About Hope

T. Yu. Fadeeva

Tatyana Yu. Fadeeva, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, E-mail: Fadej\_TU@rambler.ru

The purpose of the study described in the article was to identify the characteristics of perception of hope by students with different levels of dispositional hope. The study was performed on a student sample (N=73), whose average age is 19 years with the use of the following psychodiagnostic tools: the semantic differential by C. Osgood; "Hope Scale" by R. Snyder adapted by K. Muzdybaev with the subsequent application of the method of semantic universals and factor analysis. Supposedly, in general, hope is perceived by students as a psychological resource, has positive connotation and can be endowed with characteristics of passivity. It is shown that the students' semantic spaces of hope with both low and high level of dispositional hope reflect both a positive and negative emotional attitude to this phenomenon. The factor structure of ideas about hope of students with a high level of dispositional hope includes factors that reflect the notions of it as chaotic and passive. The factor structure of ideas about hope of students with a low level of dispositional hope contains factors that characterize it as an internal force that organizes and causes positive emotions. At the same time, hope in this group appears to be tense and passive. The applied aspect of the investigated problem can be used in further studies in the field of positive psychology.

**Key words:** hope, everyday consciousness, semantic differential, semantic universals.

#### References

1. Muzdybaev K. Fenomenologiya nadezhdy [Phenomenology of hope]. *Psikhologicheskii zhurn.* [Psychological Journal], 1999, no. 20 (3), pp. 18–27 (in Russian).
2. Seligman M. E. P. *Authentic happiness: Using the new positive psychology to realize your potential for lasting fulfillment.* New York, 2002. 215 p. (Russ. ed.: Seligman M. E. P. *Novaya pozitivnaya psikhologiya: Nauchnyy vzglyad na shchaste i smysl zhizni.* Moscow, 2006. 368 p.).
3. Snyder C. R., Rand K. L., Sigmon D. R. Hope theory: a member of the positive psychology family. In: *Handbook of positive psychology.* Eds. C. R. Snyder & S. J. Lopez. New York, 2002, pp. 257–347.
4. Labunskaya V. A. Nadezhda kak usloviopsikhologicheskoy bezopasnosti lichnosti i obshchestva [Hope as a condition of psychological safety of the individual and society]. *Sotsialnaya psikhologiya i obshestvo* [Social Psychology and Society], 2011, no. 4, pp. 15–26 (in Russian).
5. Fadeeva T. Yu. Vzaimosvyaz' nadezhdy i koping-strategiy lichnosti [Interrelation of hope and coping strategies of personality]. In: *Gumanitarnye osnovaniya sotsialnogo progressa: Rossiya i sovremennost'.* sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konfi.: v 8 ch. Pod red. V. S. Belgorodskogo, O. V. Kashcheeva, V. V. Zotova, I. V. Antonenko [Humanitarian foundations of social progress: Russia and the present: a collection of articles of the International Scientific and Practical Conference: in



- 8 parts. Part 8. Eds. V. S. Belgorodskiy, O. V. Kashcheev, V. V. Zotov, I. V. Antonenko]. Moscow, 2016, pp. 188–192 (in Russian).
6. Fadeeva T. Yu. Vzaimosvyaz' nadezhdy i zashchitnykh mekhanizmov lichnosti [Interrelation of hope and personal defense mechanisms]. *Konflikty v sovremennom mire: mezhdunarodnoe, gosudarstvennoe i mezhlchnostnoe izmerenie: materialy V Mezhdunar. nauch. konfi.* (Saratov, 8 aprelya 2016 g. Otv. red. Yu. O. Bronnikovoy, L. V. Myasnikovoy, T. G. Firsovoy [Conflicts in the modern world: international, state and interpersonal dimension: materials of the V International Scientific Conference (Saratov, April 8, 2016). Eds. Yu. O. Bronnikova, L. V. Myasnikova, T. G. Firsova]. Moscow, 2016, pp. 725–730 (in Russian).
  7. Vinichuk N. V. Osobennosti predstavleniy psikhosomaticheskikh bolnykh o cshaste (Features of representations of happiness in psychosomatic patients). *Psikhologicheskie Issledovaniya* (Psychological Studies), 2012, no. 2 (22), p. 7. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed 07 November 2017) (in Russian).
  8. Perminova I. V. Predstavleniya o lyubvi i udovletvorennost zhiznyu i brakom suprugov (Ideas about love and satisfaction with life and marriage of spouses). *Kontsept: nauch.-metod. electron. zhurn.*, 2017, no. 6. Available at: <http://e-koncept.ru/2017/170133.htm> (accessed 7 October 2017) (in Russian).
  9. Bocharova E. E. Nравственные ориентации и субъективное благополучие молодежи разных этногрупп [Moral Orientation and Subjective Well-Being of Young People from Different Ethnic Groups]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2016, vol. 5, iss. 2, pp. 143–150 (in Russian).
  10. Mansurova I. S. Osobennosti vyrazhennosti nadezhdy v svyazi s udovletvorennost'yu zhizn'yu i otsenkoy *znachimyykh sobytyy* [Features an expression of hope in relation to life satisfaction and evaluation of significant events]. Dis. Cand. Sci. (Psychol.). Rostov-on-Don, 2008. 226 p. (in Russian).
  11. Perfilova N. P. «Nadezhda» v sisteme modusnykh kategoriy [Hope as a Modus Category]. *Vestn. Novosib. gos. ped. un-ta* [Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin], 2016, no. 6, pp. 201–211 (in Russian).
  12. Balashova E. Yu. Diskursivnyy analiz metaforycheskogo segmenta kontseptualnogo polya nadezhda/hope v russkom i angliyskom yazykakh [Discursive analysis of the metaphorical segment of the conceptual field of hope/hope in Russian and English]. *Fundamentalnye issledovaniya* [Fundamental Research], 2015, no. 2, part 10, pp. 2271–2274 (in Russian).
  13. Moshina E. A. *Sopostavitel'nyy analiz sposobov obektivatsii kontseptov nadezhda i hope v russkoy i angliyskoy yazykovykh kartinakh mira* [Comparative analysis of the ways of objectifying the concepts of hope and hope in Russian and English language pictures of the world]. Thesis Diss. Cand. (Philol.). Volgograd, 2006. 15 p. (in Russian).
  14. Osgood C. E. Semantic differential technijue in the comparative study of cultures. *American Antropologist*, 1964 (Jure), vol. 66, no. 3, pp. 171–200 (Russ. ed.: Osgood C. E. Metod semanticheskogo differentsiala v sravnitel'nom issledovanii ku'tur: v 2 ch. Ch. 1.). *Sotsiologiya: metodologiya, metody i matematicheskoe modelirovanie (4M)*, 2012, no. 34, pp. 172–201.
  15. Vundt B. *Ocherk psikhologii* [Essay of psychology]. St. Petersburg, 1896. 222 p. (in Russian).
  16. Serkin V. P. *Metody psikhologii sub"ektivnoy semantiki i psikhosemantiki* [Methods of psychology of subjective semantics and psychosemantics]. Moscow, 2008. 382 p. (in Russian).

---

**Cite this article as:**

Fadeeva T. Yu. Substantial and Semantic Characteristics of Students' Ideas About Hope. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 311–318. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-311-318

---



УДК 316.6: 159.923

## СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РЕВНОСТИ

А. В. Федусенко

Федусенко Алина Валерьевна, магистр, кафедра социальной психологии образования и развития, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, alinafedusenko@gmail.com

Актуальность изучения социально-психологических детерминант представлений личности о ревности не вызывает сомнений, поскольку дает более полное понимание предпосылок и основных причин ее возникновения. Ревность, являясь страстью, может быть крайне опасной: не всегда удается отличить обоснованную ревность от болезненной, беспочвенной, патологической, «бредовой». Понимание и осознание основных причин возникновения чувства ревности дает возможность упростить социальный аспект жизни человека, справиться с психологическими проблемами, наладить и сохранить отношения с партнером. Цель исследования: определить наличие связи между представлениями личности о ревности и ее социально-психологическими характеристиками (убеждениями, уверенностью в себе, удовлетворенностью жизнью и др.), что приводит к той или иной модели поведения по отношению к социальным партнерам через межличностные отношения. С целью подтверждения теоретической основы исследования были применены опросный и проективный методы эмпирического изучения. В исследовании приняли участие 64 человека обоего пола, средний возраст составил 32 года, стандартное отклонение – 4,9. В результате выделены два базовых типа представлений о ревности – как позитивного переживания и как негативного. В каждый тип вошло достаточно большое количество категорий (больше – в негативном), характеризующих ревность с различных сторон. Показано, что базовые убеждения в большей или меньшей степени накладывают отпечаток на субъективное восприятие ревности, будь то убеждение в доброжелательности окружающего мира или в контроле над происходящими событиями.

**Ключевые слова:** личность, ревность, базисные убеждения, социально-психологические установки личности, шкалы ревности, неуверенность в себе.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-319-325

### Введение

Проблема соотношения социально-психологических детерминант личности и субъективного восприятия ревности относится к числу тех, интерес к которым возрастает, поскольку чувство ревности зачастую имеет деструктивные последствия как для психики человека, ее испытывающего, так и для его партнера и их отношений, поэтому осознание истинных причин ее возникновения может сильно упростить социальный аспект жизни человека. В психологии и толковых словарях встречается ряд определений понятия «ревность»: они говорят, что ревность связана с



переживанием опасности потери ценного взаимоотношения с другим человеком и сомнениями в его верности. Но это лишь поверхностный вывод, для более глубоко и полного понимания такого явления, как «ревность», необходимо понять все его составляющие.

### Теоретический анализ проблемы

Анализ соотношения социально-психологических установок личности и ее отношения к ревности позволил выделить несколько наиболее важных, с нашей точки зрения, направлений исследования.

В зарубежной литературе понятие ревности часто сравнивают с понятием зависти, как свидетельствует обзор, данный в книге Е. П. Ильина. Он пишет, что в некоторых словарях ревность определяется как неприязненно-враждебное чувство по отношению к успехам, достоянию или популярности другого лица, а также к его самостоятельности в действиях и чувствах, что, по сути, является и определением зависти [1]. Г. Шек в своей книге «Зависть. Теория социального поведения» посвятил целую главу сравнению этих понятий, начиная от словообразования в различных языках и заканчивая особенностями этих явлений. Автор отмечает, что слово «ревнивый» изначально обозначало высокую интенсивность эмоции, в дальнейшем определение расширилось до интенсивного желания привязанности другого человека. Позднее это определение приобрело новую грань: страх потерять привязанность другого человека. Отличием этих понятий Г. Шек считает то, что основное значение «ревности» – стремление человека сохранить что-то, принадлежащее ему по праву, поэтому ревнивец остается спокойным, если осознает, что у него нет соперников. Ревнивый человек, в отличие от завистливого, часто сомневается в реальности соперника и угрозе, завистливый же всегда уверен в объекте зависти. Он преследует цель не сохранить то, что принадлежит ему, а завладеть чем-либо чужим, завистливый человек деструктивен и агрессивен. Кроме того, Г. Шек акцентирует внимание на том, что стремление большинства использовать слово «ревность» вместо слова «зависть» основывается на том, что в ревности признаться проще, чем в зависти, которая считается недостойным чувством [2].



К. Хорни разработан подход к ревности в психоаналитической традиции. Она выделяет психологические особенности личности и дисфункциональные отношения в семье в качестве основных причин возникновения ревности [3].

Относительно источников ревности мнения исследователей различаются. Н. В. Дмитриева в своей работе пишет, что важны особенности родительского воспитания. Ревнивые люди, как правило, подсознательно выбирают для себя партнеров, которые в наибольшей степени способны вызвать у них чувство ревности. Родители таких детей физически их наказывали в качестве воспитательных мер. Эти наказания остались в памяти в подростковом и взрослом периодах жизни. Психологический анализ говорит о том, что у лиц с подобными воспоминаниями детства чувство любви к родителям смешано со страхом перед наказанием, как следствие, любовь смешана с болью. Затруднение или невозможность отделить любовь от боли и от наказания оказывается перенесенной травмой детства и может иметь значение в выборе партнера, который рассматривается в качестве эквивалента одного из родителей [4, с. 59–67].

Х. Гордон отмечает, что ревность – это нормальная эмоция для человека. Ревность возникает при партнерских отношениях, будь то любовные, дружеские или семейные. Зачастую причинами ревности принято считать неуверенность в себе или заниженную самооценку, но причин возникновения ревности намного больше. В связи с тем, что ревность – распространенное явление и часто встречающаяся эмоция, можно говорить не только о ее деструктивной сути, но и о своеобразной роли в сохранении отношений. В действительности, несмотря на негативную окраску ее восприятия многими, если человек вообще не испытывает ревности и никак не проявляет ее, то можно предположить, что он не так заинтересован в данных отношениях, как хотелось бы его партнеру. Таким образом, существует тонкая грань между полезным проявлением ревности и ее деструктивной стороной. Ревность становится губительной, когда чрезмерна или искажает мышление человека, закрепляя в его сознании безосновательное убеждение в том, что у его партнера есть иные интересы и предпочтения, проще говоря, появился кто-то другой: в этом случае ревность перестает быть защитной и становится разрушительной. Ученые спорят о том, когда именно ревность выходит за рамки нормы. Психиатры называют такую форму ревности патологической, и в некоторых случаях она приводит к насилию и смерти [5, с. 24–26].

Таким образом, исследователи различных направлений демонстрируют единство: ревность – весьма распространенное явление, которое принято считать нормой в определенных ее проявлениях, однако отклонение от нее приводит к деструктивным последствиям как для ревнивца, так и для его партнера. Между тем вопрос о соотношении социально-психологических установок личности, отношении к ревности и ее проявлениям остается актуальным для понимания источников или, по крайней мере, факторов формирования этого восприятия. Цель данного исследования – изучить связь между представлениями личности о ревности и ее социально-психологическими характеристиками (убеждениями, уверенностью в себе, удовлетворенностью жизнью и др.), что приводит к той или иной модели поведения по отношению к социальным партнерам через межличностные отношения.

#### **Организация и методы исследования**

В процессе изучения представлений о ревности, основных причинах ее возникновения были применены опросный и проективный методы эмпирического исследования.

Объектами исследования были личности в возрасте от 18 до 60 лет – учащиеся вузов, программисты, банковские сотрудники, преподаватели и представители других профессий. Для исследования специально были выбраны представители разных возраста и сферы деятельности с целью проведения наиболее объективного анализа полученных результатов. Всего в исследовании приняли участие 64 человека обоего пола, средний возраст составил 32 года, стандартное отклонение – 4,9.

Вначале было проведено пилотажное исследование: всем участникам анкетирования было предложено развернуто ответить на четыре открытых вопроса (без предложенных вариантов ответа). Этот метод позволяет участнику исследования отступить от шаблонов и выйти за рамки опросника. На основании полученных данных, с помощью контент анализа были созданы шкалы ревности, которые применялись в последующем опросе. Для достижения поставленной цели были подобраны методики, с помощью которых возможен анализ субъективного восприятия явления «ревность» и ее факторов, а именно «Тест уверенности в себе В. Г. Ромека» [6, с. 87–108], «Методика исследования завистливости личности» С. Т. Бесковой [7, 8], «Шкала удовлетворенности жизнью» (ШУДЖ) Э. Динера в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. Н. Осина [9], «Шкала субъективного счастья» (ШСС) С. Любомирски в



адаптации Д. А. Леонтьева, Е. Н. Осина [9], «Методика исследования базисных убеждений личности» М. А. Падун, А. В. Котельникова [10], «Методика диагностики межличностных отношений Т. Лири» [11]. В совокупности данные методики наиболее полно и всесторонне раскрывают личностные особенности и основные жизненные ориентации. Обработка полученных данных проводилась с помощью кластерного, факторного и регрессионного анализа.

### Результаты исследования и их обсуждение

Для классификации основных определений ревности был проведен факторный анализ. После Varimax-вращения было выделено 7 факторов, описывающих 72,72% дисперсии. Первый фактор (14,14% дисперсии) включает в себя следующие определения ревности: ревность – это страх потерять человека (0,564), ревность – исключительно негативное чувство (-0,531), ревность – это проявление эгоизма (-0,610), ревность – это проявление заботы (0,823), причина ревности – беспокойство о близком человеке (0,786), любовь всегда переплетается с ревностью (0,540), ревность разрушает отношения (-0,635), ревность укрепляет отношения (0,709), ревность в ваш адрес вызывает положительные эмоции (0,654), человек может ревновать и доверять одновременно (0,506). Анализ данного фактора позволяет обобщить включенные в него переменные как «положительную интерпретацию ревности», поскольку негативные утверждения, такие как «ревность – исключительно негативное чувство», «ревность – это проявление эгоизма», «ревность разрушает отношения» отрицательно влияют на данный фактор.

Второй фактор (11,9% дисперсии) включает в себя следующие утверждения: ревность – это проявление чувства собственности по отношению к другому (0,539), ревность – это желание обладать кем-то или чем-то (0,597), причина ревности – в собственной неуверенности человека (0,656), ревность – чувство, возникающее при мнимом недостатке внимания (0,662), ревность – желание тотального контроля (0,424), намеренное поведение, вызывающее ревность (0,483). Анализ данного фактора позволяет обобщить включенные в него переменные и назвать его «ревность как желание доминировать», поскольку все переменные характеризуют эгоизм, желание контроля и подавление.

Третий фактор (11,67% дисперсии) можно определить как «ревность как неуверенность в партнере». Он включает в себя следующие утверждения: ревность – это проявление чувства собственности по отношению к другому (0,482),

ревность возникает в случае неуверенности в честности партнера (0,492), ревность не должна возникать без объективных причин (0,665), человек может ревновать и доверять одновременно (0,412), ревность – следствие ранних неудач в отношениях (-0,430). При этом неудачи в предыдущих отношениях не привязываются к нынешней неуверенности.

Четвертый фактор (9,37% дисперсии) включает в себя следующие утверждения: ревность возникает в случае неуверенности в честности партнера (0,483), ревность лишает человека свободы (-0,640), ревность – следствие ранних неудач в отношениях (0,596). Данный фактор можно определить как «отсутствие свободы выбора отношений». При этом видно, что если ревность – следствие ранних неудач в отношениях, то это дает человеку свободу выбора при построении следующих, но порождает определенную долю неуверенности в честности партнера. Фактор укрепляет уверенность в честности партнера и сокращает зависимость проявления ревности из-за ранних неудач в отношениях. Вышеуказанное говорит о том, что происходит перенос прошлого опыта на нынешние отношения вместо свободы выбора модели новых отношений.

Пятый фактор (9,03% дисперсии) можно назвать «ревность как негативное чувство»: он включает в себя утверждения: ревность – исключительно негативное чувство (0,588), ревность не должна возникать без объективных причин (0,417).

Шестой фактор (8,52% дисперсии) состоит из следующих утверждений: ревность – желание тотального контроля (0,432), любовь всегда переплетается с ревностью (0,459): он назван «ревность как контроль в любовных отношениях».

Седьмой фактор (8,1% дисперсии) можно назвать «ревность как желание контролировать действия партнера». Он включает в себя следующие утверждения: ревность – желание тотального контроля (0,449), намеренное поведение, вызывающее ревность (-0,476). При этом намеренное поведение, вызывающее ревность, воспринимается негативно.

Как видно из результатов факторного анализа, наиболее «сильный» фактор отражает в целом положительное отношение к ревности, поскольку ассоциирует ее с заботой, беспокойством за близкого человека и любовью. Между тем большая часть факторов (пять из семи) имеют негативную окраску. Поэтому можно сделать вывод, что позитивная интерпретация ревности встречается намного реже, в основном это явное или завуалированное (желание доминировать, неуверенность в себе или партнере, негативный опыт прошлого) негативное отношение к этому чувству.



Кластерный анализ позволил разделить все переменные (шкалы ревности) на две общности:

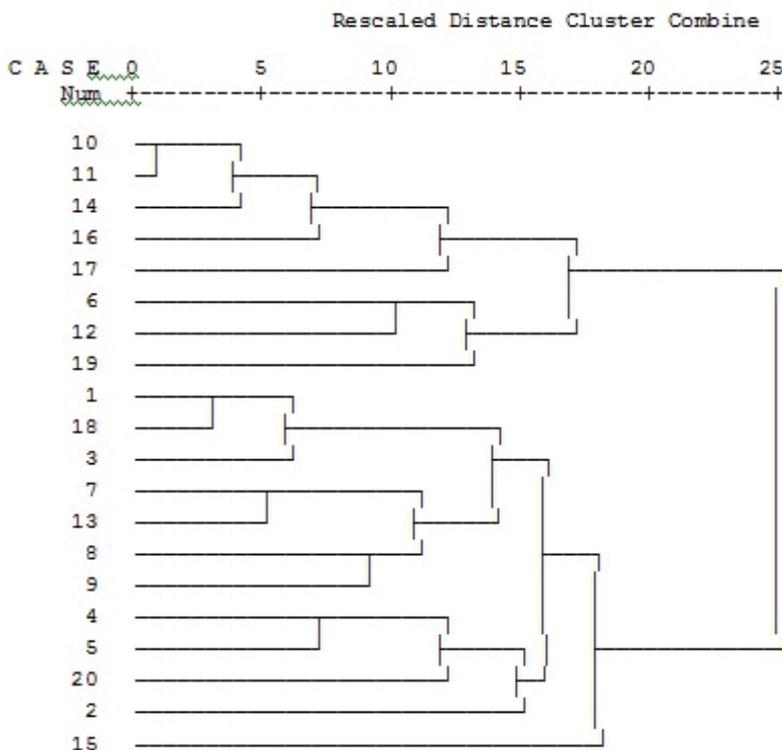
1) ревность – это проявление чувства собственности по отношению к другому; ревность не должна возникать без объективных причин; ревность – исключительно негативное чувство; ревность разрушает отношения; ревность – это проявление эгоизма; ревность – желание тотального контроля; причина ревности – в собственной неуверенности человека; ревность – чувство, возникающее при мнимом недостатке внимания; ревность – следствие ранних неудач в отношениях; ревность лишает человека свободы; ревность – это желание обладать кем-то или чем-то; ревность возникает в случае неуверенности в честности партнера;

2) ревность – это проявление заботы; причина ревности – беспокойство о близком человеке;

ревность укрепляет отношения; ревность в ваш адрес вызывает положительные эмоции; вы намеренно ведете себя так, чтобы вас ревновали (намеренное поведение, вызывающее ревность); ревность – это страх потерять человека; любовь всегда переплетается с ревностью; человек может ревновать и доверять одновременно.

В целом шкалы делятся на группы отрицательного отношения к явлению ревности и положительного. Данный вывод сделан на основании того, что к первой группе относятся утверждения, содержащие такие понятия, как «контроль», «беспокойство», «неуверенность», «разрушение», «неудачи», в то время как во второй группе преобладают противоположные понятия: «укрепление», «забота», «любовь», «доверие» (рисунок).

\* H I E R A R C H I C A L C L U S T E R A N A L Y S I S \* Dendrogram using  
Average Linkage (Between Groups)



Результаты кластерного анализа

Регрессионный анализ данных позволил установить ряд обусловленностей представлений о ревности социально-психологическими установками личности. Точка зрения, что ревность – это проявление чувства собственности по отношению к другому, обусловлена убеждением в доброжелательности окружающего мира ( $\beta = 0,392$ ); ( $R^2 = 0,15$ ;  $F = 11,28$ ;  $p < 0,001$ ).

Вариации переменной, отражающей субъективное определение ревности как желания обладать кем-то или чем-то, обусловлены убеждением, что люди так или иначе могут контролировать происходящие с ними события ( $\beta = 2,395$ ) и величиной ежемесячного дохода ( $\beta = 2,089$ ) ( $R^2 = 0,14$ ;  $F = 4,92$ ;  $p < 0,01$ ).



Точка зрения, что ревность возникает в случае неуверенности в честности партнера, зависит от таких показателей, как убеждения индивида в относительно безопасной возможности доверять окружающему миру ( $\beta = 4,403$ ) и убеждения, что этот человек – удачливый и везучий ( $\beta = -2,413$ ). Можно сказать, что такие люди способны доверять людям, их окружающим, но им необходимо убедиться в честности партнера, не полагаясь на удачу в этом, поскольку убеждение в своей удаче негативно отражается на показателях регрессии ( $R^2 = 0,26$ ;  $F = 10,78$ ;  $p < 0,0003$ ).

Восприятие ревности как проявления эгоизма зависит от таких показателей, как убеждения индивида в относительно безопасной возможности доверять окружающему миру ( $\beta = 3,159$ ) в том, что он удачливый и везучий человек ( $\beta = -2,702$ ), и размера заработной платы. ( $\beta = 2,583$ ) ( $R^2 = 0,28$ ;  $F = 7,9$ ;  $p < 0,0001$ ). Эти люди могут доверять окружающим, но должны убедиться в честности партнера, не надеясь на удачу, поскольку убеждение в своей удаче негативно отражается на показателях регрессии.

Представление о ревности как о проявлении эгоизма обусловлено убеждением в доброжелательности окружающего мира ( $\beta = 4,085$ ) и такими личностными характеристиками, как инициативность и предприимчивость в социальных взаимодействиях ( $\beta = 2,939$ ) ( $R^2 = 0,32$ ;  $F = 14,48$ ;  $p < 0,0001$ ). Подобные люди привыкли контролировать свою жизнь, они доверяют, но берут инициативу в свои руки и стараются всегда контролировать происходящее вокруг себя.

Подверженность представлениям о любви как явлении, сопряженном с ревностью, детерминирована влиянием убеждения о справедливом распределении удач и несчастий ( $\beta = 2,763$ ) и размером ежемесячного дохода ( $\beta = -2,980$ ) ( $R^2 = 0,28$ ;  $F = 11,56$ ;  $p < 0,0001$ ). Эта зависимость показывает, что мир для таких людей не черно-белый, а все события – это сочетания противоположных и схожих между собой явлений, но размер ежемесячного дохода подрывает этот показатель.

Точка зрения, что ревность укрепляет отношения, обусловлена убеждениями индивида в справедливом распределении удач и несчастий ( $\beta = 4,073$ ), в доброжелательности окружающего мира ( $\beta = -2,291$ ) и такими личностными характеристиками, как инициативность и предприимчивость в социальных взаимодействиях ( $\beta = 2,491$ ) ( $R^2 = 0,32$ ;  $F = 9,3$ ;  $p < 0,0001$ ). При этом убеждение в доброжелательности окружающего мира отрицательно влияет на данные регрессии.

Представление о том, что ревность укрепляет отношения, обусловлено такими показателями, как чувства озлобленности, гнева, раздражения,

направленные на кого-то, кто добился большего ( $\beta = 4,139$ ), и возраст участников опроса ( $\beta = -2,015$ ) ( $R^2 = 0,3$ ;  $F = 13,3$ ;  $p < 0,0001$ ). Такая зависимость говорит о том, что завистливые озлобленные люди специально ведут себя вызывающе, пытаясь добиться проявления ревности, чтобы показать это окружающим и вызвать ответную реакцию, однако с возрастом эта потребность притупляется.

Определение ревности в качестве следствия ранних неудач в отношениях зависит от таких показателей, как базисное убеждение в ценности и значимости собственного «Я» ( $\beta = 3,292$ ) и пол участников опроса ( $\beta = 2,215$ ) ( $R^2 = 0,22$ ;  $F = 8,44$ ;  $p < 0,001$ ). Такая зависимость показывает, что данное убеждение присуще по большей части мужчинам, которые не хотят повторения неудач.

Из данных регрессионного анализа следует отметить наиболее часто встречающуюся обусловленность представлений о ревности желанием тотального контроля, эгоизмом и желанием обладать кем-либо или чем-либо, убеждениями в доброжелательности окружающего мира, безопасной возможности доверять окружающему миру. Наблюдается связь между представлениями о ревности и доходом, что может служить показателем уверенности в себе.

В полученных результатах не обнаружено связи представлений о ревности с семейным положением, религиозными убеждениями, социальной смелостью участников опроса. Также отсутствует связь представления о ревности с уверенностью в себе в чистом виде.

### Заключение

По результатам проведенной работы можно сделать вывод, что научные представления о ревности связаны с идеологией отдельных школ и направлений: если в психоанализе источником ревности являются некие психофизиологические механизмы, то в когнитивных направлениях – межличностные отношения, складывающиеся в различные периоды жизни.

Субъективные представления о ревности тесно взаимосвязаны с социально-психологическими установками и базовыми убеждениями личности. В детском возрасте начинает формироваться большинство социально-психологических установок личности и задается вектор этого формирования, поэтому многие ученые уделяли детству особое внимание. Помимо этого периода жизни основополагающие эмоциональные и когнитивные аспекты проявления ревности находят свое место в базисных убеждениях и при анализе модели межличностных отношений человека.



Исходя из анализа результатов эмпирического исследования социально-психологических детерминант представлений о ревности, можно сделать вывод, что базовые убеждения в большей или меньшей степени накладывают отпечаток на субъективное восприятие ревности, будь то убеждение в доброжелательности окружающего мира или в контроле. Следует отметить наиболее часто встречающуюся обусловленность представлений о ревности желанием тотального контроля, эгоизмом и желанием обладать кем-либо или чем-либо, убеждениями в доброжелательности окружающего мира – безопасной возможности доверять окружающему миру. Кроме того, представления о ревности обусловлены убеждениями индивида в принципах справедливого распределения удач и несчастий, инициативностью и предприимчивостью личности в социальных взаимодействиях, убеждениями в везении и удачливости и тем, что люди так или иначе могут контролировать происходящие с ними события.

#### Список литературы

1. Ильин Е. П. Психология любви. СПб., 2016. 336 с.
2. Шек Г. Зависть : теория социального поведения / пер. с англ. В. Кошкина ; под ред. Ю. Кузнецова. М., 2008. 544 с.
3. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. М., 1993. 480 с.
4. Дмитриева Н. В. Причины возникновения и психотерапия ревности // Актуальные проблемы психологии личности : сб. ст. по матер. II междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Новосибирск, 2010. Ч. I. С. 59–67.
5. Гордон Х. Что такое ревность? // Живая психология. 2014. Т. 1, № 3. С. 24–26. DOI: 10.18334/tp.1.3368
6. Ромек В. Г. Тесты уверенности в себе // Практическая психодиагностика и психологическое консультирование. Ростов н/Д, 1998. С. 87–108.
7. Бескова Т. В. Зависть и ревность : критерии сходства и различия понятий // Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей : материалы II Всерос. науч.-практ. (заочной) конф. / под ред. М. С. Волохонской, А. В. Микляевой. М., 2012. С. 58–65.
8. Бескова Т. В. Методика исследования завистливости личности // Вопр. психологии. 2012. № 2. С. 127–142.
9. Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия : материалы III Всерос. социологического конгресса. М., 2008. С. 30–35.
10. Падун М. А., Котельникова А. В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психол. журн. 2008. Т. 29, № 4. С. 98–106.
11. Собчик Л. Н. Методы психологической диагностики. Вып. 3. Диагностика межличностных отношений. Модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т. Лири : метод. руководство. М., 1990. 48 с.

#### Образец для цитирования:

Федусенко А. В. Социально-психологические детерминанты представлений о ревности // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 319–325. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-319-325

#### Social and Psychological Determinants of the Representations about Jealousy

##### A. V. Fedusenko

Alina V. Fedusenko, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, alinafedusenko@gmail.com

The urgency of studying the social and psychological determinants of personality representations about jealousy is beyond doubt, since it gives the most complete understanding of the prerequisites and the main causes of jealousy. Jealousy, being a passion, can be extremely dangerous. It is not always possible to distinguish the so-called “normal”, grounded jealousy from morbid, groundless, pathological, “delirious” jealousy. Understanding and perception of the main reasons for the emergence of a sense of jealousy makes it possible to simplify the social aspect of a person’s life, cope with psychological problems, establish and maintain relationships with a partner. The purpose of the research: to determine the existence of a connection between the person’s ideas about jealousy and its social and psychological characteristics (beliefs,

self-confidence, life satisfaction, etc.), which consequently entails a certain pattern of behavior towards social partners through the type of interpersonal relations. In order to confirm the theoretical basis of the research, a survey and projective methods of empirical research were used. A total of 64 people of both sexes took part in the study. The average age was 32 years. The standard deviation is 4.9. As a result of the research, two basic types of ideas about jealousy are singled out – as a positive experience and as a negative experience. Each type included a fairly large number of categories (more categories in a negative type), characterizing jealousy from its different sides. It is shown that the basic beliefs, to a greater or lesser extent, leave their mark on the subjective perception of jealousy, whether it is a belief in the goodwill of the surrounding world or beliefs about control.

**Key words:** personality, jealousy, basic beliefs, socio-psychological attitudes of the individual, scales of jealousy, self-doubt.

#### References

1. Ilyin E. P. *Psikhologiya lyubvi* [Psychology of love]. St. Petersburg, 2016. 336 p. (in Russian).



2. Schoeck H. *Envy a theory of social behaviour*. New York, 1969. 408 p. (Russ. ed.: Schoek H. *Zavist: teoriya sotsialnogo povedeniya*. Trans. from English V. Koshkin, Ed. by Yu. Kuznetsova. Moscow, 2008. 544 p.).
3. Horney K. *The neurotic personality of our time*. New York, 1937. 299 p. (Russ. ed.: Horney K. *Nevroticheskaya lichnost nashego vremeni*. Moscow, 1993. 480 p.).
4. Dmitrieva N. V. Prichiny vozniknoveniya i psikhoterapiya revnosti. *Aktualnye problemy psikhologii lichnosti*: sb. st. po mater. II mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2 ch. Ch. I [Actual problems of personality psychology: collection of articles on materials II Intern. scientific-practical. conf.: in 2 parts]. Novosibirsk, 2010, part I, pp. 58–66 (in Russian).
5. Gordon H. Chto takoe revnost? [What is jealousy?]. *Zhivaya psikhologiya* [Living Psychology], 2014, vol. 1, no. 3, pp. 24–26. DOI: 10.18334/lp.1.3.368
6. Romek V. G. Testy uverenosti v sebe [Tests of self-confidence]. In: *Prakticheskaya psikhodiagnostika i psikhologicheskoe konsultirovanie* [Practical psychodiagnostics and psychological counseling]. Rostov-on-Don, 1998, pp. 87–108 (in Russian).
7. Beskova T. V. Zavist i revnost: kriterii skhodstva i razlichiya ponyatiy [Envy and jealousy: criteria of similarity and differences of concepts]. *Integrativnyy podkhod k psikhologii cheloveka i sotsialnomu vzaimodeystviyu lyudey*. Materialy II Vseros. nauch.-prakt. (zaachnoy) konf. Pod red. M. S. Volokhonskoy, A. V. Miklyaevoy [Integrative approach to human psychology and social interaction of people. Proceedings of the II All-Russian scientific-practical {Extra-mural} conference. Eds. M. S. Volokhonskaya, A. V. Miklyaeva]. Moscow, 2012, pp. 58–65 (in Russian).
8. Beskova T. V. Metodika issledovaniya zavistlivosti lichnosti [Method for study of personal envy]. *Voprosy psikhologii* [Voprosy Psychologii], 2012, no. 2, pp. 127–142 (in Russian).
9. Osin E. N., Leontiev D. A. Aprobatsiya russkoyazychnykh versiy dvukh shkal ekspress-otsenki subektivnogo blagopoluchiya [Approbation of Russian-language versions of two scales of express assessment of subjective well-being]. *Materialy III vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa* [Materials of the III All-Russian sociological congress]. Moscow, 2008, pp. 30–35 (in Russian).
10. Padun M. A., Kotelnikova A. V. Metodiki issledovaniya bazisnykh ubezhdeniy lichnosti [Modification of the methodology for studying the basic beliefs of the person R. Yanoff-Bullman]. *Psikholog. zhurn.* [Psychological Journal], 2008, vol. 29, no. 4, pp. 98–106 (in Russian).
11. Sobchik L. N. *Metody psikhologicheskoy diagnostiki. Vyp 3. Diagnostika mezhlichnostnykh otnosheniy. Modifitsirovanny variant interpersonalnoy diagnostiki T. Liri: metod. rukovodstvo* [Methods of psychological diagnosis. Iss. 3. Diagnostics of interpersonal relationships. Modified version of interpersonal diagnosis T. Leary. Methodical guidance]. Moscow, 1990. 48 p. (in Russian).

**Cite this article as:**

Fedusenko A. V. Social and Psychological Determinants of the Representations about Jealousy. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 319–325. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-319-325

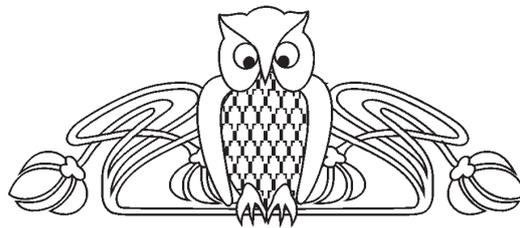


УДК 316.6

## СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРИВЕРЖЕННОСТЬ СВОЕЙ СТРАНЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА СООТНОШЕНИЯ КОНСТРУКТОВ

С. В. Фролова

Фролова Светлана Владимировна, кандидат философских наук, доцент, кафедра консультативной психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, frolovasv71@mail.ru



Возрастание мобильности и миграционных процессов в современном мире делает особенно актуальным изучение проблем приверженности человека большим устойчивым группам и территориальным общностям. До сих пор остается неизученным вопрос о соотношении конструктов приверженности своей стране и социальной идентичности, что и определило цель настоящего исследования. Проверялась гипотеза о том, что приверженность стране и актуализируемая социальная идентичность, в частности такие ее виды как гражданская и этническая идентичность, являются самостоятельными, не коррелирующими конструктами, способными вступать в различные взаимодействия между собой и принимать различные формы соотношений. Всего в исследовании приняли участие 241 человек (73 мужчины и 168 женщин), средний возраст – 22,5 года, все граждане РФ). Установлено, что показатели приверженности своей стране не связаны с актуальной гражданской и этнической идентичностью, а положительно коррелируют с удовлетворенностью своей социальной принадлежностью и желанием ее сохранения в будущем. Делается вывод, что социальная идентичность и приверженность своей стране – это самостоятельные конструкты, способные вступать между собой в различные типы отношений и описывающие разные аспекты феноменологии переживания личностью настоящего и будущего системы своих социальных связей с миром.

**Ключевые слова:** приверженность стране, социальная идентичность, гражданская идентичность, этническая идентичность.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-326-332

### Введение

Любые социальные изменения отражаются в сознании человека и восприятии себя и окружающего мира. Все эти процессы сказываются на идентичности личности, ее ценностях, предпочтениях и эмоциональных выборах больших и малых социальных групп, внутри которых человек намеревается строить свою дальнейшую жизнь. В широком смысле под социальной идентичностью понимается процесс отождествления себя с другими людьми и социальными группами [1, с. 363]. Феномен социальной идентичности приобрел особый статус в предметном поле социальной психологии, начиная с работ Г. Тэджфела и Дж. Тернера, изучавших процесс осознания индивидом принадлежности к группе [2]. В их классическом рассмотрении социальная идентичность пред-

стает как часть индивидуальной «Я-концепции», формирующаяся из восприятия индивидом себя как члена определенных социальных групп.

В современной социальной психологии социальная идентичность рассматривается как сложная многокомпонентная структура, внутри которой выделяются религиозная, этническая, профессиональная, организационная и другие ее виды [3]. Отдельные работы посвящаются изучению феноменологии различных аспектов гражданской [4, 5] и территориальной идентичности [6]. Строятся прогнозы о влиянии социальной идентичности на миграционное поведение [7]. Последние годы исследовательское внимание все больше устремляется в сторону изучения глобальной идентичности, проблемы, риски и ресурсы которой обсуждают в своих работах Н. Р. Бухан, М. Б. Бревнер, Р. К. Вильсон, Г. Грималда, Дж. Е. Кэмерон, Т. А. Нестик, Г. Риес, А. Розенманн, Е. Фатас, М. Фодди [8–10]. Отмечается, что развитие глобализации способствует детерриториализации идентичности [10] и росту миграционных тенденций.

Несмотря на высокую частоту появления конструкта социальной идентичности в качестве предмета научных исследований и большое разнообразие ракурсов в изучении его проблемного поля, до сих пор остается еще мало изученной проблема связи социальной идентичности и приверженности группе, активно исследуемая пока лишь в организационной психологии [11, 12]. С. А. Липатов и А. В. Ловаков, проанализировав обширный опыт различных точек зрения и проведя специальное эмпирическое исследование, установили концептуальные границы между организационной идентификацией и организационной приверженностью и пришли к выводу, что они являются близкими по своим значениям, но при этом самостоятельными конструктами, описывающими разную реальность [11, с. 79].

Актуальность исследования проблемы соотношения социальной идентичности и приверженности своей стране особенно возрастает



в условиях современного быстро меняющегося, культурно-мозаичного и мобильного мира. Проблема территориальной мобильности социального поведения сегодня приобретает большое значение в связи с возрастающими потоками не только вынужденной, но и суверенной эмиграции, оказывающейся объектом многочисленных исследований [13–16].

Приверженность своей стране, понимаемая нами как когнитивно-эмоциональное и конативное целостное образование, выражается, в первую очередь, в желании и намерении строить свою дальнейшую жизнь в пределах своей страны, привязанности к различным ее культурным, социальным и климато-географическим объектам, а также в субъективных представлениях, формируемых в тесной связи с эмоционально значащими переживаниями образов мира [17, с. 80–83].

По нашему мнению, приверженность социальной общности своей страны и социальная идентичность, в частности, такие ее виды, как этническая, гражданская, территориальная, являются самостоятельными понятиями, служащими описанию различной социально-психологической реальности. Целесообразность использования понятия приверженности большой устойчивой группе как отличного от понятия социальной идентичности обусловлена рядом причин. Во-первых, социальная идентичность является продуктом самосознания, сложных когнитивных процессов личности и отражает функционирование части «Я-концепции». Приверженность группе представляет собой основополагающий тип связи личности и группы, ориентированной на долгосрочную перспективу. Социальную идентичность можно понимать как восприятие человеком своего единства с группой, приверженность – как желание и готовность продолжать оставаться дальше в группе.

Во-вторых, социальная идентичность может быть как положительной, так и отрицательной; приверженность социальной общности может основываться только на положительном эмоциональном выборе – предпочтении данной группы.

В-третьих, социальная идентичность основывается на воспринимаемом сходстве и подобии индивидуальных характеристик с характеристиками членов группы; приверженность группе основывается преимущественно на совокупности характеристик и ресурсов группы, которые делают факт членства в ней привлекательным для личности. По этой причине процессы частичной деперсонализации, свойственные социальной идентичности при формировании чувства «мы», совершенно не обязательны при формировании приверженности группе.

В-четвертых, социальная идентичность – социально-психологический феномен, связанный с настоящим временем личности и легко поддающийся изменениям; приверженность группе может быть связана с прошлым, ориентирована преимущественно в будущее время жизни личности и носит устойчивый характер.

В-пятых, приверженность группе и социальная идентичность различаются по локусу направленности: социальная идентичность личности направлена на себя, приверженность группе на ее социальную общность.

В-шестых, различия в феноменологии, стоящие за разными понятиями, могут определяться ключевыми вопросами, используемыми для ее обнаружения и измерения. Такими вопросами, используемыми для обнаружения социальной идентичности, являются вопросы «Кто я?» и «Чувствую ли я себя частью данной группы?». Приверженность социальной общности или группе определяется вопросом «Хочу ли я продолжать и дальше оставаться внутри данной группы?», «Хочу ли я связать свое будущее с данной группой?».

В-седьмых, на существование различий между понятиями «приверженность стране» и «гражданская идентичность», «этническая идентичность» указывают факты возможных содержательных несовпадений в стоящей за ними феноменологии. Например, в современном мире можно считать себя русским человеком, но при этом планировать обязательный переезд на постоянное место жительства в Германию. Или, например, можно обладать глобальной идентичностью, считая себя человеком мира, не относя к какой-либо национальности, и при этом желать обязательно жить в России.

Целью нашего эмпирического исследования стал анализ соотношения гражданской и этнической идентичности с выраженностью приверженности своей стране. Проверялось предположение, что приверженность стране и актуализируемая социальная идентичность являются самостоятельными, не коррелирующими конструктами, способными вступать в различные взаимодействия между собой и принимать различные формы соотношений. Дополнительно нами проверялась гипотеза о том, что приверженность своей стране положительно взаимосвязана с таким феноменом, как совпадение желаемых и актуальных форм этнической и гражданской идентичности.

#### **Выборка и методика исследования**

В исследовании приняли участие 241 человек (73 мужчины и 168 женщин) в возрасте от 19 до 29 лет (средний возраст – 22,5 года), все граждане РФ. Для проверки гипотез использовались следу-



ющие методики: авторский опросник «Приверженность своей стране», позволяющий измерять выраженность общей приверженности стране и таких ее видов, как эмоциональная, когнитивная, социальная, экономическая, природно-климатическая, культурная [18, с. 93–97]; тест М. Куна и Т. Маркпартленда «Кто Я?», используемый для изучения содержательных характеристик идентичности личности, в том числе и для изучения структуры и особенностей социальной идентичности; структурированное психологическое интервью, направленное на выявление желаний (или его отсутствия) изменить что-либо в своей гражданской и этнической идентичности и изменить страну постоянного места жительства; методики «Типы этнической идентичности» и «Этническая аффилиация», разработанные Г. У. Солдатовой и С. В. Рыжовой [19, с. 71–76].

В связи с содержательными различиями используемых инструментов, позволяющих выявлять нюансы отнесения себя к различным социальным группам и общностям, мы попытались более четко операционализировать разные стороны изучаемого конструкта. Тест Куна и Маркпартленда «Кто Я?» предлагает испытуемому очень большую свободу для спонтанных ответов и позволяет выявлять в чистом виде осознание личностью самой себя и актуализировать значимые аспекты своего «Я», в том числе и в связи с переживанием своей принадлежности к социальным группам. Социальную идентичность, выявляемую с помощью теста Куна и Маркпартленда «Кто Я?», предоставляющего очень широкую свободу для идентификации, мы обозначили как *актуальную социальную идентичность*, следуя логике спонтанного возникновения в сознании в первую очередь субъективно значимых представлений в условиях неограниченного выбора при самоопределении.

Психологическое интервью, используемое нами в исследовании, содержало вопросы: к какой национальности себя относят испытуемые и кем бы они хотели быть по национальности; гражданство какой страны они хотели бы иметь. Этническая идентичность, определяемая специальным открытым вопросом интервью, была обозначена нами как *направленная (заданная) форма реальной этнической идентичности*. Помимо этих двух форм социальной идентичности были также выделены *желаемая этническая идентичность* и *желаемая гражданская идентичность*, которые выявлялись при помощи ряда вопросов субъективного психологического интервью.

В целях повышения достоверности получаемых данных и искренности ответов испытуемых все исследование проводилось анонимно.

Статистически-математическая обработка эмпирических данных осуществлялась при помощи программы SPSS Statistics 17.0, в качестве основных методов обработки использовались критерий корреляции Пирсона и коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

### Результаты исследования и их обсуждение

Психологическое интервью позволило установить, что однозначная (без выражаемых сомнений) приверженность своей стране без намерений надолго ее покинуть характерна для 36% выборки; приверженность стране с намерением временно пожить (более одного года) в другой стране встречается у 37,6% опрошенных.

Актуализация этнической и гражданской идентичности в ходе проведения теста Куна и Маркпартленда «Кто Я?» обнаружена лишь у небольшой части выборки – у 17,5 и 13,5% соответственно. Поскольку данный тест предполагает свободное и спонтанное продуцирование ответов, отражающих осознание испытуемыми себя «в чистом виде», в условиях отсутствия внешнего направленного влияния, он позволяет фиксировать только значимое содержание процесса самоидентификации. Другими словами, наше исследование показывает, что значимость этнической и гражданской идентичности свойственна лишь небольшому числу обследованных молодых людей. Возможно, этот факт свидетельствует о том, что формирование социальной идентичности современных жителей России может находиться под влиянием не только роста национального и этнического самосознания [19, с. 16–25], но и другой макросоциальной [20] тенденции – возникновения нового типа глобальной социальной идентичности [8–10].

В ходе эмпирического исследования были выявлены различные типы сочетания актуальной формы гражданской идентичности с приверженностью своей стране: 1) приверженность своей стране с актуализируемой гражданской идентичностью, 2) актуальная гражданская идентичность без определенной приверженности стране, 3) приверженность своей стране без актуальной гражданской идентичности, 4) отсутствие приверженности стране и актуальной гражданской идентичности, 5) неполная приверженность своей стране без актуальной гражданской идентичности (табл. 1). Как видно из приведенных данных, самыми распространенными типами сочетания приверженности стране и социальной идентичности являются «приверженность своей стране без актуальной гражданской идентичности» и «неполная приверженность своей стране без актуальной гражданской идентичности».



Таблица 1

## Распределение типов сочетания гражданской идентичности с приверженностью своей стране

Типы сочетания гражданской идентичности с приверженностью своей стране	Частота встречаемости типа, %
1. Приверженность своей стране с актуализируемой гражданской идентичностью	8
2. Актуальная гражданская идентичность без определенной приверженности стране	8
3. Приверженность своей стране без актуальной гражданской идентичности	31
4. Отсутствие приверженности стране и актуальной гражданской идентичности	23
5. Неполная приверженность своей стране без актуальной гражданской идентичности	30

Проведенный корреляционный анализ не выявил существования значимых связей между показателями приверженности своей стране и актуализируемыми (при помощи теста Куна и Маркпартленда) показателями этнической и гражданской идентичности (рисунок), что полностью подтверждает основную выдвинутую нами гипотезу о самостоятельности конструктов приверженности стране и социальной идентичности.

Изучение направленной формы этнической идентичности с помощью интервью показало, что почти все испытуемые (97%) под влиянием задаваемого вопроса без колебаний определяются со своей этнической принадлежностью. Направленная форма этнической идентичности, так же как и ее актуальная форма, не имеет корреляций с показателями общей привержен-

ности своей стране, выявляемыми при помощи авторского теста и психологического интервью.

Что же касается исследования формы желаемой этнической и гражданской идентичности, то было установлено, что для 8% выборки национальность не имеет особого значения и они не хотели бы принадлежать к какой-либо этнической группе; для 11,5% не имеет никакого значения гражданская принадлежность и они не хотели бы быть привязаны формально к какой-либо стране. 13% респондентов хотели бы сменить свою национальность, а 40,5% желали бы иметь гражданство другой (или еще другой) страны. Небольшая часть опрошенных хотели бы расширить или разнообразить свою социальную идентичность, например, путем обладания гражданством нескольких стран (табл. 2).

Таблица 2

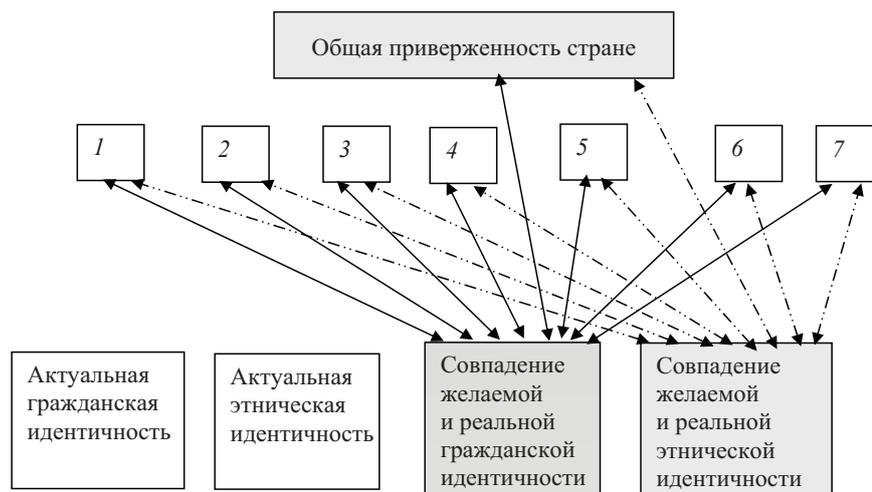
## Отношение к этнической и гражданской идентичности

Тип отношения к виду социальной идентичности	Частота встречаемости (%) вида отношения	
	к этнической идентичности	к гражданской идентичности
1. Не имеет значения	8	11,5
2. Хотелось бы попробовать изменить	13	40,5
3. Хотелось бы разнообразить	3	10
4. Хотелось бы оставить все так, как есть	76	38

В отличие от актуальной социальной идентичности показатель удовлетворенности своей настоящей этнической принадлежностью (то есть полной согласованности реальной и желаемой этнической идентичности) положительно коррелирует с общей приверженностью своей стране ( $r_s = 0,374, p < 0,01$  – по данным интервью;  $r_s = 0,407, p < 0,01$  – по данным опросника) и различными ее видами – эмоциональной приверженностью ( $r_s = 0,474, p < 0,01$ ), конативной ( $r_s = 0,410, p < 0,01$ ), когнитивной ( $r_s = 0,447, p < 0,01$ ), социальной ( $r_s = 0,394, p < 0,01$ ), экономической ( $r_s = 0,391, p < 0,01$ ), природно-климатической

( $r_s = 0,376, p < 0,01$ ) и культурной ( $r_s = 0,456, p < 0,01$ ) приверженностью стране (рисунок).

Совпадение реальной и желаемой гражданской идентичности положительно коррелирует с общей приверженностью своей стране ( $r_s = 0,587, p < 0,01$  по данным интервью;  $r_s = 0,573, p < 0,01$  по данным опросника) и такими ее видами, как эмоциональная приверженность ( $r_s = 0,498, p < 0,01$ ), конативная ( $r_s = 0,440, p < 0,01$ ), когнитивная ( $r_s = 0,529, p < 0,01$ ), социальная ( $r_s = 0,502, p < 0,01$ ), экономическая ( $r_s = 0,537, p < 0,01$ ), природно-климатическая ( $r_s = 0,427, p < 0,01$ ) и культурная ( $r_s = 0,400, p < 0,01$ ) приверженности (см. рисунок).



Приверженность стране и социальная идентичность: соотношение показателей. Виды приверженности стране: 1 – эмоциональная, 2 – конативная, 3 – когнитивная, 4 – социальная, 5 – экономическая, 6 – природно-климатическая (географическая), 7 – культурная;  $\longleftrightarrow$  – корреляции удовлетворенности гражданской идентичностью (совпадения ее желаемой и реальной формы) с показателями приверженности своей стране;  $\dashrightarrow$  – корреляции удовлетворенности этнической идентичностью с показателями приверженности своей стране

Проведенное исследование не выявило значимых корреляций между показателями приверженности своей стране и показателями методики «Типы этнической идентичности», позволяющей выявлять позитивную этническую идентичность, этноэгоизм, этнонигилизм, этноизоляционизм, этнический фанатизм. Например, показатель позитивной этнической идентичности оказывается не связанным с приверженностью своей стране ( $r_{xy} = 0,346, p = 0,066$ , не значимо). Этот факт может свидетельствовать о том, что формирование приверженности большой устойчивой группе и идентификация личности с представителями этой группы могут являться самостоятельными и не всегда связанными между собой процессами.

Подтверждению достоверности полученных данных о приверженности своей стране служат выявленные значимые корреляции показателей интервью и опросника «Приверженность своей стране» (двусторонняя корреляция Пирсона  $r_s = 0,883, p < 0,01$ ).

Выраженность эмиграционных намерений, устанавливаемая при помощи одной из шкал опросника «Приверженность своей стране», отрицательно коррелирует с желанием оставаться гражданином своей (только своей) страны ( $r_{xy} = -0,505, p < 0,01$ ), что может являться отражением одной из существенных характеристик суверенной эмиграции, предполагающей изменение гражданского статуса.

Приверженность стране (по данным интервью) коррелирует с этнической аффилиацией ( $r_s = 0,319, p < 0,05$ ), определяемой при помощи

методики «Этническая аффилиация», что подтверждает нашу концепцию приверженности социальной общности как целостного, не только конативного, но и когнитивно-эмоционального личностного образования [17].

### Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать основной вывод: социальная идентичность с социальной общностью своей страны и приверженность своей стране являются самостоятельными конструктами, не всегда согласующимися между собой и не всегда вступающими в тесное взаимодействие.

Самые распространенные типы сочетания гражданской идентичности и приверженности своей стране – «сформированная приверженность своей стране без актуальной гражданской идентичности» и «неполная приверженность своей стране без актуальной гражданской идентичности». Доминирование этих типов может являться отражением современных макропсихологических тенденций развития глобальной социальной идентичности, отсутствия сильной привязанности к месту жительства и социокультурно разнородной образной сферы личности [18, с. 49–74], формируемой в условиях мультикультурного мира.

С показателями приверженности своей стране и различными ее видами положительно коррелирует согласованность актуальной и желаемой форм этнической и гражданской идентичности, т. е. удовлетворенность своей настоящей этнической и гражданской принадлежностью.



Исходя из того, что приверженность стране не связана с актуальной социальной идентичностью, а коррелирует с желаемой и возможной в будущем социальной принадлежностью, можно говорить о том, что приверженность своей стране – конструкт, характеризующий переживания субъектом его потенциального или идеального будущего, конструируемого в условиях сохранения включенности человека в социальную общность. Понятие приверженности своей стране, задействуя эмоциональные и когнитивные стороны личности, позволяет сделать акцент на конативном компоненте переживания будущего в виде формирования устойчивого намерения продолжать оставаться членом своей социальной общности.

### Список литературы

1. Почебут Л. Г., Мейжис И. А. Социальная психология. СПб., 2010. 672 с.
2. Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior // *Psychology of intergroup relations*. 1986. № 5. P. 7–24.
3. Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. СПб., 2008. 118 с.
4. Дробижева Л. М. Теоретические проблемы изучения гражданской идентичности и социальная практика // *Перспективы* : электрон. журн. 2014. № 9. URL: [http://www.perspektivy.info/misl/cenn/teoreticheskije\\_problemy\\_izuchenija\\_grazhdanskoj\\_identichnosti\\_i\\_socialnaja\\_praktika\\_2014-09-10.htm](http://www.perspektivy.info/misl/cenn/teoreticheskije_problemy_izuchenija_grazhdanskoj_identichnosti_i_socialnaja_praktika_2014-09-10.htm) (дата обращения: 14.02.2016).
5. Gee G. C., Morey B. N., Walsemann K. M., Ro A., Takeuchi D. T. Citizenship as privilege and social identity: Implications for psychological distress // *American Behavioral Scientist*. 2016. Vol. 60, iss. 5–6. P. 680–704.
6. Самошкина И. С. Территориальная идентичность как социально-психологический феномен : дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 185 с.
7. Hogg M. A., Abrams D., Brewer M. B. Social identity : The role of self in group processes and intergroup relations // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2017. Vol. 20, iss. 5. P. 570–581.
8. Нестик Т. А. Глобальная идентичность в условиях развития современного общества // *Психологические исследования глобальных процессов : предпосылки, тенденции, перспективы*. М., 2018. С. 281–292.
9. Buchan N. R., Brewer M. B., Grimalda G., Wilson R. K., Fatas E., Foddy M. Global social identity and global cooperation // *Psychological Science*. 2011. Vol. 22, № 6. P. 821–828.
10. Rosenmann A., Reese G., Cameron J. E. Social identities in a globalized world : challenges and opportunities for collective action // *Perspectives on Psychological Science*. 2016. Vol. 11, № 2. P. 202–221.
11. Ловаков А. В., Лунатов С. А. Организационная идентификация и приверженность персонала : сходство и различие // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2011. Т. 8, № 2. С. 69–80.
12. Postmes T., Tanis M., Wit B. Communication and commitment in organizations : A social identity approach // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2001. Vol. 4, iss. 3. P. 227–246.
13. Berry J. W., Phinney J. S., Sam D. L., Vedder P. Immigrant youth : acculturation, identity, and adaptation // *Applied Psychology : an International Review*. 2006. Vol. 55, № 3. P. 303–332.
14. Laurin K., Shepherd S., Kay A. C. Restricted emigration, system inescapability, and defense of the status quo : system-justifying consequences of restricted exit opportunities // *Psychological Science*. 2010. Vol. 21, № 8. P. 1075–1082.
15. Miller K., Haskell Ch., Thatcher A. The relationship between intention to emigrate and organisational commitment // *South African Journal of Psychology*. 2002. Vol. 32, iss. 3. P. 16–20.
16. Sabry T. Emigration as popular culture // *European Journal of Cultural Studies*. 2005. Vol. 8, iss. 1. P. 5–22.
17. Фролова С. В. Модель факторов приверженности личности социальной общности // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 80–86.
18. Фролова С. В. Социально-когнитивные основания психологической приверженности своей стране. М., 2017. 153 с.
19. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. 389 с.
20. Макропсихология современного российского общества / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М., 2009. 352 с.

### Образец для цитирования:

Фролова С. В. Социальная идентичность и приверженность своей стране: концептуальные и эмпирические основания анализа соотношения конструктов // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 326–332. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-326-332

### Social Identity and Commitment to One's Country: Conceptual and Empirical Basis for Analysis of Correlation Between Constructs

S. V. Frolova

Svetlana V. Frolova, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, frolovasv71@mail.ru

The research into commitment of a person to large stable groups and territorial communities is becoming extremely topical due to greater mobility and migration processes in the modern world. The correlation of constructs of commitment to one's country and social identity has not been studied yet, which determined the goal of the given research. The author has checked the hypothesis proposing that commitment to one's country and actualized social identity, in particular such types as civil and ethnic identity, are independent constructs that do



not correlate and can interact in various ways and take the shape of various interrelations. The empirical research involved 241 citizens of the Russian Federation (73 male participants, 168 female participants; mean age=22,5). The author points out that the factors of commitment to one's country are not connected with actual civic and ethnic identity, and positively correlate with satisfaction with one's social affiliation and a desire to secure it in the future. The author concludes that social identity and commitment to one's country are independent constructs that can form various relations and describe various aspects of phenomenology of individual experience of the present and the future of the system of one's social connections with the outside world.

**Key words:** commitment to the country, social identity, civic identity, ethnic identity.

## References

1. Pochebut L. G., Meyzhis I. A. *Sotsialnaya psikhologiya* [Social Psychology]. St. Petersburg, 2010. 672 p. (in Russian).
2. Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behaviour. *Psychology of intergroup relations*, 1986, no. 5, pp. 7–24.
3. Miklyaeva A. V., Rumyantseva P. V. *Sotsialnaya identichnost lichnosti: sodержanie, struktura, mekhanizmy formirovaniya* [Social identity of the individual: content, structure, mechanisms of formation]. St. Petersburg, 2008. 118 p. (in Russian).
4. Drobizheva L. M. Teoreticheskie problemy izucheniya grazhdanskoj identichnosti i sotsialnaya praktika (Theoretical problems of studying civil identity and social practice). *Perspectives and prospects: electron. zhurn.*, 2014, no. 9. Available at: [http://www.perspektivy.info/misl/cenn/teoreticheskije\\_problemy\\_izucheniya\\_grazhdanskoj\\_identichnosti\\_i\\_socialnaja\\_praktika\\_2014-09-10.htm](http://www.perspektivy.info/misl/cenn/teoreticheskije_problemy_izucheniya_grazhdanskoj_identichnosti_i_socialnaja_praktika_2014-09-10.htm) (accessed 14 February 2016) (in Russian).
5. Gee G. C., Morey B. N., Walsemann K. M., Ro A., Takeuchi D. T. Citizenship as privilege and social identity: Implications for psychological distress. *American Behavioral Scientist*, 2016, vol. 60, iss. 5–6, pp. 680–704.
6. Samoshkina I. S. *Territorialnaya identichnost kak sotsialno-psikhologicheskij fenomen* [Territorial identity as a socio-psychological phenomenon]. Diss. Cand. Sci. (Psychol). Moscow, 2008. 185 p. (in Russian).
7. Hogg M. A., Abrams D., Brewer M. B. Social identity: The role of self in group processes and intergroup relations. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2017, vol. 20, iss. 5, pp. 570–581.
8. Nestik T. A. Globalnaya identichnost v usloviyakh razvitiya sovremennogo obshchestva [Global identity in conditions of development of modern society]. In: *Psihologicheskie issledovaniya globalnyh protsessov: predposylki, tendentsii, perspektivy* [Psychological studies of global processes: prerequisites, trends, prospects]. Moscow, 2018, pp. 281–292.
9. Buchan N. R., Brewer M. B., Grimalda G., Wilson R. K., Fatas E., Foddy M. Global social identity and global cooperation. *Psychological Science*, 2011, vol. 22, no. 6, pp. 821–828.
10. Rosenmann A., Reese G., Cameron J. E. Social identities in a globalized world: challenges and opportunities for collective action. *Perspectives on Psychological Science*, 2016, vol. 11, no. 2, pp. 202–221.
11. Lovakov A. V., Lipatov S. A. Organizatsionnaya identifikatsiya i priverzhennost personala: skhodstvo i razlichie [Organizational identification and commitment of personnel: similarity and difference]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2011, vol. 8, no. 2, pp. 69–80 (in Russian).
12. Postmes T., Tanis M., Wit B. Communication and commitment in organizations: A social identity approach. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2001, vol. 4, iss. 3, pp. 227–246.
13. Berry J. W., Phinney J. S., Sam D. L., Vedder P. Immigrant youth: acculturation, identity, and adaptation. *Applied Psychology: an International Review*, 2006, vol. 55, no. 3, pp. 303–332.
14. Laurin K., Shepherd S., Kay A. C. Restricted emigration, system inescapability, and defense of the status quo: system-justifying consequences of restricted exit opportunities. *Psychological Science*, 2010, vol. 21, no. 8, pp. 1075–1082.
15. Miller K., Haskell Ch., Thatcher A. The relationship between intention to emigrate and organisational commitment. *South African Journal of Psychology*, 2002, vol. 32, iss. 3, pp. 16–20.
16. Sabry T. Emigration as popular culture. *European Journal of Cultural Studies*, 2005, vol. 8, iss. 1, pp. 5–22.
17. Frolova S. V. Model' faktorov priverzhennosti lichnosti sotsialnoy obshchnosti [The model of individual commitment factors to social community]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.). Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013, vol. 13, iss. 4, pp. 80–86 (in Russian).
18. Frolova S. V. *Sotsialno-kognitivnye osnovaniya psikhologicheskoy priverzhennosti svoey strane* [Socio-cognitive grounds for psychological commitment to own country]. Moscow, 2017. 153 p. (in Russian).
19. Soldatova G. U. *Psikhologiya mezhetnicheskoy napryazhennosti* [Psychology of interethnic tension]. Moscow, 1998. 389 p. (in Russian).
20. *Makropsikhologiya sovremennogo rossiyskogo obshchestva* [Macropsychology of modern Russian society]. Eds. A. L. Zhuravlev, A. V. Yurevich. Moscow, 2009. 352 p. (in Russian).

## Cite this article as:

Frolova S. V. Social Identity and Commitment to One's Country: Conceptual and Empirical Basic for Analysis of Correlation Between Constructs. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 326–332. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-326-332



УДК 159.944+316.6

## СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ ТРУДОВОГО СТАЖА СОТРУДНИКОВ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ



Е. И. Ярошенко

Ярошенко Елена Игоревна, аспирант, кафедра общей и социальной психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, yarosh667@gmail.com

Статья посвящена эмпирическому исследованию проявлений эмоционального выгорания личности сотрудников такой стрессогенной сферы, как пенитенциарная система. Проверялась гипотеза о существовании особенностей проявления феномена эмоционального выгорания служащих пенитенциарных учреждений на различных этапах их трудового стажа. Выборку составили сотрудники Управления федеральной службы исполнения наказания по Саратовской области. В качестве психодиагностического инструментария использовались методика диагностики уровня эмоционального выгорания, разработанная В. В. Бойко, и опросник «Профессиональное (эмоциональное) выгорание» К. Масляч и С. Джексон. В ходе исследования выявлена динамика проявления эмоционального выгорания, происходящая с течением времени работы в пенитенциарной системе. Был установлен ряд достоверных различий общего показателя эмоционального выгорания и его фаз и симптомов у служащих со стажем от трех до шести лет и двух других подгрупп – начинающих и длительно работающих в пенитенциарной системе. В первые три года работы сотрудники этой системы устойчивы к формированию эмоционального выгорания. В следующий период профессиональной жизни, от 3 до 6 лет, наблюдается значительное повышение уровня эмоционального выгорания, сопровождающегося выраженными симптомами сформированной стадии резистенции: именно в это время показатели эмоционального выгорания сотрудников пенитенциарной системы достигают своего пика. После 6 лет работы симптомы эмоционального выгорания снижаются, что может объясняться формированием ресурсных механизмов противостояния профессиональным стрессам.

**Ключевые слова:** эмоциональное выгорание, фазы и симптомы выгорания, профессиональная деятельность, сотрудники пенитенциарной системы, стаж работы, стадии профессионализации.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-333-338

### Введение

Интенсивные экономические, социокультурные и политические трансформации в современной социальной реальности приводят к значительному росту требований, предъявляемых к профессиональным качествам личности. Нестабильность, стресс-факторы и неблагоприятный организационный климат деструктивно воздействуют на эффективность профессиональной де-

ятельности и психоэмоциональное самочувствие личности, вызывая такой симптомокомплекс, как эмоциональное выгорание.

В синдром эмоционального выгорания в профессиональной среде входят: редукция эмоциональных проявлений и чрезмерно критическое отношение к своему профессиональному «Я», дезорганизация этических представлений, избегание эмоционально затратных трудовых полномочий, повышение уровня негативных эмоций [1, с. 326–334]. Основными симптомами выгорания являются снижение функции продуцирования и выражения эмоций, апатия, демотивация, рост количества конфликтов с окружающими, деперсонализация, потеря уверенности в своих способностях.

Т. Кокс и А. Гриффитс, проанализировав данные многочисленных исследований, создали интегративную модель феномена выгорания, включающую три аспекта: а) сильную мотивацию; б) негативную рабочую обстановку; в) использование субъектом неадекватных копинг-стратегий [2]. А. М. Пайнз установил, что формированию эмоционального выгорания предшествует первоначальная глубокая вовлеченность в процесс организационной деятельности, а также мотивация, ожидания и стремления работника [3, с. 41].

Ряд авторов рассматривают напряженность труда как возможность постепенного повышения ресурсов адаптации и профессионального развития при условии совладания личности с когнитивно и эмоционально трудной работой [4–7]. В противном случае нарушения в механизме адаптации и самоконтроля приводят со временем к эмоциональному выгоранию [8, 9]. Негативные составляющие профессиональной деятельности (например, неустойчивость режима работы, нестабильный график) способны привести к увеличению уровня неудовлетворенности своим «Я», напряженности, повышению роста психологического дискомфорта, неуверенности в себе, снижению уровня субъективного благополучия [10, с. 80–86, 11].

В настоящее время подавляющее большинство исследований эмоционального выгорания связано с социально-ориентированными про-



фессиями, такими как врач, воспитатель, педагог, либо с профессиями в сфере бизнеса. Однако до сих пор отсутствуют работы, связанные с изучением особенностей эмоционального выгорания представителей пенитенциарных учреждений.

Профессиональная деятельность в области уголовно-исполнительной системы сопровождается рядом специфических стресс-факторов. О. В. Крапивина [12], Е. Crawley [13], В. Garland, E. G. Lambert и др. [14] отмечают психотравмирующую и стрессогенную сущность среды исправительно-трудовых учреждений. Кроме того, для данной сферы труда характерны низкая автономность индивида [15] и постоянные ролевые конфликты, связанные с необходимостью поддержания определенного уровня отношений со своими коллегами и заключенными [16]. Сотрудники уголовно-исполнительной системы вынуждены много общаться с правонарушителями, обладающими высоким уровнем агрессивности, негативными установками по отношению к персоналу, что может отрицательно сказываться на психоэмоциональном самочувствии и жизненных смыслах личности.

Целью данного исследования явилось установление особенностей проявления феномена эмоционального выгорания личности сотрудников пенитенциарной системы на различных этапах трудового стажа работника.

#### Методика исследования

Выборку составили сотрудники Управления федеральной службы исполнения наказания по Саратовской области ( $N = 52$ ). Все испытуемые мужского пола, в возрасте от 25 до 38 лет, имеют высшее образование, со стажем работы от нескольких месяцев до 10 лет. Выборка была поделена на три подгруппы в зависимости от длительности стажа: 1) служащие от 0 до 3 лет (32,4% испытуемых), 2) от 3 до 6 лет (32,4%) и 3) от 6 лет и более (35,2%).

В качестве психодиагностического инструментария использовались методика диагностики уровня эмоционального выгорания, разработанная В. В. Бойко, и опросник «Профессиональное (эмоциональное) выгорание» К. Маслач и С. Джексона (адаптация Н. Водопьяновой, Е. Старченковой). Обработка данных осуществлялась при помощи  $U$ -критерия Манна–Уитни с использованием пакета программного обеспечения IBM SPSS Statistics ver. 22.

#### Результаты исследования и их анализ

С помощью методики В. В. Бойко были получены средние значения общего показателя и выраженности отдельных фаз и стадий эмоционально-

го выгорания (табл. 1, рисунок). Наиболее высокие значения эмоционального выгорания установлены в подгруппе служащих в пенитенциарной системе от 3 до 6 лет, то есть со средней длительностью стажа. Данная подгруппа отличается также от начинающих сотрудников и служащих с большим стажем самыми высокими показателями по всем фазам и стадиям формирования эмоционального выгорания.

Наиболее выраженной фазой проявления эмоционального выгорания во всех выделенных подгруппах является фаза резистенции, свидетельствующая о сопротивлении нарастающему стрессу. Однако наиболее высокие значения резистенции наблюдаются у сотрудников со стажем от 3 до 6 лет.

В соответствии с ключами методики Бойко можно выделить уровни сформированности фаз и симптомов эмоционального выгорания. Количественный анализ данных позволил установить, что полностью сформированные фазы и симптомы эмоционального выгорания характерны только для подгруппы со стажем от 3 до 6 лет. Для этих сотрудников характерны сформированная фаза резистенции и такие устойчивые симптомы, как тревога и депрессия, неадекватное эмоциональное избирательное реагирование, расширение сферы экономии эмоций (слабое эмоциональное реагирование), редукция профессиональных обязанностей (выполнение работы на автоматизме). Две другие подгруппы – начинающих служащих и сотрудников с большим стажем работы – характеризуются либо отсутствием симптомов, либо началом их формирования.

Таким образом, в нашем исследовании установлена динамика проявления эмоционального выгорания, зависящая от времени работы сотрудников в пенитенциарной системе. В первые три года работы сформированных симптомов эмоционального выгорания еще не наблюдается, а только начинается их формирование. На промежуточном этапе профессионального становления, от трех до шести лет работы, достигается пик показателей выраженности компонентов эмоционального выгорания, а на следующей стадии профессионализации сотрудников пенитенциарной системы происходит снижение показателей эмоционального выгорания. Этот факт может свидетельствовать о постепенной выработке и тренировке адаптационных ресурсов личности.

Изучение эмоционального выгорания с использованием методики К. Маслач и С. Джексона также показало, что наиболее высокие значения показателей эмоционального выгорания характерны для подгруппы со стажем работы от 3 до 6 лет (табл. 2).



Таблица 1

Среднее значение выраженности показателей эмоционального выгорания испытуемых

Фаза эмоционального выгорания	Подгруппы		
	1 – со стажем до 3 лет	2 – со стажем от 3 до 6 лет	3 – со стажем от 6 лет и выше
<b>Напряжение</b>	<b>29,65<sup>*2</sup></b>	<b>54,82<sup>*1</sup></b>	<b>36,00</b>
Переживание психотравмирующих обстоятельств	6,76 <sup>**2;3</sup>	14,82 <sup>**1</sup>	10,6 <sup>*1</sup>
Неудовлетворенность собой	4,96 <sup>*2</sup>	10,18 <sup>*1;3</sup>	9,4 <sup>*2</sup>
«Загнанность в клетку»	7,00 <sup>*2</sup>	12,36 <sup>*1;3</sup>	7,47 <sup>*2</sup>
Тревога и депрессия	7,88 <sup>**2</sup>	17,45 <sup>**1;3</sup>	8,53 <sup>*2</sup>
<b>Резистенция</b>	<b>47,46<sup>**2</sup></b>	<b>76,73<sup>**1;3</sup></b>	<b>45,27<sup>**2</sup></b>
Неадекватное эмоциональное избирательное реагирование	14,57	19,73	11,8
Эмоционально-нравственная дезориентация	12,54	15,45	11,8
Расширение сферы экономии эмоций	7,8 <sup>*2</sup>	21,18 <sup>*1;3</sup>	8,67 <sup>**2</sup>
Редукция профессиональных обязанностей	12,54 <sup>*2</sup>	20,36 <sup>*1;3</sup>	13,00 <sup>**2</sup>
<b>Истощение</b>	<b>33,00<sup>**2</sup></b>	<b>51,36<sup>**1</sup></b>	<b>34,53</b>
Эмоциональный дефицит	9,11	11,73	8,4
Эмоциональная отстраненность	12,7	15,09	11,27
Личностная отстраненность (деперсонализация)	7,34	15,36	8,27
Психосоматические и психовегетативные нарушения	4,46	9,18	6,6
Общий показатель	<b>107,00<sup>**2</sup></b>	<b>182,91<sup>**1;3</sup></b>	<b>115,8<sup>**2</sup></b>

Примечание. \* – достоверные различия показателей в строках при  $\rho \leq 0,05$ ; \*\* – достоверные различия при  $\rho \leq 0,01$ ; 1, 2, 3 – подгруппы с различным стажем. Выделенные ячейки указывают на полную сформированность фаз и симптомов эмоционального выгорания.

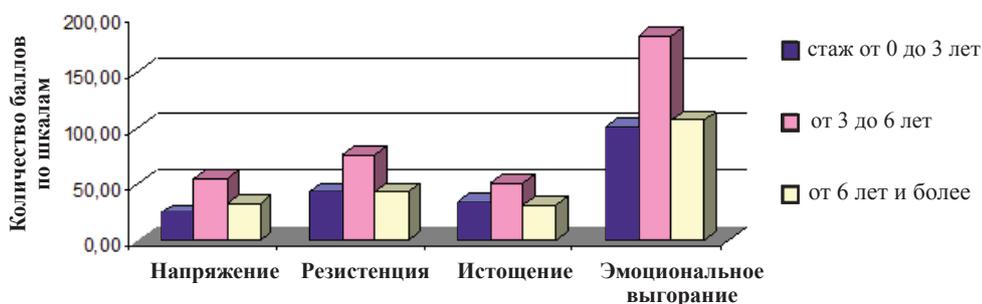


Диаграмма распределения показателей средних значений фаз эмоционального выгорания (по методике Бойко)

Таблица 2

Среднее значение выраженности показателей эмоционального выгорания испытуемых

Эмоциональное выгорание	Подгруппы		
	1 – со стажем до 3 лет	2 – со стажем от 3 до 6 лет	3 – со стажем от 6 лет и выше
Эмоциональное истощение	16,11 <sup>*2</sup>	24,07 <sup>*1</sup>	18,79
Деперсонализация	7,67	12,93	10,22
Профессиональная успешность (редукция профессиональных достижений)	37 <sup>*2</sup>	28,86 <sup>*1</sup>	31,79
Интегральный индекс эмоционального выгорания	0,269683 <sup>*2</sup>	0,443201 <sup>*1</sup>	0,347976

Примечание. \* – достоверные различия показателей в строках при  $\rho \leq 0,05$ ; 1, 2, 3 – подгруппы с которыми установлены различие.



С целью выявления достоверности различий подгрупп испытуемых в выраженности эмоционального выгорания был применен *U*-критерий Манна–Уитни. Был установлен ряд достоверных различий общего показателя эмоционального выгорания и его фаз и симптомов второй подгруппы (со стажем от трех до шести лет) и двух других подгрупп – начинающих служащих и сотрудников с большим стажем (см. табл. 1, 2).

### Обсуждение результатов

В ходе предпринятого исследования установлено, что проявление эмоционального выгорания личности сотрудников пенитенциарной системы связано с их трудовым стажем. Высокий уровень эмоционального выгорания характерен для группы испытуемых со средней длительностью стажа работы (от 3 до 6 лет). Именно в это время показатели данного феномена достигают пика своего проявления. Был установлен ряд достоверных различий общего показателя эмоционального выгорания и его фаз и симптомов второй подгруппы (со стажем от трех до шести лет) и двух других подгрупп – начинающих служащих и сотрудников с большим стажем. Мы объясняем полученный результат следующим образом: лица с небольшим трудовым стажем еще не накопили потенциал для выгорания и, соответственно, не успели достигнуть высокого уровня формирования данного феномена. Группа сотрудников, стаж работы которых превышает 6 лет, благодаря личностным копинг-стратегиям и развитию механизмов социально-психологической адаптации способны противостоять эмоциональному выгоранию в ходе профессиональной деятельности.

Сравнивая полученные результаты с уже проведенными другими авторами исследования соотношения эмоционального выгорания и процесса профессионализации личности, можно отметить определенные сходства и различия. Ю. И. Виданова [17], Н. Е. Водопьянова и Е. С. Старченкова [18] установили повышенный уровень выгорания у начинающих административных работников, объясняя это их низким уровнем профессионализации и адаптации. В то же время они отмечают снижение выгорания с возрастом в связи с самореализацией, за исключением случаев профессиональной деформации лиц со стажем работы более 10 лет. Иная динамика эмоционального выгорания, установленная в нашем исследовании, может объясняться отличающимся характером профессиональных трудностей работников уголовно-исполнительной системы. Первичное вхождение в рабочую среду у служащих пенитенциарной системы связано с большими ожиданиями, касающимися своей роли, и чувством

долга. Административные работники, изучавшиеся Ю. И. Видановой, имеют отличные от представителей силовых ведомств просоциальные установки и, сталкиваясь с бюрократической работой, поначалу вынуждены адаптироваться к ней.

Полученные нами данные согласуются с исследованием эмоционального выгорания у педагогов, проведенным Л. С. Третьяковой [19]. Она выявила максимальный уровень выгорания у группы со средним стажем (4,1 года), что соответствует длительности диапазона трудового стажа наиболее уязвимых сотрудников пенитенциарной системы (от 3 до 6 лет). Подобное сходство может объясняться определенным соответствием воспитательной деятельности педагога и исправительно-воспитательных функций сотрудника пенитенциарного учреждения. Пенитенциарный служащий, по-видимому, подобно педагогу на средней стадии своей профессионализации начинает явно осознавать несоответствия своих первоначальных ожиданий реальной профессиональной реальности.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют, что специфика проявления эмоционального выгорания связана со стадиями профессионализации пенитенциарных служащих. Этот факт необходимо учитывать при разработке программ психологической коррекции и профилактики эмоционального выгорания.

### Заключение

Новизна проведенного исследования заключается в установлении взаимосвязи стажа работы и уровня развития эмоционального выгорания сотрудников пенитенциарной системы. Установлена связь особенностей эмоционального выгорания работников с этапами их профессиональной социализации. Так, при изучении выборки в зависимости от стажа работы нами впервые было установлено, что максимальные значения показателей эмоционального выгорания наблюдаются в группе со стажем профессиональной деятельности от 3 до 6 лет. В этот сензитивный период сотрудники особенно подвержены деструктивному влиянию психотравмирующих факторов. Такие ситуации могут привести к тяжелым психологическим последствиям: профессиональной деформации, стрессовому расстройству, повышенной конфликтности, суицидальному и самоповреждающему поведению, психосоматическим заболеваниям, в том числе алкогольной и наркотической зависимости. На основе полученных нами эмпирических данных становится возможным создание плана психокоррекционных мероприятий по своевременной диагностике эмоционального выгорания и прове-



дение соответствующих психопрофилактических мероприятий в пенитенциарной системе. Эти меры будут связаны с нормализацией социальных установок, формированием релевантных ситуации моделей поведения, стабилизацией эмоционального состояния работника и адаптацией к актуальному этапу профессиональной социализации личности. Особую значимость результаты исследования представляют в организационной деятельности, характеризующейся повышенными требованиями к психофизиологической подготовленности индивида, например в охранно-сыскной и правоохранительной сферах деятельности.

### Список литературы

1. *Леонова А. Б., Величковская С. Б.* Дифференциальная диагностика состояний сниженной работоспособности // Психология психических состояний : сб. ст. / под ред. А. О. Прохорова. Казань, 2002. Вып. 4. С. 326–343.
2. *Cox T., Griffiths A.* The nature and measurement of work-related stress : theory and practice // Evaluation of Human Work / eds. J. R. Wilson, N. Corlett. Boca Raton, 2005. P. 553–571.
3. *Pines A. M.* Burnout : From tendium to personal growth. N.Y., 1981. 229 p.
4. *Kohn M. L., Schooler C.* Work and personality. Norwood, 1983. 400 p.
5. *Kubicek B., Korunka C.* Does job complexity mitigate the negative effect of emotion-rule dissonance on employee burnout? // Work & Stress. 2015. Vol. 29, № 4. P. 379–400.
6. *Hobfoll S. E.* The influence of culture, community, and the nested-self in the stress process : Advancing conservation of resources theory // Applied Psychology : An International Review. 2001. Vol. 50, iss. 3. P. 337–421.
7. *Bakker A. B., Demerouti E.* Job demands-resources theory / eds. P. Y. Chen, C. L. Cooper // Wellbeing. A complete reference guide. Chichester, 2014. P. 37–64. DOI: 10.11002/19781118539415.wbwell019
8. *Zapf D., Vogt C., Seifert C., Mertini H., Isic A.* Emotion work as a source of stress : The concept and development of an instrument // European Journal of Work and Organizational Psychology. 1999. Vol. 8, iss. 3. P. 371–400.
9. *Richards J. M., Gross J. J.* Emotion regulation and memory : The cognitive costs of keeping one's cool // Journal of Personality and Social Psychology. 2000. Vol. 79, № 3. P. 410–424.
10. *Шамионов П. М.* Субъективное благополучие личности как субъекта социального бытия // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 80–86.
11. *Безносков С. П.* Профессиональная деформация личности. СПб., 2004. 270 с.
12. *Кративина О. В.* Эмоциональное выгорание как форма профессиональной деформации у пенитенциарных служащих : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Тамбов, 2004. 22 с.
13. *Crawley E.* Doing Prison Work. The public and private lives of prison officers. N.Y., 2011. 304 p.
14. *Garland B., Lambert E.G., Hogan N.L., Kim B., Kelley T.* The relationship of affective and continuance organizational commitment with correctional staff occupational burnout. A Partial replication and expansion study // Criminal Justice and Behavior. 2014. Vol. 41, № 10. P. 1161–1177.
15. *Dowden C., Tellier C.* Predicting wok-related stress in correctional officers : Ametanalysis // Journal of Criminal Justice. 2004. Vol. 32. P. 31–47.
16. *Bringas-Molleda C., Fernández-Muñiz A., Álvarez-Fresno E., Martínez-Cordero A., Rodríguez-Díaz F. J.* Influence of burnout on the health of prison workers // Revista Espanola De Sanidad Penitenciaria. 2015. Vol. 17. P. 67–73.
17. *Виданова Ю. И.* Психическое выгорание в процессе профессионализации административных работников // Вестн. СПбГУ. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2007. № 4. С. 364–370.
18. *Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С.* Синдром выгорания : диагностика и профилактика. СПб., 2005. 343 с.
19. *Третьякова Л. С.* Профессиональное выгорание социальных педагогов на разных этапах профессионализации // Современные тенденции и проблемы психологической науки : материалы Всерос. науч. конф., посвященной 110-летию со дня рождения П. М. Яковсона (Уфа, 17–18 мая 2012 г.). М. ; Берлин, 2015. С. 61–65.

### Образец для цитирования:

Ярошенко Е. И. Особенности проявления феномена эмоционального выгорания на различных этапах трудового стажа сотрудников пенитенциарных учреждений // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 333–338. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-333-338

### Social and Psychological Features of Emotional Burnout at Various Stages of Seniority of Correctional Staff

E. I. Yaroshenko

Elena I. Yaroshenko, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., 410012, Saratov, Russia, yarosh667@gmail.com

The article presents the results of empirical research of correctional staff's emotional burnout. The hypothesis: there is an existence of features of correctional staff's emotional burnout at various stages of their seniority. Empirical selection is presented by employees of Federal Service Directorate of Execution of Punishment in Saratov region. Methods: V. Boyko's method for burnout level assessment; K. Maslach Burnout Inventory (MBI). This research shows dynamics of



emotional burnout which people working in penal system eventually acquire. It is established that there is a number of reliable differences on the general indicator of emotional burnout and its phases and symptoms between employees with experience from three to six years and two other subgroups: beginners and those who have been working in penal system for long time. In the first three years of work employees of penal system are mainly steady against formation of emotional burnout. During the next period of career from 3 to 6 years substantial increase of level of the emotional burnout which is followed by the expressed symptoms of the created resistance stage is observed. In this time frame of work indicators of emotional burnout of penal system employees reach the peak. In the period of work over 6 years decrease of emotional burnout symptoms is observed that can be explained by formation of resource mechanisms of opposition to professional stress.

**Key words:** emotional burnout, phases and symptoms of burnout, professional activity, correctional staff, seniority, professionalization stages.

## References

1. Leonova A. B., Velichkovskaya S. B. *Differentsialnaya diagnostika sostoyaniy snizhennoy rabotosposobnosti* [Differential diagnostics of conditions of the lowered working capacity]. In: *Psikhologiya psikhicheskikh sostoyaniy: sb. st.* [Psychology of mental states: collection of articles]. Ed. by A. O. Prokhorova. Kazan, 2002, iss. 4, pp. 326–343 (in Russian).
2. Cox T., Griffiths A. The nature and measurement of work-related stress: theory and practice. In: *Evaluation of Human Work*. Eds. J. R. Wilson, N. Corlett. Boca Raton, 2005, pp. 553–571.
3. Pines A. M. *Burnout: From Tedium to Personal Growth*. New York, 1981. 229 p.
4. Kohn M. L., Schooler C. *Work and personality*. Norwood, 1983. 400 p.
5. Kubicek B., Korunka C. Does job complexity mitigate the negative effect of emotion-rule dissonance on employee burnout? *Work & Stress*, 2015, vol. 29, no. 4, pp. 379–400.
6. Hobfoll S. E. The influence of culture, community, and the nested-self in the stress process: Advancing conservation of resources theory. *Applied Psychology: An International Review*, 2001, vol. 50, iss.3, pp. 337–421.
7. Bakker A. B., Demerouti E. Job demands-resources theory. In: *Wellbeing: A complete reference guide*. Eds. P. Y. Chen, C. L. Cooper. Chichester, 2014. pp. 37–64. DOI: 10.1100219781118539415.wbwell019
8. Zapf D., Vogt C., Seifert C., Mertini H., Isic A. Emotion work as a source of stress: The concept and development of an instrument. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 1999, vol. 8, iss. 3, pp. 371–400.
9. Richards J. M., Gross J. J. Emotion regulation and memory: The cognitive costs of keeping one's cool. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2000, vol. 79, no. 3, pp. 410–424.
10. Shamionov R. M. Subektivnoe blagopoluchie lichnosti kak subekta sotsialnogo bytiya [Subjective Well-being of Personality as a Subject of Social existence]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2014, vol. 14, iss. 1, pp. 80–86 (in Russian).
11. Beznosov S. P. *Professionalnaya deformatsiya lichnosti* [Professional deformation of personality]. St. Petersburg. 2004, 270 p. (in Russian).
12. Krapivina O. V. *Emotsionalnoe vygoranie kak forma professionalnoi deformatsii u penitentsiarnykh sluzhashchikh* [Emotional burning out as a form of professional deformation in penitentiary employees]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Tambov, 2004. 22 p. (in Russian).
13. Crawley E. *Doing Prison Work. The public and private lives of prison officers*. New York, 2011. 304 p.
14. Garland B., Lambert E. G., Hogan N. L., Kim B., Kelley T. The relationship of affective and continuance organizational commitment with correctional staff occupational burnout. A Partial replication and expansion study. *Criminal Justice and Behavior*, 2014, vol. 41, no. 10, pp. 1161–1177.
15. Dowden C., Tellier C. Predicting work-related stress in correctional officers: Ametanalysis. *Journal of Criminal Justice*, 2004, vol. 32, pp. 31–47.
16. Bringas-Molleda C., Fernandez-Muniz A., Alvarez-Fresno E., Martinez-Cordero A., Rodriguez-Diaz F. J. Influence of burnout on the health of prison workers. *Revista Espanola De Sanidad Penitenciaria*, 2015, vol. 17, pp. 67–73.
17. Vidanova Iu. I. Psikhicheskoe vygoranie v protsesse professionalizatsii administrativnykh rabotnykh [Mental burnout in the process of professionalizing administrative staff]. *Vestn. SPbGU* [Vestnik of Saint-Petersburg University. Ser. 6. Political science. International relationships], 2007, no. 4, pp. 364–370 (in Russian).
18. Vodopianova N. E., Starchenkova E. S. *Sindrom vygoraniia: diagnostika i profilaktika* [Burnout Syndrome: Diagnosis and Prevention]. St. Petersburg, 2005. 343 p. (in Russian).
19. Tretyakova L.S. Professionalnoe vygoranie sotsialnykh pedagogov na raznykh etapakh professionalizatsii [Professional burnout of social pedagogues at different stages of professionalization]. In: *Sovremennye tendentsii i problemy psikhologicheskoy nauki: materialy Vseros. nauch. konf., posvyashchennoy 110-letiyu so dnya rozhdeniya P. M. Yakobsona* [Current trends and problems of psychological science: materials of the All-Russian scientific conference dedicated to the 110th anniversary of the birth of P. M. Jakobson]. (Ufa, May 17–18, 2012). Moscow, Berlin, 2015, pp. 61–65 (in Russian).

## Cite this article as:

Yaroshenko E. I. Social and Psychological Features of Emotional Burnout at Various Stages of Seniority of Correctional Staff. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 333–338. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-333-338



## ПЕДАГОГИКА

УДК 378.14.04

### СОВРЕМЕННЫЙ ИМИДЖ КУРАТОРА СТУДЕНЧЕСКОЙ ГРУППЫ

Е. А. Богачева

Богачева Екатерина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Саратовская государственная юридическая академия, kapitolina19@yandex.ru

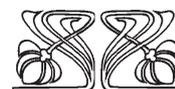
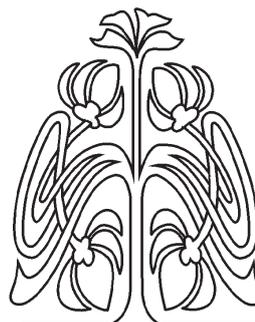
В статье исследуется понятие «имидж куратора студенческой группы» как характер, создаваемый с целью донести до студентов определенную информацию через такие внешние проявления, как поведение, мировоззрение, внешний вид. Каждый педагог, сознательно выбирающий воспитательную деятельность кураторства, к моменту осуществления такого выбора уже сформировался как личность и является индивидуальностью. Выбирая имидж, куратор ориентируется на свои общечеловеческие и педагогические ценности, исходя из которых формируется его представление о той роли или миссии, которую он должен, может выполнить в педагогической ситуации. Отмечается, что имидж оказывает мощное психологическое воздействие на его целевую аудиторию и на самого куратора. Актуальность исследования, посвященная современному имиджу куратора, обусловлена зависимостью успешности учебного процесса от качества взаимоотношений, которые складываются при взаимодействии куратора со студентами. Излагаются подходы к проблеме профессионального имиджа куратора. Педагогические способности куратора проявляются в его стремлении к индивидуальности, индивидуальному стилю, где основополагающими признаками являются: стиль педагогического общения; выбор методов работы; подбор средств воспитания; особенности самопрезентации; особенности реагирования на возникающие педагогические ситуации; применение психолого-педагогических средств исследования и практики. Делается вывод, что все профессиональные качества, способности, ценности в совокупности представляют имидж современного куратора студенческой группы, включающий его внутренние и внешние характеристики.

**Ключевые слова:** куратор студенческой группы, имидж куратора, педагогические способности, технология имиджа куратора.

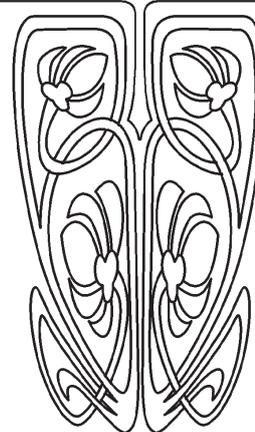
DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-339-343

В связи с признанием в современных условиях обществом исключительной роли кураторов в организации воспитания студентов особенно актуальным становится вопрос о совершенствовании не только их деятельности, но и имиджа. Образовательное учреждение является основным социальным институтом, обеспечивающим воспитательный процесс и реальную интеграцию различных субъектов воспитания. Значимость анализа имиджа куратора не вызывает сомнения, особенно в контексте повышенного интереса к вопросам формирования и поддержания корпоративного имиджа образовательного учреждения. Кураторство – одна из форм работы со студентами и, как любая деятельность, напрямую зависит от того впечатления, которое создается и поддерживается у студентов о кураторе.

Феномен первого впечатления во многих случаях определяет дальнейшую динамику процесса взаимодействия. Первое впечатление студента о педагоге/кураторе является важнейшей стороной взаимодействия в учебной и воспитательной деятельности, – писал А. А. Бодалев [1]. С этим трудно не согласиться, так как на основе



НАУЧНЫЙ  
ОТДЕЛ





первого впечатления формируется изначальный и нередко довольно устойчивый стереотип восприятия педагога/куратора.

Понятие «имидж» пришло в педагогику из менеджмента, политологии, рекламы и т. п. М. С. Пискунов дает следующее определение: «Имидж – это эмоционально окрашенный образ, часто сознательно сформированный, обладающий целенаправленно заданными характеристиками и призванный оказывать психологическое влияние определенной направленности на конкретные группы социума» [2].

Е. А. Климов утверждает, что «образ в психологическом смысле – это субъективная модель чего-либо», следовательно, образ профессионала – это своего рода субъективная модель, связанная с представлениями о профессиональной деятельности и профессионально важных качествах [3].

Каждый куратор должен знать, что в его образе привлекает, а что отталкивает окружающих, за счет чего складывается впечатление о его профессиональной компетентности, которая выражает единство его теоретической и практической готовности к осуществлению педагогической деятельности и характеризующая его профессионализм, его надежность и решительность. Здесь можно говорить о гибком профессионализме, так как куратор, желает он этого или нет, должен уметь систематически, эффективно и надежно выполнять педагогическую деятельность в меняющихся условиях, соответствуя существующим в обществе стандартам и объективным требованиям.

В точном переводе с английского «имидж» – это образ, изображение [4, с. 208]. При таком толковании термина наиболее адекватным эквивалентом его в русском языке можно считать не образ, который, по В. И. Далю, следует понимать как нечто твердое, устоявшееся, а облик – собирательная характеристика личности, которая проявляется через ее внешние данные [5, с. 458]. Следовательно, имидж куратора – это характер, создаваемый с целью донести до студентов определенную информацию через такие внешние проявления, как поведение, мировоззрение, внешний вид.

Имидж – это всегда единство внутреннего и внешнего, он должен отражать внутреннюю суть и прочно базироваться на ней. Поэтому важно, чтобы у студентов сформировался такой имидж куратора, который вызывает уважение к нему как к профессионалу, компетентному человеку, который может решить если не все, то многие проблемы студента.

Внутренний образ – это прежде всего культура куратора, непосредственность и свобода,

обаяние, эмоциональность, игра воображения, изящество, ассоциативное видение, неожиданные яркие ходы в сценарии кураторского часа, внутренний настрой на творчество, самообладание в условиях публичности и многие другие составляющие.

Внешний образ – это техника игры и игровая подача, особые формы выражения своего отношения к материалу, передача своего эмоционального отношения к действительности, владение умением самопрезентации, проведение семинаров, лекций, кураторских часов на интерактивном уровне, умелая режиссура всего хода занятия. Еще раз отметим, что имидж куратора студенческой группы представляет собой некий образ, систему внешних характеристик, которая создает или подчеркивает неповторимое своеобразие личности и всегда отражает индивидуальность, являясь ее внешней, обращенной к студентам стороной.

Специфика педагогической деятельности куратора заключается в активной умственной деятельности и постоянном напряжении нервной системы, что приводит к стрессам и «эмоциональному выгоранию». Работа куратора по созданию собственного имиджа не всегда бывает успешной: ему может не хватать самого важного – привлекательности в глазах окружающих. Создание привлекательного имиджа – важная часть культуры общения. Создавая имидж, большое внимание необходимо уделять и внешнему виду, и эмоциональному настрою, так куратор – прежде всего педагог: он не только всегда на виду, но и является примером для подражания, поэтому внешность, манера держаться, разговаривать – мощные средства выстраивания отношений с людьми, приобщения студентов к правилам поведения.

С. В. Казанович, Н. А. Завалко выделяют следующие, на наш взгляд, важные слагаемые имиджа куратора в высшем учебном заведении.

*Профессионализм* – безусловное требование, без которого не может идти речь о специалисте в любой области, поэтому необходимы постоянный профессиональный рост куратора, повышение уровня его квалификации.

*Компетентность* – составляющая, предполагающая динамизм, быструю и правильную реакцию на изменяющиеся условия и обстоятельства кураторской деятельности.

*Гуманитарная образованность*: куратор в высшей школе является проводником гуманистических ценностей, поэтому обществу необходим преподаватель, имеющий представление о всем богатстве человеческой культуры и способный к самосовершенствованию.



Куратор должен быть *психотехнологом*, т. е. практически использовать психологические техники управления людьми в процессе общения с ними. Психотехнология включает и выбор оптимальной модели поведения в той или иной ситуации общения, и способы организации общения.

Куратор в высшей школе – *носитель этикетного (эталонного) общения*, которое реализуется через вербальные (речевые) и невербальные (неречевые) средства [6, с. 26–27].

Речевой этикет предполагает следование литературным нормам языка: не только орфографическую и стилистическую грамотность, но и отсутствие вульгарных слов, нецензурных выражений. Сюда же относятся применение правил приветствия, представления, прощания, уважительное отношение к собеседнику, использование «вежливых» слов, корректной формы для выражения несогласия [7, с. 8–10].

Таким образом, для успешного курирования группы куратор должен обладать незаурядными общими и специальными способностями. В число первых входят те, которые определяют высокие результаты в любой человеческой деятельности, а ко вторым относятся способности, от которых зависит эффективность именно в педагогической деятельности. Особый класс специальных педагогических способностей куратора составляют способности к воспитанию. Среди них в качестве главных исследователи Е. И. Ерошенкова, Л. Н. Зайнуллина, Е. Н. Кролевецкая, П. С. Медведев, Е. С. Романчук выделяют следующие:

правильно оценивать внутреннее состояние другого человека, сочувствовать, сопереживать ему (способность к эмпатии);

вызывать у студента желание и стремление к самосовершенствованию, добиваться высоких нравственных целей;

лично ориентировать воспитательный процесс;

вселять в человека уверенность (способность оказывать влияние);

эффективно общаться, находить нужный стиль общения с каждым студентом, добиваться взаимопонимания с ним (коммуникативные способности);

организовать эффективную совместную и индивидуальную деятельность студентов (организаторские способности);

вызывать к себе уважение, пользоваться неформальным признанием со стороны студента, иметь авторитет (способность быть неформальным лидером).

Придерживаться определенного имиджа преподавателю вуза всегда сложнее, чем учителю в школе: студенты более требовательны, у них

уже сформированы определенные жизненные позиции, чувство красоты, вкус. Они оценивают педагога не как дети, а с позиции взрослого человека, и преподаватель должен соответствовать их требованиям [8, с. 10–20].

Целесообразно рассмотреть некие шаги по созданию успешного имиджа куратора студенческой группы:

1) визуальная привлекательность – составная имиджа куратора. «Эффект ореола» заключается в том, что каждый куратор просто обязан быть красивым;

2) улыбка – беглая, лучистая, доверчивая, любезная, милая, суровая, усталая, отчаянная, грустная, несмелая, ослепительная, широкая, горячая... Ведь это так просто: чуть-чуть сократить некоторые мышцы лица, чуть-чуть изменить положение бровей – и все, куратор начинает нравиться людям, улыбка «открывает», делает доброжелательнее, доверительнее;

3) развитие чувства собственного достоинства и избавление от заниженной или завышенной самооценок;

4) нахождение методов мотивационной готовности к успеху и самомотивации;

5) социальная и личная ответственность («я – причина всего положительного и отрицательного в моей жизни»);

6) желание меняться;

7) проявления коммуникативных способностей: к общению со студентами – умение найти правильный подход, установить с ними целесообразные, с педагогической точки зрения, взаимоотношения;

8) изящество движений, жестов, мимики: когда куратор говорит одновременно для всех и для каждого в отдельности, его взгляд может быть лучезарным, теплым;

9) самовоспитание, самоконтроль, самоорганизация, самообразование: постоянная заинтересованность в профессиональном росте, научная и, в частности, психологическая компетентность;

10) развитие позитивного мышления, способности превращать неудачу в успех;

11) владение искусством **педагогических переживаний**, которые представляют собой сплав естественных переживаний куратора и педагогически целесообразных, способных повлиять на студентов в требуемом направлении;

12) проявление способности к **педагогической импровизации**, умение применять все разнообразие средств воздействия – убеждение, внушение, заражение, различные приемы.

Становление имиджа невозможно без самоанализа, который определяет отношение педагога



к себе как к субъекту профессиональной деятельности. Самоанализ связан с высоким уровнем творчества, мастерства, компетентности в профессиональной деятельности, способствует поиску новых форм и методов работы, необходимых для формирования исследовательского подхода куратора к собственной работе.

Куратору необходимо помнить, что его доброжелательность, искренность, естественность, открытость, тактичность, уверенность, чувство юмора будут приняты как образец правильного общения с окружающими. Кроме того, от тона куратора зависит работоспособность, внутреннее состояние и поведение студентов.

Какой же имидж куратора представляют себе студенты? Для этого нами был проведен опрос студентов 1–2-х курсов Саратовской государственной юридической академии.

*«Определенно имидж куратора или преподавателя будет играть большую роль в восприятии как внешнего вида, так и личности в целом. По сути, мы имеем представление о том, что имидж – это совокупность многих характеристик, а не только внешнего вида... Отсюда мы складываем уже образ восприятия преподавателя, куратора в полной мере. Например, если человек носит классику, то это не говорит о том, что он сразу в глазах окружающих подчеркивает сдержанность или строгость, каждый воспринимает соответствие свойств характера и внешнего вида по-разному. С моей точки зрения, преподаватели соответствующих должностей соблюдают какой-либо имидж. Это естественно складывается уже на дресс-коде того учебного заведения, где вы учитесь, если рассматривать правовой вуз, то естественно преобладает классический стиль, если рассматривать физфак, не удивительно увидеть многих преподавателей в спортивных костюмах. По моему мнению, куратор больше оставляет мнение о себе своим характером, манерой преподавания, харизмой».*

Антон Б., студент 1-го курса.

*«На мой взгляд, не очень важно, какой имидж у куратора, и так понятно, что он как преподаватель высшего учебного заведения будет по большей мере соответствовать деловому стилю. Намного важнее, чтобы куратор был отзывчив, уделял внимание не только экзаменам, но также просто интересовался, как у его группы дела, так как многие из нас – иногородние сту-*

*денты, и не всем всегда сразу так легко даётся переезд в другой город, довольно-таки приятно, что кто-то интересуется, как у тебя день прошел. Возможны небольшие советы по поводу общения с другими преподавателями».*

Эльвира Б., студентка 2-го курса.

*«Для меня имидж куратора – это, во-первых, внешний вид, так как это то, на что ты обращаешь внимание при первой встрече с куратором; во-вторых, решающим фактором является манера разговора, тембр голоса; в-третьих, куратор должен иметь чувство юмора, быть с молодежью на “одной волне”, ну и, конечно, настроение куратора немаловажно... А, еще очень приятно будет, если куратор запомнил бы всех по именам, а не выборочно».*

Лера М., студентка 1-го курса.

Работа над имиджем, безусловно, творческий процесс. Сегодня уже можно говорить о том, что это – вид искусства. Имидж – знак, символ, который является частью нашего «Я». Таким образом, современный куратор может полностью реализовать себя как личность, добиться эффективного выполнения целей обучения, организовать эффективное учебное сотрудничество и педагогическое общение. Для этого необходимо осознавать свои профессионально-личностные качества и стремиться их совершенствовать, работая над своим имиджем.

#### Список литературы

1. Бодаев А. А. Личность и общение. М., 1995. 328 с.
2. Пискунов М. С. Имидж образовательного учреждения : структура и механизмы формирования // Мониторинг и стандарты в образовании. 1999. № 5. С. 45–55.
3. Климов Е. А. Основы психологии : учебник для вузов. М., 1997. 295 с.
4. Апресян Ю. Д., Меднякова Э. М., Петрова А. В. Новый большой англо-русский словарь : в 3 т. М., 1998. Т. 2. 823 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998. 844 с.
6. Казанович С. В., Завалко Н. А. Теория и методика кураторской работы : учеб.-метод. пособие. Усть-Каменогорск, 2008. 180 с.
7. Князев С. Н. Управление : искусство, наука, практика : учеб. пособие. Минск, 2002. 512 с.
8. Чертыкова И. П. Представления студентов об имидже преподавателя вуза : дис. ... канд. психол. наук. М., 2002. 163 с.

---

#### Образец для цитирования:

Богачева Е. А. Современный имидж куратора студенческой группы // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 339–343. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-339-343

---



## Modern Image of the Curator of Student's Group

### E. A. Bogacheva

Ekaterina A. Bogacheva, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Str., Saratov, 410056, Russia, kapitolina19@yandex.ru

Article investigates a concept of the curator's image of student's group as the character created with the purpose to convey to students certain information through such external manifestations as behavior, outlook, and appearance. Undoubtedly, each teacher who is consciously choosing educational activity of coaching by the time of implementation of such choice created as the personality and is his/her identity. Choosing image, the curator is guided by the universal and pedagogical values proceeding from which his idea of that role or a mission which he has to be formed, can execute in a pedagogical situation. It is noted that the image has a powerful psychological impact on its target audience and on the curator himself. The relevance of the study, dedicated to the modern image of the curator, due to the dependence of the success of the educational process on the quality of the relationship that develop in the interaction of the curator with students. Approaches to the problem of professional image of the curator are presented. Pedagogical abilities of the curator are manifested in his desire for individuality, individual style, where the fundamental features are: the style of pedagogical communication; the choice of methods of work; the selection of means of education; features of self-presentation; features of response to emerging pedagogical situations; the use of psychological and pedagogical means of research and practice. It is concluded that all professional qualities, abilities, values together represent the image of the modern curator of the student group, including its internal and external characteristics.

**Key words:** curator of student's group, image of the curator, pedagogical abilities, technology of the curator's image.

## References

1. Bodalev A. A. *Lichnost i obshchenie* [Personality and communication]. Moscow, 1995. 328 p. (in Russian).
2. Piskunov M. S. Imidzh obrazovatel'nogo uchrezhdeniya: struktura i mekhanizmy formirovaniya [Image of educational institution: structure and mechanisms of formation]. In: *Standarty i monitoring v obrazovanii* [Standards and monitoring in education], 1999, no. 5, pp. 45–55 (in Russian).
3. Klimov E. A. *Osnovy psikhologii* [Fundamentals of psychology]. Moscow, 1997. 295 p. (in Russian).
4. Apresyan Yu. D., Mednyakova E. M., Petrova A. V. *Novyy bolshoy anglo-russkiy slovar: v 3 t.* [New big English-Russian dictionary: in 3 vols.]. Moscow, 1998, vol. 2. 823 p. (in Russian).
5. Dal V. I. *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of living great Russian language]. Moscow, 1998. 844 p. (in Russian).
6. Kazanovich S. V., Zavalko N. A. *Teoriya i metodika kuratorskoy raboty.* Ust'-Kamenogorsk, 2008. 180 p. (in Russian).
7. Knyazev S. N. *Upravlenie: iskusstvo, nauka, praktika* [Management: art, science, practice]. Minsk, 2002. 512 p. (in Russian).
8. Chertykova I. P. *Predstavleniya studentov ob imidzhe prepodavatelya vuza* [Students' ideas about the image of the University teacher]. Dis. Cand. Sci. (Psychol.). Moscow, 2002. 163 p. (in Russian).

---

### Cite this article as:

Bogacheva E. A. Modern Image of the Curator of Student's Group. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 339–343. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-339-343

---



УДК 378.14

## АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОСВОЕНИЮ ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

В. С. Логинова

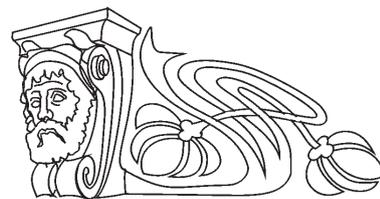
Логинова Вера Степановна, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра методологии образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, log-vs@yandex.ru

В статье представлен опыт реализации антропологического подхода в преподавании истории педагогики, подчеркивается важность ориентации на антропологический подход как в подборе содержания историко-педагогических знаний, так и в выборе технологических приемов освоения знания, в организации творческой исследовательской деятельности бакалавров, которая предусматривает овладение методами самостоятельной работы с историко-педагогической информацией, освоение вариативных приемов работы над первоисточниками, приемов конспектирования лекций, выполнение индивидуальных исследовательских заданий. Отмечается, что антропологический подход к осмыслению историко-педагогических идей предполагает обращение к проблеме личности учителя, педагога, воспитателя и личности ребенка, воспитанника в образовательном процессе, акцентирует внимание на роли и положении учителя и ученика в разные исторические периоды, на функциях педагога в различных отечественных и зарубежных концепциях воспитания и образования. С позиции антропологического подхода осуществляется персонализация истории образования и педагогической мысли, истории педагогической науки; подход позволяет подвести к осознанию и осмыслению роли и места педагогических идей и теорий, национальных традиций в становлении практики воспитания, оформлении образовательных систем, развитию педагогики как науки.

**Ключевые слова:** гуманизация образования, антропоцентрическая парадигма, антропологический подход, история образования и педагогики.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-344-348

Одна из современных проблем педагогической теории заключается в реализации антропоцентрической научной парадигмы, ориентирующей на осознание связи объекта и предмета науки с человеком: предмет науки исследуется и изучается в его неразрывной связи с человеком, в ценностном отношении к человеку. В центре внимания оказывается личность человека как субъекта, участника, организатора процесса. Это крайне актуально в условиях гуманизации современного образовательного пространства, обеспечения на этой основе единства и взаимосвязи педагогической науки и образовательной практики. На этом основано понимание гума-



низации образования как процесса развития образовательных систем с учетом признания одной из приоритетных ценностей личностей педагога и учащихся, гармонизации их интересов, взаимоотношений и условий для их развития и саморазвития [1, с. 56]. Сама педагогика входит в число человековедческих наук, так как в центре ее внимания человек, его воспитание и образование. В этой связи в полной мере справедлива известная мысль классика отечественной педагогики К. Д. Ушинского, что успех воспитания человека зависит, прежде всего, от знания о нем.

В педагогической науке антропоцентрическая парадигма реализуется через антропологический подход, который позволяет в содержании всех разделов учебной дисциплины «Педагогика», изучаемой бакалаврами по направлению «Педагогическое образование», акцентировать внимание на самом человеке, личности педагога и обучающихся, их взаимоотношениях, условиях для развития и саморазвития личности, обеспечивает расширение и углубление представлений о человеке как субъекте образовательного процесса. В свою очередь, профессионально-педагогическая подготовка учителя будет успешной благодаря глубокому осмыслению и изучению студентами человековедческих проблем, таких как факторы развития и формирования личности, особенности ее развития в разные возрастные периоды, специфика личностного становления педагога и другие.

Важное место в системе педагогических знаний занимают историко-педагогические, ориентированные на изучение истории образования и педагогической мысли. Говоря о важности изучения исторического прошлого, уместно напомнить слова известного гуманиста эпохи Возрождения М. Монтеня: «...обратившись к истории, юноша будет общаться с великими душами лучших веков» [2, с. 20]. Как справедливо заметил известный исследователь Б. М. Бим-Бад, история педагогики представляет собой «полигон для познания природы человека», а образование нельзя понять, не изучая историю воспитания и обучения, а также образовательных



институций [3, с. 22]. Этот раздел педагогики дает возможность прикоснуться к истокам науки о воспитании человека, корням человеческого знания о способах передачи опыта от одного поколения другому, о становлении практики организации взаимодействия субъектов образовательного процесса.

Особое место среди ряда научных подходов (цивилизационного, аксиологического, культурологического и др.) к преподаванию историко-педагогических знаний занимает антропологический, который позволяет углубить представление о человеке как участнике воспитательно-образовательного процесса, его индивидуальной, социальной эволюции. Этот подход реализуется, на наш взгляд, как в самом содержании изучаемых студентами историко-педагогических знаний, так и в выборе технологических приемов их освоения, в организации исследовательской деятельности бакалавров.

Актуальными с позиции антропологического подхода в ходе анализа генезиса образования как духовной сферы общества становятся человековедческие проблемы, так как Человек (ребенок, ученик, воспитанник, учитель, воспитатель) рассматривается как субъект образовательного процесса, активно деятельностная личность. Тематика лекционных и семинарских занятий включает обсуждение многоаспектной проблемы формирования человеческой личности: исторические корни возникновения идеи о личности, ее всестороннем гармоническом развитии, факторы и условия, способствующие становлению человека как общественного существа. Это способствует формированию у студентов осознанного представления о динамике педагогических взглядов на человека, его развитие, воспитание и образование в русле философских, социально-педагогических учений разных эпох [4, с.134]. На занятиях систематизируются, анализируются взгляды отечественных и зарубежных ученых, исследующих разные аспекты проблемы личности: стороны, предпосылки и факторы ее развития (древневосточные и античные мыслители, западноевропейские гуманисты эпохи Возрождения), духовно-нравственное совершенствование личности (Л. Толстой, Р. Штейнер и др.), идеи естественного свободного развития (Ж.-Ж. Руссо, М. Монтескье и др.), процесс социализации личности (Г. Кершенштейнер, П. Наторп, П. А. Кропоткин, С. Т. Шацкий и др.). В этой связи необходимо обратить внимание на становление в России во второй половине XIX – первой

четверти XX вв. научной школы педагогов-антропологов (Н. И. Пирогов, К. Д. Ушинский, К. К. Сент-Илер, М. И. Демков, П. Ф. Лесгафт, П. Ф. Каптерев и др.).

Важно подчеркнуть, что история педагогики позволяет не только изучать развитие антропологических представлений зарубежных мыслителей, но и осмыслить идеи отечественных ученых и просветителей, например, гениального хирурга и педагога Н. И. Пирогова, которые легли в основу русской школы педагогической антропологии. Идеи педагога составили основу для оформления антропологического подхода в педагогике, антропологических новаций К. Д. Ушинского и его последователей (П. Ф. Лесгафта, И. А. Сикорского и др.). Заметим, что исторически первый опыт применения антропологического принципа в России был связан с деятельностью и научными изысканиями этих выдающихся отечественных педагогов.

Интерес также представляют антропологические идеи К. Н. Вентцеля, который обращал особое внимание на врожденную активность ребенка, стремление к самостоятельности в различных видах деятельности познавательной, художественно-творческой, игровой, труде, общении. Его мысль о том, что «живой организм развивается путем жизни, функционирования, деятельности» [5, с. 15], послужила предпосылкой разработки деятельностного подхода к развитию личности, а признание права педагога на такое педагогическое воздействие, которое по своей направленности совпадает с естественными потребностями ребенка и естественной тенденцией развития личности, приобретает смысл лично ориентированного подхода, реализуемого в рамках антропоцентрической научной парадигмы. В ходе изучения становления практики отечественного воспитания особое внимание, например, уделяется антропологическим основаниям воспитательной деятельности Л. Н. Толстого в Яснополянской школе, а также реализации антропологических позиций в опыте В. А. Сухомлинского (ребенок как «уникальный мир», как высшая ценность, воспитание человеческого в человеке).

В контексте антропологического подхода рассматривается еще один важный пласт историко-педагогических знаний, тесно связанный с оформлением гуманистических позиций в образовании, – знаний о становлении педологии в России, научных знаний о методах изучения ребенка. Педологические идеи легли на подготовленную почву – теории К. Д. Ушинского о необходимости всестороннего изучения ребенка,



хотя сконцентрировалась в большей степени на изучении его психофизиологии, а не на изучении человека в целом в процессе его воспитания.

Антропологический подход к осмыслению историко-педагогических идей предполагает обращение к проблеме личности учителя, педагога, воспитателя и личности ребенка, воспитанника в образовательном процессе. Бакалавры осмысливают роль, функции и положение учителя и ученика в разные исторические периоды, интерпретируют положение учителя, наставника, воспитателя в различных отечественных и зарубежных концепциях воспитания и образования (учитель и ученик в античных образовательных системах, регламентация отношений учителя и ученика в первых школьных уставах, в учительской литературе Руси). В свое время, акцентируя внимание на многосторонних знаниях, необходимых для плодотворной педагогической деятельности, К. Д. Ушинский подчеркивал, что учителю необходимо получить серьезную «антропологическую» подготовку, т. е. он должен узнать все о предмете своего воспитательного воздействия – о человеке. Великий русский педагог указывал в своем труде «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии», что не существует такой отрасли знаний, которая в той или иной степени не касалась человека, не рассматривала его с той или другой стороны.

С позиции антропологического подхода осуществляется персонификация истории образования и педагогической мысли, истории педагогической науки, так как историю творит человек как главный ее субъект. История образования – это прежде всего люди: ученые, просветители, общественные деятели, чей вклад в развитие педагогической мысли огромен, это сами участники воспитательно-образовательного процесса – ученики, педагоги, наставники, это весь народ со своим сложившимся тысячелетиями и веками опытом воспитания, традициями взаимоотношений и взаимодействия поколений. Антропологический подход позволяет подвести бакалавров к осознанию и осмыслению роли и места педагогических идей и теорий, национальных традиций в становлении практики воспитания, оформлении образовательных систем, развитию педагогики как науки. Такой подход обуславливает проведение наряду с лекциями-обзорами эпохи, проблемными лекциями, лекциями-дискуссиями лекций по «персоналиям», «лекций-биографий», «обзорной лекции-реконструкции» с целью не только и не столько дать хронологию жизнедеятельности отдельного педагога, сколько разобраться в объективных

и субъективных предпосылках формирования его мировоззрения, педагогических взглядов, оценить личностный вклад педагога в теорию и практику воспитания, показать историческую реконструкцию отечественной педагогической мысли отдельной эпохи.

Антропологический подход к освоению историко-педагогических знаний реализуется в организации поисковой, творческой исследовательской деятельности бакалавров как субъектов образовательного процесса. Изучение истории педагогики и образования должно обеспечить профессиональное становление личности будущего учителя, не только профессионально ориентированное усвоение историко-педагогических знаний, но и овладение методами самостоятельной работы с историко-педагогической информацией, приобретение опыта исследовательской деятельности, которая предусматривает освоение приемов работы над первоисточниками (составление плана, конспекта, развернутого плана статьи, аннотации к статье, трактату, книге, отбор и формулирование тезисов), вариативных приемов конспектирования лекции (выделение базовых идей и ключевых понятий темы, обобщение фактического материала в схемы, таблицы, составление тестовых заданий по тексту лекции для само- и взаимопроверки), самостоятельную работу по подготовке к семинару (выполнение индивидуальных заданий, написание реферата).

Примерами творческих исследовательских заданий являются составление понятийного словаря по истории образования, поиск литературно-художественных аналогий научным педагогическим понятиям (работа с литературными и художественными произведениями), историко-педагогический диктант, подготовка тематики и организация историко-педагогических «дискуссионных качелей». Задания направлены на развитие и совершенствование не только исследовательских (оценить, определить, проанализировать, сравнить, обобщить, описать и т. д.), но и важных для будущего учителя коммуникативных умений общения в микрогруппе, коллективного обсуждения, дискуссии, взаимобмена информацией, а также саморефлексии.

Система заданий разрабатывается с учетом индивидуальных возможностей и интересов студентов, специфики факультета и включает: задания по отработке навыка работы с первоисточником (составить опорный конспект, схему, таблицу по вопросу, используя статью, книгу, трактат); задания, направленные на активизацию творческого мышления (интерпретировать тезисы, составить творческий портрет педагога, за-



щитить концепцию педагога, сделать сравнительно-сопоставительный анализ взглядов по проблеме, представить, т. е. описать модель типа школы, составить историко-педагогический словарь). Один из традиционных видов исследовательских заданий – написание реферата, однако выступление с рефератом персонифицировано: бакалавр выступает с рефератом от первого лица, от лица автора реферируемого труда. Темы рефератов обзорные, проблемные, персонифицированные и отражают антропологический подход в истории образования: «Антропологические идеи в трудах К. Н. Вентцеля», «Педагогическая антропология К. Д. Ушинского», «Гуманистический аспект педагогической антропологии П. Ф. Лесгафта», «Личность ребенка в педагогических идеях Л. Н. Толстого», «Национальные традиции как фактор развития личности», «Идеи педагогов-антропологов России о воспитании», «Антропологические идеи В. А. Сухомлинского» и др.

Таким образом, история образования и педагогической мысли с ее антропологическими основаниями убеждает в том, что будущему педагогу очень важно получить серьезную антропологическую подготовку, в том числе в ходе освоения историко-педагогических знаний, чтобы иметь возможность рассматривать личность как сложную, динамичную, изменяющуюся целостность. Освоение историко-педагогических знаний с позиций антропологического подхода по-

могает осмыслить представления о человеке как личности, о педагоге как личности и профессионале, о ребенке как развивающейся личности, о себе как будущем учителе, о своих возможностях и самосовершенствовании личности. Реализация антропологического подхода в образовательной практике позволяет аккумулировать целостное знание о человеке, об образовании как многогранном процессе формирования разносторонне развитой личности.

### Список литературы

1. Андреев В. И. Педагогика : учебный курс для творческого саморазвития. 2-е изд. Казань, 2000. 608 с.
2. Бархота М. П. Антропологический подход в преподавании истории педагогики // Педагогическая антропология : концептуальные основания и междисциплинарный контекст : материалы Междунар. научн. конф. (Москва, 30 сентября – 2 октября 2002 г.). М., 2002. С. 20–21.
3. Бим-Бад Б. М. Педагогическая антропология : курс лекций. М., 2002. 208 с.
4. Логинова В. С. Антропологический подход в преподавании историко-педагогических знаний в педвузе // Педагогическая антропология : концептуальные основания и междисциплинарный контекст : материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 30 сентября – 2 октября 2002 г.). М., 2002. С. 134–135.
5. Вентцель К. Н. Теория свободного воспитания и идеальный детский сад. Пг. ; М., 1923. 102 с.

### Образец для цитирования:

Логинова В. С. Антропологический подход к освоению историко-педагогических знаний в контексте гуманизации образования // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 344–348. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-344-348

### Anthropological Approach to the Development of Historical and Pedagogical Knowledge in the Context of Humanization of Education

V. S. Loginova

Vera S. Loginova, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, log-vs@yandex.ru

The article describes the experience of implementation of anthropological approach in teaching history of education, it stresses the importance of orientation to anthropological approach both in selection of content of historical and pedagogical knowledge, and in choice of technological methods of developing knowledge in organization of bachelors' creative research activity, which is aimed at developing ways to autonomously work with information on the history of pedagogy, mastering variable ways to work with original sources, skills of taking notes, completion of individual research projects. It is noted that the anthropological approach

to understanding the historical and pedagogical ideas involves access to the problem of teacher' personality, teacher educator, and personality of child in educational process, highlights the role and standing of the teacher and the pupil in different historical periods, functions of an educator in various Russian and foreign conceptions of upbringing and education. From the position of the anthropological approach it is carried out by the personification of history education and pedagogical thought, history of pedagogical science, this approach allows to sum up awareness and understanding of role and place of teaching ideas and theories of folk traditions in the development of educational practice, educational system and pedagogical science.

**Key words:** humanization of education, anthropocentric paradigm, anthropological approach, the history of education and pedagogy.

### References

1. Andreev V. I. *Pedagogika* [Pedagogy]. 2nd ed. Kazan, 2000. 608 p. (in Russian).



2. Barkhota M. P. Antropologicheskii podkhod v prepodavanii istorii pedagogiki [Anthropologic approach to teaching history of pedagogy]. In: *Pedagogicheskaya antropologiya: kontseptualnye osnovaniya i mezhdistsiplinarnyy kontekst*. Materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 30 sentyabrya – 2 oktyabrya 2002 g.) [Pedagogical anthropology: conceptual bases and interdisciplinary context. Proceedings of the International scientific conference {Moscow, 30 September – 2 October 2002}]. Moscow, 2002, pp. 20–21 (in Russian).
3. Bim-Bad B. M. *Pedagogicheskaya antropologiya: kurs lektsiy* [Pedagogical Anthropology: Course of Lectures]. Moscow, 2002. 208 p. (in Russian).
4. Loginova V. S. Antropologicheskii podkhod v prepodavanii istoriko-pedagogicheskikh znaniy v pedvuze [Anthropologic approach in teaching history of pedagogy at teacher training institute]. In: *Pedagogicheskaya antropologiya: kontseptualnye osnovaniya i mezhdistsiplinarnyy kontekst*. Materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 30 sentyabrya – 2 oktyabrya 2002 g.) [Pedagogical anthropology: conceptual bases and interdisciplinary context. Proceedings of the International Scientific Conference {Moscow, 30 September – 2 October 2002}]. Moscow, 2002, pp. 134–135 (in Russian).
5. Venttsel K. N. *Teoriya svobodnogo vospitaniya i idealnyy detskiy sad* [Theory of liberal upbringing and ideal kindergarten]. Petrograd, Moscow, 1923. 102 p. (in Russian).

---

**Cite this article as:**

Loginova V. S. Anthropological Approach to the Development of Historical and Pedagogical Knowledge in the Context of Humanization of Education. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 344–348. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-344-348

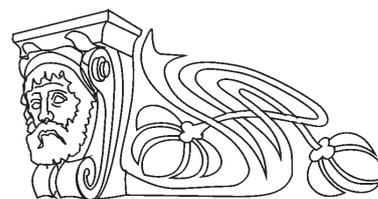
---



УДК 378.2

## К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТАНДАРТАХ В СФЕРЕ ТУРИЗМА

Н. Б. Лыгарева



Лыгарева Наталья Борисовна, старший преподаватель, кафедре экономики и экономической безопасности, Уральский государственный лесотехнический университет, Екатеринбург, ligareva@mail.ru

Проблема соответствия профессиональных и образовательных стандартов сегодня чрезвычайно актуальна. Необходимость разработки новых профессиональных стандартов обусловлена принятием обновленных образовательных стандартов, которые должны отражать требования образовательных учреждений, органов управления образованием и работодателей. Статья посвящена рассмотрению профессиональных стандартов в сфере туризма на примере профессионального стандарта «Экскурсовод (гид)» с целью дальнейшей разработки способов оценки квалификации специалистов по предоставлению туристских услуг, а также определения диагностических показателей и результатов обучения для системы профессионального образования. Раскрывается определение профессионального стандарта как характеристики квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности, в том числе выполнения определенной трудовой функции. В работе отражены как количественные, так и содержательные показатели соотношения общих требований с обобщенными трудовыми функциями, а также параметры соответствия трудовых функций трудовым действиям, необходимым умениям, знаниям и другим характеристиками. Высказано мнение о недостаточной разработанности профессионального стандарта с точки зрения его практического применения. Подчеркивается необходимость разработки и принятия новых профессиональных стандартов в сфере туризма.

**Ключевые слова:** профессиональный стандарт, образовательный стандарт, сфера туризма, компетенции, профессиональная деятельность, трудовые функции, действия, умения.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-349-353

Сегодня в законе «Об основах туристской деятельности» говорится, что «государство отчетливо видит перспективы развития туризма в РФ и создает благоприятные условия для его роста путем выделения приоритетных направлений и видов туризма, создания благоприятного имиджа страны, а также более детального и основательного подхода к вопросам безопасности путешественников как внутри страны, так и за ее пределами» [1]. Это способствует ежегодному росту числа туристических поездок, удовлетворяя потребности граждан Российской Федерации и иностранных в разнообразных целях путешествий (деловых, оздоровительных, познавательных и т. д.). Подтверждением этому являются офици-

альные данные, опубликованные на сайте Федерального агентства по туризму в разделе «Статистические показатели взаимных поездок граждан Российской Федерации и граждан иностранных государств». За 1 квартал 2017 г. количество поездок граждан РФ с туристическими целями на территорию государств дальнего зарубежья в целом увеличилось на 31%, на территорию стран ближнего зарубежья на 11% по сравнению с 1 кварталом 2016 г.) [2]. Эти показатели свидетельствуют о росте туристических поездок и, как следствие, повышающемся спросе на отдых в целом и предоставлении туристических услуг. Все это говорит о необходимости повышения уровня подготовки специалистов данной сферы и более четкого выполнения профессиональных задач, которые предъявляются к специалистам туристической отрасли.

Как указано в Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования (ФГОС ВО) – бакалавриат по направлению подготовки 43.03.02 «Туризм», работники туристической отрасли должны заниматься управлением туристической деятельностью, проведением исследования туристического рынка, организацией продаж и продвижением туристического продукта, обеспечением экономической эффективности организаций, применением законодательства Российской Федерации и норм международного права при осуществлении профессиональной деятельности, обеспечением безопасности туристов [3]. Особое значение профессиональные компетенции специалистов туристической отрасли имеют в рамках выполнения мероприятий программы РФ «Развитие культуры и туризма на 2013–2020 годы», где одним из приоритетных направлений реализации программы является совершенствование системы подготовки кадров.

Согласно образовательному стандарту, профессиональные компетенции формируются на основе профессиональных стандартов, соответствующих профессиональной деятельности выпускников, и на основе анализа требований к профессиональным компетенциям, предъявляемых к выпускникам на рынке труда [3]. Разработка новых профессиональных стандартов является необходимым условием успешного функционирования трех основных отрас-



лей – сферы образования, органов управления в сфере образования и работодателей.

Коррекция федеральных образовательных стандартов всех уровней образования, выбор форм и методов обучения в системе профессионального образования, проектирование разноуровневых учебно-методических материалов – все это может быть основой изменений, которые необходимо внести в сферу профессионального образования. Необходимость в определении реальных и измеримых конкретными показателями результатов обучения дает возможность органам управления образованием пересмотреть существующие положения, связанные с определением критериев результатов обучения. Проведение основных мероприятий, связанных с сертификацией, оценкой квалификации работников туристической отрасли, осуществляющих организацию и предоставление туристических услуг, оценка и повышение квалификации в виде прохождения курсов, дополнительных программ позволит работодателям активизировать мотивацию персонала, добиться повышения эффективности и качества выполняемых трудовых функций [4].

Для последующего анализа профессиональных стандартов в сфере туризма необходимо дать определение термина «профессиональный стандарт». Содержание данного понятия указано в ФЗ № 122-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации», где указано, что «профессиональный стандарт – характеристика квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности, в том числе выполнения определенной трудовой функции» [5]. Следовательно, опираясь на это определение, можно утверждать, что «профессиональный стандарт должен содержать конкретный перечень трудовых функций и соответствовать определенной квалификации, в свою очередь квалификация работника – это уровень знаний, умений, профессиональных навыков и опыта работы» [5].

На сайте Федерального агентства по туризму в разделе «Профессиональные стандарты в сфере туризма» представлены 2 профессиональных стандарта: «Специалист по организации и предоставлению туристских услуг» и «Экскурсовод (гид)». Официально принят только один стандарт – «Экскурсовод (гид)», который имеет свой регистрационный номер и официально утвержден [6]. Стандарт «Специалист по организации и предоставлению туристских услуг» не утвержден Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации, следовательно, может носить только ознакомительный и рекомендательный характер. Но в реестре есть несколько

стандартов, которые могут иметь прямое или косвенное отношение к сфере туризма, так как название данных стандартов опосредованно входит в определение понятия «туристская индустрия»: это такие стандарты, как: «Экскурсовод (Гид)», «Официант», «Руководитель гостиничного комплекса», «Руководитель предприятия питания». Общим с термином «туристская индустрия» нами видится наличие гостиниц и других средств размещения, предприятий питания, а также фирм, оказывающих экскурсионные услуги (гиды-переводчики), и инструкторов-проводников [2]. Данные стандарты относятся к отраслям, являющимся основными в сфере туризма и напрямую участвующим в процессе формирования туристического продукта, координируя работу транспортных компаний, предприятий питания, средств размещения, а также предприятий, предоставляющих услуги по организации экскурсий и развлечений туристов.

Очевидно, что более всего сфере туризма соответствует стандарт «Экскурсовод (гид)», что подтверждается определением понятия «экскурсовод»: «... профессионально подготовленное лицо, занимающееся деятельностью по ознакомлению экскурсантов с объектами показа в стране временного пребывания» [1]. Следовательно, без экскурсовода знакомство туристов с объектами показа не представляется возможным либо будет сопряжено с определенными трудностями.

После общей характеристики всех профессиональных стандартов, имеющих отношение к сфере туризма, перейдем к описанию стандарта «Экскурсовод (гид)». Стандарт был утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 4 августа 2014 г. № 539н. Последние изменения были внесены 12 декабря 2016 г. Данный документ является приложением к ФГОС ВО – бакалавриат по направлению подготовки 43.03.02 «Туризм» под названием «Перечень профессиональных стандартов, соответствующих профессиональной деятельности выпускников, освоивших программу бакалавриата по направлению подготовки 43.03.02 “Туризм”». Рассмотрим основные требования, по которым можно произвести общую характеристику стандарта (табл. 1).

Анализируя данные (см. табл. 1), мы пришли к следующему: 1) вызывает затруднение определение должности, на которую может претендовать выпускник вуза без опыта работы в сфере туризма, так как должность экскурсовода (гида-переводчика) требует при наличии высшего образования опыта практической работы не менее трех лет и наличия документов о прохождении дополнительных профессиональных программ; 2) самым высоким уровнем квалифи-



Таблица 1

## Соотношение общих требований с обобщенными трудовыми функциями

Требования	Обобщенная трудовая функция			
	Вспомогательная деятельность по реализации экскурсионных услуг	Организационное обеспечение экскурсионных услуг	Проведение экскурсий	Руководство экскурсионной программой
1. Уровень квалификации	4	5	6	7
2. Квалификационные требования				
Образование:				
2.1. Среднее профессиональное образование	+	+	+	–
2.2. Высшее образование	–	–	+	+
2.3. Дополнительные профессиональные программы	–	+	+	–
2.4. Опыт практической работы, лет	–	1	3	3
3. Возможные наименования должностей				
3.1. Агент по приему и обработке заказов	+	–	–	–
3.2. Организатор экскурсий	–	+	–	–
3.3. Экскурсовод, гид-переводчик,	–	–	+	–
3.4. Директор, управляющий	–	–	–	+

Примечание. 4–7: номер уровня квалификации (из функциональной карты вида профессиональной деятельности); «+» – наличие данного требования в выполнении обобщенной трудовой функции, «–» – его отсутствие.

кации является седьмой, и ему соответствует обобщенная трудовая функция, связанная с руководством экскурсионной программы (должность директора, управляющего), однако функция, связанная с проведением экскурсий, содержит самый большой список требований: высшее образование в данной сфере, прохождение дополнительных профессиональных программ (курсов повышения квалификации) и опыт работы. Следовательно, именно к должности экскурсовода (гида-переводчика) предъявлены максимально высокие требования, и она должна соответствовать самому высокому, седьмому, уровню квалификации.

Далее рассмотрим стандарт с точки зрения соотношения основных компонентов – обобщенных трудовых функций с трудовыми функциями, действиями, умениями, а также необходимыми умениями, знаниями и другими характеристиками. Представим наглядно количественные показатели всех критериев (табл. 2).

В стандарте указаны должности (возможное наименование должностей), которым соответствуют обобщенные трудовые функции, состоящие из трудовых функций, действий необходимых умений, знаний и других характеристик. Количество данных позиций везде разнообразно, как и содержание: судя по количеству трудовых

функций, отведенных на обобщенную трудовую – «Руководство экскурсионной программой» – она занимает лидирующее место [1]. Все остальные наделены ими в равном количестве, хотя, по нашему мнению, именно функция «Проведение экскурсий» должна быть главной, так как является основным видом трудовой деятельности и наиболее часто применяется. Деятельность по знакомству экскурсантов (туристов) с объектами показа полностью соответствует обобщенной трудовой функции «Проведение экскурсий»

Самое большое количество показателей по четырем параметрам соответствует одной обобщенной трудовой функции «Проведение экскурсий» (см. табл. 2). Это вполне логично и закономерно, так как именно проведение экскурсии является для экскурсовода основным видом деятельности, хотя и не единственным. Следовательно, если рассматривать трудовые функции с точки зрения количественных показателей, целесообразно было бы поставить обобщенную трудовую функцию «Проведение экскурсий» на верх в иерархической цепи (десять из десяти трудовых действий, одиннадцать из одиннадцати необходимых умений, девятнадцать из девятнадцати необходимых знаний и три из трех прочих характеристик).



Таблица 2

**Соотношение трудовых функций с трудовыми действиями, необходимыми умениями, знаниями и другими характеристиками**

Количество и процентное соотношение трудовых действий, умений, знаний и другие характеристик	Обобщенная трудовая функция								
	I			II			IV		
	Трудовая функция								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Трудовые действия	4(40)	5(50)	5(50)	4(40)	10(100)	5(50)	2(20)	6(60)	3(30)
Необходимые умения	4(36)	5(45)	6(54)	4(36)	11(100)	10(90)	3(27)	10(60)	6(54)
Необходимые знания	9(47)	9(47)	10	5(52)	6(31)	19(100)	13(68)	12(63)	12(63)
Другие характеристики	2(66)	2(66)	2(66)	2(66)	3(100)	3(100)	2(66)	2(66)	2(66)

Примечание. I–IV – обобщенные трудовые функции: I – вспомогательная деятельность по реализации экскурсионных услуг; II – организационное обеспечение экскурсионных услуг; III – проведение экскурсий; IV – руководство экскурсионной программой; 1–9 – трудовые функции: 1 – прием и обработка заказов на экскурсии; 2 – координация работы по реализации заказа; 3 – организация экскурсий; 4 – разработка экскурсионных программ обслуживания; 5 – разработка экскурсий; 6 – проведение экскурсий; 7 – определение концепции развития экскурсионной организации; 8 – осуществление общего руководства основной, административно-хозяйственной и финансово-экономической деятельностью экскурсионного подразделения; 9 – утверждение штатного расписания экскурсионной организации; в скобках – % от общего числа показателя.

Профессиональные стандарты должны учитываться образовательными организациями и при разработке дополнительных профессиональных программ. Для сферы сервиса и туризма необходимой дополнительной профессиональной программой может быть курс «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», который направлен на формирование универсальной компетенции – осуществление деловой коммуникации в устной и письменной формах. Как указано в федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации», дополнительные программы профессионального образования должны строиться с учетом квалификационных требований для соответствующих должностей и с учетом требований к профессиональным знаниями умениям и навыкам [7].

Таким образом, профессиональный стандарт является крайне важным содержательным документом, представляющим собой особо значимую информацию для органов управления образованием в сфере туризма, работников туристической индустрии, представителей профессиональных сообществ (работодателей), образовательных учреждений. Надеемся, что в скором времени в дополнении к профессиональному стандарту «Экскурсовод (гид)» в образовательном стандарте по направлению подготовки «Туризм» появится еще несколько профессиональных стандартов, напрямую отражающих специфику подготовки студентов, так как сфера туризма не может ограничиваться только подготовкой экскурсоводов или инструкторов-проводников.

Изучение их содержания и сопоставление с образовательными стандартами могут быть перспективными для дальнейшего исследования.

**Список литературы**

1. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации : Федер. закон № 132-ФЗ от 14.10.1996. (ред. от 18.04.2018). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения: 11.01.2018).
2. Статистические показатели взаимных поездок граждан Российской Федерации и граждан иностранных государств // Федеральное агентство по туризму : сайт. URL: <http://www.russiatourism.ru> (дата обращения: 20.01.2018).
3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 43.03.02 «Туризм». URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/151/150/24/93> (дата обращения: 10.01.2018).
4. Профессиональные стандарты в сфере туризма // Федеральное агентство по туризму : сайт. URL: <http://www.russiatourism.ru> (дата обращения: 15.01.2018).
5. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации : Федер. закон № 122-ФЗ от 02.05.2015. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.01.2018).
6. Об утверждении профессионального стандарта «Экскурсовод (гид)» : приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 4 августа 2014 г. № 539н. URL: <http://base.garant.ru/70737152/#ixzz54ifCmR00> (дата обращения: 12.01.2018).
7. Об образовании в Российской Федерации : Федер. закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 (ред. от 07.03.2018). URL: <http://base.garant.ru/70291362> (дата обращения: 12.01.2018).



**Образец для цитирования:**

Лыгарева Н. Б. К вопросу о профессиональных стандартах в сфере туризма // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 349–353. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-349-353

**On the Issue of Professional Standards  
in the Field of Tourism**

**N. B. Lygareva**

Natalya B. Lygareva, Ural State Forestry University, 17, Novgorodcevoij Stp., Ekaterinburg, 620072, Russia, ligareva@mail.ru

The problem of the correspondence of professional and educational standards today is extremely urgent. The need of developing the new professional standards is caused by the adoption of the renovated educational standards, which must reflect the requirements of educational establishments, control elements of formation and employers. Article is dedicated to the examination of professional standards in the sphere of tourism based on the example of professional standard "guide (guide)" for the purpose of further development of the methods of evaluating the qualification of specialists in the assignment of tourist services, and also determination of diagnostic indices and results of instruction for the system of vocational education. Is revealed the definition of professional standard as - the characteristic of qualification, necessary for worker for the realization of the specific form of the professional activity, including of the fulfillment of the specific working function. In the work are reflected the quantitative as well as meaningful indices of the relationship of general requirements with the generalized working functions, and also the parameters of the correspondence of working functions with the working actions, the necessary skills, the knowledge and other characteristics. Is expressed opinion about the insufficiently thorough study of professional standard, precisely, from the point of view of its practical application. The need for development and adopting the new professional standards in the sphere of tourism is emphasized.

**Key words:** professional standards, educational standards, tourism, competence, professional activities, duties, actions, abilities.

**References**

1. *Ob osnovakh turistskoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii: Federalnyy zakon №132-FZ ot 14.10.1996 (red. ot 18.04.2018)* (About the bases of tourist activity in the Russian Federation: Federal law no. 132-FZ of 4 October 1996 {ed. from 18 April 2018}). Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (accessed 11 January 2018) (in Russian).
2. Statisticheskie pokazateli vzaimnykh poezdok grazhdan Rossiyskoy Federatsii i grazhdan inostrannykh gosudarstv (Statistical indices of the mutual trips of the citizens of the Russian Federation and citizens of foreign states). *Federalnoe agentsvo po turizmu* (Federal agency on the tourism: site). Available at: <http://www.russiatourism.ru> (accessed 20 January 2018) (in Russian).
3. *Federalnyy gosudarstvennyy obrazovatelnyy standart vysshego obrazovaniya – bakalavriat po napravleniyu podgotovki 43.03.02 «Turizm»* (Federal state educational standard of higher education – bakalavriat in the direction of preparation 43.03.02 «Tourism»). Available at: <http://www.garant.ru> (accessed 11 January 2018) (in Russian).
4. Professionalnye standarty v sfere turizma (Professional standards in the sphere of tourism). *Federalnoe agentsvo po turizmu: sait* (Federal agency on the tourism: site). Available at: <http://www.russiatourism.ru> (accessed 15 January 2018) (in Russian).
5. *O vnesenii izmeneniy v Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii: Federalnyy zakon no. 122-FZ ot 02.05.2015* (About the introduction of changes in the Labor Code of the Russian Federation: Federal law no. 122-FZ from 2 May 2015). Available at: <http://www.consultant.ru> (accessed 12 January 2018) (in Russian).
6. *Ob utverzhdenii professionalnogo standarta Ekskursovod (gid): Prikaz Ministerstva truda i sotsialnoy zashchity RF № 539n ot 4.08.2014* (About the assertion of professional standard guide {guide}): Order of the ministry of Labor and social protection RF no. 539n. of 4 August 2014. Available at: <http://base.garant.ru/70737152/#ixzz54ifCmR00> (accessed 12 January 2018) (in Russian).
7. *Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii: Federalnyy zakon no. 273-FZ ot 29.12.2012 (red. ot 07.03.2018)* (About the formation in the Russian Federation: Federal law no. 273-FZ from 29 December 2012 {ed. from 7 March 2018}). Available at: <http://base.garant.ru/70291362> (accessed 12 January 2018) (in Russian).

**Cite this article as:**

Lygareva N. B. On the Issue of Professional Standards in the Field of Tourism. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 349–353. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-349-353



УДК 371.3+( 075.5)

## ПРОФЕССИОНАЛЬНО НАПРАВЛЕННАЯ НЕПРЕРЫВНАЯ МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА В СИСТЕМЕ «ШКОЛА – ТЕХНИЧЕСКИЙ ВУЗ» НА ОСНОВЕ УКРУПНЕНИЯ ДИДАКТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

М. А. Семина

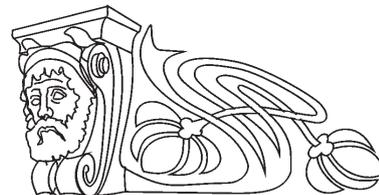
Семина Марина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра естественнонаучных дисциплин, Чистопольский филиал «Восток» Казанского национального исследовательского технического университета имени А. Н. Туполева – КАИ, [seminama@mail.ru](mailto:seminama@mail.ru)

Статья посвящена исследованию проблемы реализации профессионально направленной непрерывной математической подготовки в системе «школа – технический вуз» на основе укрупнения дидактических единиц. Приводятся результаты теоретико-методологического анализа степени разработанности проблемы; исследуется целостность профессионального образования на основе непрерывной математической подготовки. Рассмотрены система непрерывного образования и место в ней непрерывной математической подготовки. Определены основные требования и принципы проектирования современных педагогических технологий. Рассмотрены особенности применения укрупнения дидактических единиц в системе «школа – технический вуз», сформулированы и обоснованы дидактические условия реализации профессионально направленной непрерывной математической подготовки на основе укрупнения дидактических единиц, приведены результаты, подтверждающие эффективность ее применения. Подводятся итоги исследования, подтвердившего эффективность разработанных дидактических условий и профессионально направленной технологии реализации непрерывной математической подготовки, позволивших как организовать процесс профессиональной подготовки будущих инженеров-приборостроителей, так и ослабить, а в ряде случаев и снять выявленные в работе противоречия. Показано, что обучение математике следует начинать с актуализации прежних и нужных знаний, с применения универсальных математических методов. Полученные результаты могут быть использованы как при организации математической подготовки для других специальностей, так и при подготовке по другим дисциплинам учебного плана.

**Ключевые слова:** целостность образования, непрерывность образования, преемственность обучения, математическая подготовка, педагогические технологии, укрупнение дидактических единиц, система «школа – технический вуз».

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-354-358

В настоящее время возрастающий информационный поток во всех областях человеческой деятельности и социально-технологический прогресс являются определяющими в социальной и экономической жизни общества. Для современных образовательных систем основной задачей становится поиск новых форм и способов подготовки специалиста как личности и профессионала, сближения общественных и индивидуальных



запросов [1]. Решение этой задачи во многом определяется успешностью разработки *проблемы преемственности* обучения на всех этапах подготовки специалистов.

Преемственность обучения, обеспечивающая взаимосвязь различных ступеней непрерывного образования, является одним из подходов, способствующих повышению эффективности и улучшению качества учебно-воспитательного процесса. Современное состояние науки и практики ставит перед непрерывной математической профессионально направленной подготовкой задачи, требующие поиска и разработки *эффективных педагогических технологий*, оптимизации методик обучения, обеспечивающих высококачественное математическое образование *в условиях дефицита времени и возрастающего объема информации*. Необходимы новые подходы к проектированию содержания и реализации непрерывной математической подготовки, которые позволят достичь высокого качества математических знаний и умений.

Идея укрупнения дидактических единиц (УДЕ) отвечает концепции непрерывного образования. Теория УДЕ рассматривается с точки зрения ее возможностей для построения целостной современной технологии обучения (от средней школы до вуза), в максимальной степени реализующей задачу развития всех сфер личности учащегося, и прежде всего интеллектуальной. Укрупнение дидактических единиц позволяет качественно преобразовать все элементы системы обучения: от структурирования содержания образования и форм его воплощения до деятельности преподавателя и, соответственно, школьников и студентов [2].

Проблема реализации профессионально направленной непрерывной математической подготовки в системе «школа – технический вуз» на основе УДЕ остается недостаточно изученной, специальных исследований по данной тематике не проводилось. Это подтверждает актуальность темы исследования и позволяет выделить основные *противоречия* между:

объективной необходимостью широкого использования обобщенных математических методов в профессиональной деятельности со-



временных инженеров-приборостроителей и недостаточной разработанностью методик и технологий реализации этих методов в образовательном пространстве;

уровнем математических знаний и умений, математического мышления студентов, требующихся для освоения в техническом университете новой информации, и уровнем знаний, полученных в средней школе;

потребностью обеспечения непрерывности математической подготовки в системе «школа – технический вуз» и недостаточной разработанностью этой проблемы для данной системы.

Выявленные на научно-методологическом уровне противоречия позволили сформулировать **проблему исследования**: каковы дидактические условия реализации профессионально направленной непрерывной математической подготовки (НМП) в системе «школа – технический вуз» на основе укрупнения дидактических единиц (УДЕ), позволяющие обеспечить необходимый уровень математических знаний, умений и мышления.

Студенты, владея достаточным запасом математических знаний, часто не могут их использовать в необходимых ситуациях. Это, в частности, обусловлено и тем, что формирование математического аппарата в недостаточной степени ориентировано на его дальнейшее использование студентом в изучении дисциплин общеобразовательного, общепрофессионального и специального циклов, а также в будущей профессиональной деятельности специалиста. В практике математической подготовки студентов технических университетов отсутствуют системные знания по реализации научных понятий, необходимых специалистам в профессиональной деятельности.

Профессиональное образование должно быть целостным, поэтому отдельные дисциплины рассматриваются не как совокупность традиционных автономных курсов, а интегрируются в единые циклы дисциплин, связанные общей целевой функцией и междисциплинарными связями. Как фундаментальную основу цикла естественнонаучных дисциплин мы будем рассматривать математику, которая внутри цикла играет роль системообразующей науки, а на уровне дисциплины рассматривается как самодостаточная область знания.

Непрерывная математическая подготовка является основой целостности профессионального образования. Она должна вносить вклад в формирование и развитие абстрактного мышления, творческого воображения, пространственного представления, самостоятельности, творческой активности студентов. Для усвоения математического материала требуется тесная связь между репродуктивным и продуктивным мышлением

(деятельностью), при этом большое значение имеет формирование соотношения между этими компонентами. Несмотря на то, что репродуктивное мышление во многих случаях является необходимой предпосылкой для продуктивного мышления и деятельности, усиленное внимание в высшей школе следует уделять формированию продуктивного мышления (деятельности).

Общей целью в процессе подготовки специалиста является развитие способностей решать нестандартные задачи, действовать успешно в неизвестных ситуациях, выходить за пределы имеющейся информации, т. е. получать новые знания. В настоящее время ко всем видам деятельности предъявляется требование перехода на более высокий уровень – творчества [3]. Таким образом, преобладающей в преподавании имеет целевую ориентацию на подготовку творчески действующего специалиста. Интенсивное обучение позволяет перенести акцент с приращения количества знаний на умения и установки, на выработку творческого отношения к науке как продукту и способу человеческой деятельности.

В настоящее время насущной необходимостью стала глобальная математизация наук. Без предварительного математического изучения и выявления количественных зависимостей между соответствующими величинами невозможно успешно создавать новые и совершенствовать существующие технологические процессы, системы связи, транспортные средства и т. д. Возникающее при этом разнообразие математических моделей столь велико, что в курс математики, изучаемой в технических вузах, систематически приходится вводить новые разделы. Так как время, отводимое на изучение курса математики, сохраняется приблизительно постоянным, возникает ряд вопросов, касающихся методики преподавания этой фундаментальной учебной дисциплины. Для ответа на главный из них: каким образом обеспечить качественное усвоение все более возрастающего объема материала за одно и то же время обучения в вузе? – необходима перестройка не только курса математики, но и других общенаучных и специальных дисциплин, использующих математический аппарат и обеспечивающих преобладание и закрепление математических знаний.

По определению В. П. Беспалько, педагогическая технология представляет собой системную категорию, ориентированную на дидактическое применение научного знания, научных подходов к анализу и организации учебного процесса с учетом эмпирических инноваций преподавателя и направленности на достижение высоких результатов в развитии личности студента [4]. Любая технология начинается с обоснованной идеи или концепции. Когда сформулирована концепция,



возможно целеполагание как система ценностных установок, планов, программ, затем все эти элементы закладываются в алгоритм педагогической деятельности.

Основным методическим положением в любой новой педагогической технологии является активная позиция субъекта образования – преподавателя – и активная позиция обучающегося в самовоспитании, самообучении, самообразовании. Необходимо отметить, что абсолютное большинство современных образовательных технологий оснащены средствами интенсификации процесса познания.

Наибольших успехов в усвоении математических знаний можно достичь, если использовать набор специальных упражнений, сконструированных в четкой логической последовательности, представляющих собой стройную дидактическую систему. При этом на первый план выходят конкретные взаимосвязанные методы обучения: совмещенное изучение взаимозависимых обратных действий, функций, теорем, правил, законов и т. п.; рассмотрение во взаимопереходах определенных и неопределенных заданий (в частности, задач, поставленных некорректно, и дифференцированных упражнений); противопоставление исходного и преобразованного заданий; обеспечение единства процессов составления и решения задач.

Можно утверждать, что философия укрупненных дидактических единиц – это достижение целостности математических знаний как главного условия саморазвития интеллекта обучающихся. Методология УДЕ – это создание информационно совершенной последовательности тем математики, обеспечивающей целостность ее разделов. Технология УДЕ (ключевой элемент) – это упражнение – «триада», состоящая из элементов, рассматриваемых на одном занятии: а) исходная задача; б) обратная задача; в) ее обобщение. В основе УДЕ лежат принцип дихотомии и метод противопоставлений, что создает благоприятные условия при организации учебной деятельности обучающихся для использования фундаментальных закономерностей, оптимизирующих учебный процесс (закон единства и борьбы противоположностей, перемежающееся противопоставление контрастных раздражителей – И. П. Павлов), принцип обратных связей (П. К. Анохин) [2].

В основе разработки профессионально направленной НМП лежат системно-функциональный и личностно-деятельностный подходы как единая методологическая основа преподавания всех без исключения дисциплин естественнонаучного, общепрофессионального и специального циклов.

Для наиболее полной конкретизации социальных целей общества на данном этапе его развития в рамках каждого учебно-воспитательного

процесса в вузе системно-функциональный и личностно-деятельностный подходы позволяют конструировать эти цели в виде аспекта готовности студентов к определенной профессиональной деятельности. Системно-функциональный и личностно-деятельностный подходы вслед за целями позволяют решить вопрос о функциях процесса обучения математике в формировании у студентов готовности к профессиональной деятельности.

Личностно-деятельностный подход, направленный на формирование личности будущего специалиста, способствует организации личностно ориентированного обучения, близким к которому является дифференцированный подход, позволяющий учесть образовательные потребности и личностные особенности обучающихся, уровень их исходной математической компетентности, характер и степень мотивированности их математической подготовки, говорить о поиске и определении оснований для выделения групп обучающихся, отличающихся какими-либо характеристиками, и о выделении оснований для принятия решения об организации процесса дифференциации (цель, форма, содержание).

Следует отметить, что дифференцированный подход помогает своевременно выявлять индивидуальные особенности обучающихся, определяющие успех или неудачу на каждом уровне познавательного процесса, отбирать и структурировать адекватные индивидуально-дифференцированные задания, задачи, упражнения, поэтапно вводя их в учебный процесс как средство углубления познания.

Профилированный подход решает основные задачи профилированного обучения: интеграции дисциплин учебного плана данной специальности для оптимизации содержания профессиональной подготовки будущего специалиста, модернизации преподавания дисциплин на основе типовых задач, зафиксированных в профессиограмме (усилении профессиональной ориентации общенаучных и общетехнических дисциплин).

Преимуществом является необходимым условием непрерывности развития и определяется как способность к самообновлению при сохранении основы. Преимуществом в процессе преподавания означает, что каждый новый этап развития основывается на предыдущем с сохранением ценного, имеющего перспективы развития, и устранением старого, консервативного, отжившего [5]. Эффективный процесс преподавания предполагает глубокое знание форм, методов, результатов предыдущего этапа, их критическое осмысление с точки зрения нового этапа и творческое использование позитивного опыта. При отборе и структурировании содержания непрерывной математической подготовки мы рассматриваем



преимуществом как взаимосвязь системы математических знаний и способов деятельности в системе «школа – технический вуз».

В нашем исследовании принцип профессиональной направленности, предусматривающий построение учебного процесса, решающего задачи НМП, способствует профессионализации будущего специалиста.

Основу непрерывной математической подготовки составляет модель учебного процесса, базирующаяся на двух компонентах: формировании целостных системных знаний по математике за счет совмещения в ней структурно сходных понятий и закономерностей (идея теории УДЕ), профилизации в подсистеме, включающей в качестве структурных компонентов блоки – целеполагания, содержательный, технологический и результативный.

Анализ проблемы и обоснование теоретических предпосылок педагогического проектирования позволяют определить концептуальные положения построения оптимальной модели подсистемы профилизации математической подготовки: системный, программно-целевой подходы, межпредметная интеграция как системообразующий фактор педагогического проектирования, под влиянием которого перестраиваются все компоненты педагогической системы (цели, содержание, методы обучения, деятельность преподавателя и студентов), ориентация на непрерывное формирование профессионально направленной математической компетентности как интегративного стержневого компонента профессиональной компетентности студентов.

Под профессионально направленной математической компетентностью мы понимаем *владение фундаментальными математическими знаниями и умениями на уровне, достаточном для их эффективного использования при решении задач, возникающих при выполнении профессиональных функций, и для дальнейшего творческого саморазвития специалиста* [6]. Это требует, с одной стороны, повышения уровня фундаментальной математической подготовки, с другой – усиления профессиональной направленности математической подготовки студентов технического университета.

Одним из важных структурных компонентов любой педагогической системы является содержание. Для отбора содержания обучения по конкретному учебному разделу мы руководствовались критериями: целостного отражения в содержании образования задач формирования всесторонне развитой личности, высокой научной и практической значимости содержания, соответствия его сложности реальным учебным возможностям

студентов, соответствия его объема имеющемуся времени на изучение данного предмета.

На основе изложенного выше подхода к проектированию содержания непрерывной математической подготовки студентов технического университета были выделены способы профилизации учебного материала: иллюстрация и конкретизация профессионально значимого учебного материала; перенос и сравнение знаний применительно к профессиональной ситуации; изучение материала на основе использования профессиональных систем и объектов; решение задач с профессиональным содержанием на фактологическом, теоретическом, практическом уровнях профилизации.

Алгоритм педагогических действий, направленных на решение разработанных нами задач, составляющих нестандартную систему знаний, включает следующие действия: постановку учебной проблемы, суть которой предполагает использование нетрадиционных способов решения задачи; вычленение различных данных, условий, фактов, оснований, группировка этих данных; осмысление возможных путей решения задачи; изучение традиционных методов; поиск нетрадиционного пути решения; процедура решения; соотнесение данных, проверка достоверности.

Внедрение профессионально направленной НМП в учебный процесс позволило увеличить долю хороших и отличных оценок на фоне снижения удовлетворительных и неудовлетворительных. Итоги проведенного исследования, подтвердившего эффективность разработанных дидактических условий и профессионально направленной технологии реализации непрерывной математической подготовки в системе «школа – технический вуз» на основе укрупнения дидактических единиц, позволили как организовать процесс профессиональной подготовки будущих инженеров-приборостроителей, так и ослабить, а в ряде случаев и снять выявленные в работе противоречия. Полученные результаты могут быть использованы как при организации непрерывной математической подготовки для других специальностей, так и при непрерывной подготовке по другим дисциплинам учебного плана.

#### Список литературы

1. Хуснутдинов Р. Ш. Личностно ориентированное прикладное математическое образование специалистов экономического профиля (в системе «сузу – вуз»). Казань, 2003. 221 с.
2. Эрднеев П. М., Эрднеев Б. П. Укрупнение дидактических единиц в обучении математике. М., 1986. 255 с.
3. Высшее техническое образование : мировые тенденции развития, образовательные программы,



качество подготовки специалистов, инженерная педагогика / под ред. В. М. Жураковского. М., 1998. 304 с.

4. Зарипов Р. Н. Новые образовательные технологии подготовки современных инженеров. Казань, 2001. 194 с.
5. Кондратьев В. В. Вопросы преемственности преподавания математики в системе «школа – вуз» // Пре-

емственность подготовки специалистов в средней и высшей профессиональной школе. Казань, 1999. С. 37–38.

6. Бродская Т. А. Непрерывная математическая подготовка в системе «суз – вуз» на основе фундаментализации содержания (на примере подготовки специалистов нефтегазового профиля) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2005. 22 с.

#### Образец для цитирования:

Семина М. А. Профессионально направленная непрерывная математическая подготовка в системе «школа – технический вуз» на основе укрупнения дидактических единиц // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 354–358. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-354-358

#### Professionally – Oriented Ongoing Mathematical Education in «School – Technical University» System in Terms of Teaching Units Integration

M. A. Semina

Marina A. Semina, Chistopol branch «Vostok» Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev – KAI, seminama@mail.ru

The article is devoted to the study of the problem of professionally-oriented ongoing mathematical education in «school – technical University» system in terms of teaching units integration. The article gives the data of theoretically-methodological analysis of issue development degree; it examines the wholeness of professional training in terms of ongoing mathematical education. The system of ongoing education and its place in ongoing mathematical training is considered in the article. Basic requirements and design principles of contemporary pedagogical technologies are determined. The applying of special units integration in «school – technical University» system is considered, the implementation of didactic conditions of professionally-oriented ongoing mathematical education in terms of teaching units integration is formulated and proved. The results of a study confirming the effectiveness of the developed didactic conditions and the professionally oriented technology for the implementation of ongoing mathematical training are summarized. They have made it possible to organize the process of future instrument engineers' professional training, and at the same time to weaken, and in some cases, even to remove the contradictions revealed in the work. It is shown that mathematics education should begin with actualization of the previous and necessary knowledge, using universal mathematical methods. The results obtained can be used both in organizing mathematical training for other specialties, and in preparing for other disciplines of the curriculum.

**Key words:** education wholeness, education continuity, continuity training, mathematical education, pedagogical technologies, teaching units integration, «school – technical University» system.

#### References

1. Khusnutdinov R. Sh. *Lichnostno orientirovannoe prikladnoe matematicheskoe obrazovanie spetsialistov ekonomicheskogo profilya (v sisteme «ssuz – vuz»)* [Personally oriented applied mathematical education of specialists in the economic profile {in the «specialized secondary school – university» system }]. Kazan, 2003. 221 p. (in Russian).
2. Erdniev P. M., Erdniev B. P. *Ukrupnenie didakticheskikh edinits v obuchenii matematike* [Integration of didactic units in teaching mathematics]. Moscow, 1986. 225 p. (in Russian).
3. *Vysshey tehnikeskoye obrazovanie: mirovye tendentsii razvitya, obrazovatelnye programmy, kachestvo podgotovki spetsialistov, inzhenernay pedagogika* [Higher technical education: world development trends, educational programs, the quality of training specialists, engineering pedagogy]. Moscow, 1998. 304 p. (in Russian).
4. Zaripov R. N. *Novye obrazovatelnye tekhnologii podgotovki sovremennykh inzhenerov* [New educational technologies for training modern engineers]. Kazan, 2001. 194 p. (in Russian).
5. Kondratev V. V. *Voprosy preemstvennosti prepodavanya matematiki v sisteme «shkola – vuz»* [Questions of the continuity of the teaching of mathematics in the «school–university» system]. In: *Preemstvennost podgotovki spetsialistov v sredney i vysshey professionalnoy shkole* [Continuity of training specialists in secondary and higher vocational schools]. Kazan, 1999, pp. 37–38 (in Russian).
6. Brodskaya T. A. *Nepreryvnay matematicheskay podgotovka v sisteme «ssuz–vuz» na osnove fundamentalizatsii sodержanya (na primere podgotovki spetsialistov neftegazovogo profilya)* [Continuous mathematical preparation in the system «specialized secondary school – university» on the basis of the fundamentalization of content {for example, the training of specialists in the oil and gas sector}]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Pedagog.). Kazan, 2005. 22 p. (in Russian).

#### Cite this article as:

Semina M. A. Professionally – Oriented Ongoing Mathematical Education in «School – Technical University» System in Terms of Teaching Units Integration. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 354–358. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-354-358



## НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 37.01

### ГУМАНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА: ИТОГИ МЕЖДУНАРОДНОГО ФОРУМА

Е. А. Александрова

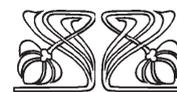
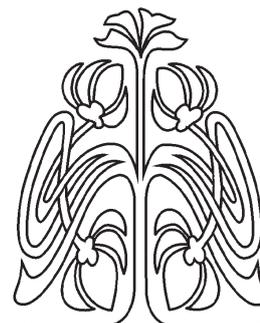
Александрова Екатерина Александровна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, alexkatika@mail.ru

Состоявшийся международный форум «Гуманизация образовательного пространства» позволил актуализировать и обсудить ряд вопросов, связанных с выявлением и конкретизацией методологических оснований воспитания, развития и обучения личности в изменяющемся образовательном пространстве. Направления работы форума были ориентированы на обсуждение методологических вопросов, связанных с разработкой стратегий гуманизации и гуманитаризации образования с позиций средового, этнокультурного, экологического и проектного подходов, его филологической парадигмы. С позиций этих подходов были сделаны попытки осмыслить такие фундаментальные проблемы педагогической науки, как: выявление методологических оснований формирования и развития воспитывающего пространства, в том числе возможность сравнительного анализа подходов к гуманизации образовательного пространства, систематизации научных представлений об организации воспитательного и учебного процессов в современном образовательном пространстве.

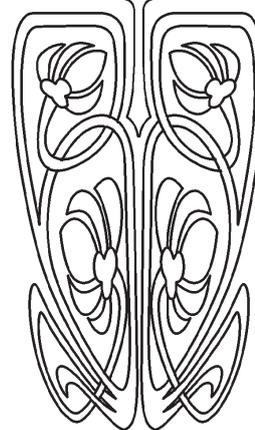
5–16 марта 2018 г. состоялся Международный форум «Гуманизация образовательного пространства» (далее – Форум), организатором которого выступил Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО (г. Москва). Форум явился логическим продолжением ранее проведенных в Саратовском университете международных конференций (2005–2012, 2016 гг.), посвященных изучению проблем гуманизации образовательного пространства, в частности, возможностей и рисков продуктивного образования. Материалы этих конференций опубликованы в 5 выпусках журнала «Новые ценности образования» и в 14 выпусках альманаха «Продуктивное образование», которые вызвали широкий отклик со стороны научной общественности. Основной целью Форума явилось обсуждение методологических оснований воспитания, развития и обучения личности в изменяющемся образовательном пространстве.

Был осуществлен сравнительный анализ подходов к гуманизации образовательного пространства, представлены результаты систематизации научных представлений об организации воспитательного и учебного процессов в современном образовательном пространстве, проанализированы стратегии гуманизации и гуманитаризации образования с позиций средового, этнокультурного, экологического и проектного подходов, его филологической парадигмы.

Мероприятия, проводимые в рамках Форума, способствовали и решению ряда актуальных научно-методических проблем: исследованию механизмов и технологий модернизации образовательного пространства в условиях инклюзивного обучения; выявлению возможностей воспитания и обучения дошкольников и младших школь-



ПРИЛОЖЕНИЯ





ников в условиях образовательного пространства поликультурного региона; анализу ресурсов образовательных организаций и учреждений культуры в системе подготовки будущего педагога и психолога образования; консолидации научных усилий лингвистов, литературоведов, методистов, педагогов для решения основных проблем современного филологического образования, выявлению актуального круга проблем преподавания словесности в школе и вузе.

Работа Форума проводилась в режиме трех пленарных заседаний, восьми мастер-классов, двенадцати секций, вебинара и трех видеолекций.

Было зарегистрировано 393 заявки, в том числе и от представителей научных и образовательных организаций Белоруссии, Казахстана, России, Чехии и др. География российских участников представлена городами – Астраханью, Владимиром, Волгоградом, Вологдой, Воронежем, Екатеринбург, Ельцом, Камышином, Краснодаром, Красноярском, Курском, Москвой, Новосибирском, Оренбургом, Пензой, Ростовом-на-Дону, Санкт-Петербургом, Саратовом, Тюменью, Ульяновском, а также городами Саратовской области: Вольском, Красноармейском, Хвалынском, Энгельсом и др.

Участники конференции представили следующие научные и образовательные организации: Академию социального управления (Москва), Академию дополнительного профессионального образования (кафедра практической логопедии и детской речи, Москва), Детский сад комбинированного вида № 232 (Саратов), Детский сад комбинированного вида № 170 (Саратов), Детский сад компенсирующего вида № 126 (Саратов), Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, среднюю общеобразовательную школу села Перекопное Ершовского района Саратовской области им. Героя Советского Союза В. И. Киреева, Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО (Москва), Центр развития ребенка – детский сад № 215 «Капельки солнца» (Саратов), Красноярский краевой институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, Дворец творчества детей и молодежи (Саратов), Дом детского творчества Волжского района (Саратов), Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина (Саратов), Международный культурный институт «Ключ» (Прага, Чешская Республика), Институт истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета, Медико-биологический лицей (Саратов) и многие другие образовательные организации Саратовской области.

Приветствовал гостей и участников конференции проректор по научно-исследовательской работе Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского *А. А. Короновский*, который особо отметил целеполагающее значение Форума в связи с тем, что «гуманизация образовательного процесса сегодня – основополагающий фактор модернизации образования в целом».

Значимость нового взгляда на процессы образования была подчеркнута и в приветственном адресе депутата Государственной думы, заместителя председателя комитета Государственной думы по образованию и науке *Л. Н. Тутовой*, который озвучила председатель Совета регионального отделения Всероссийской общественной организации «Воспитатели России» *Е. В. Иванова*.

В рамках пленарных заседаний тема гуманизации образовательного пространства звучала в докладах: «Профессионализм педагога как воспитателя в современных условиях: проблемы и перспективы» *Татьяны Александровны Ромм*, доктора педагогических наук, профессора, заведующей кафедрой педагогики и психологии Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета; «Международные детские и молодежные проекты, способствующие укреплению мира и сотрудничества: традиции и поиск нового формата взаимодействия» *Анны Евсиной* из Международного культурного института «Ключ» (Прага, Чешская Республика); «Парадоксы гуманизации воспитывающей среды» *Екатерины Александровны Александровой*, доктора педагогических наук, профессора, заведующей кафедрой методологии образования Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; «Обучающие проекты как пространство для развития деятельностного подхода у студентов и преподавателей (в рамках обновленного содержания образования в Республике Казахстан)» *Светланы Мендыгалиевны Бахишевой*, директора Департамента по контролю в сфере образования Западно-Казахстанской области (Уральск, Казахстан); «Социально-психологические факторы гуманизации образовательной среды» *Марины Владимировны Григорьевой*, доктора психологических наук, профессора, заведующей кафедрой педагогической психологии и психодиагностики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; «Наставничество в системе профессионального роста молодых педагогов: традиции и современное переосмысление» *Мариш Павловны Зиновьевой*, кандидата педагогических наук, доцента,



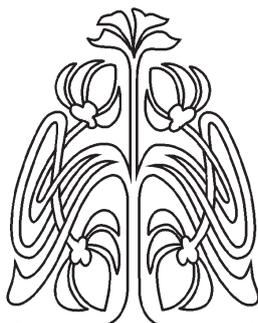
заведующей кафедрой педагогики детства на базе гимназии № 7 Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; «Возрождение системы наставничества в рамках гуманизации процесса взаимодействия субъектов современной системы образования» *Александра Георгиевича Носова*, кандидата педагогических наук, доцента Поволжского института управления имени П. А. Столыпина (Саратов).

По завершении пленарного заседания работа Форума продолжалась в режиме всероссийской научно-методической конференции «Проектная деятельность в образовательном пространстве современной школы», всероссийской научной конференции «Проблемы филологического образования», городского фестиваля логопедического мастерства, мастер-классов, секций, вебинара, видеолекций, междисциплинарных семинаров.

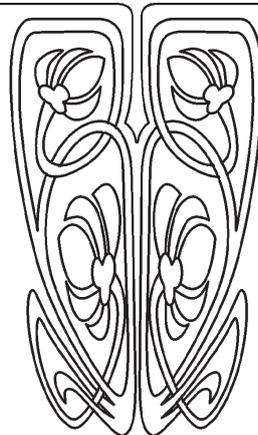
По проблемам Форума сотрудниками отраслевого учебного отдела общественных и педагогических наук Зональной научной библи-

отеки СГУ имени В. А. Артисевич подготовлена выставка «Становление и развитие идей гуманистической педагогики в России».

Участники конференции подчеркнули, что их общение проходило в атмосфере научного диалога и понимания. По итогам конференции будет издан электронный сборник научных статей. Сборник планируется разместить на сайте конференции: <https://www.sgu.ru/conference/mezhdunarodnyy-forum-gumanizaciya-obrazovatel'nogo>. Часть материалов конференции будет также опубликована в журналах, главные редакторы которых выразили желание оказать конференции информационную поддержку: «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия. Акмеология образования. Психология развития» (Izvestiya of Saratov University. New Series, Series Educational Acmeology. Developmental Psychology, «Сибирский педагогический журнал» (Siberian Pedagogical Journal) (оба журнала входят в перечень ведущих рецензируемых научных изданий ВАК).



**ПОДПИСКА**



**Подписка на I полугодие 2019 года**

Индекс издания в объединенном каталоге  
«Пресса России» 36014, раздел 30  
«Научно-технические издания.  
Известия РАН. Известия вузов»

Журнал выходит 4 раза в год

Цена свободная

Оформить подписку онлайн можно  
в интернет-каталоге «Пресса по подписке» ([www.akc.ru](http://www.akc.ru))

**Адрес редакции:**

410012, Саратов, Астраханская, 83;

**Тел.:** +7 (845-2) 51-45-49, 52-26-89

**Факс:** +7 (845-2) 27-85-29

**E-mail:** [izvestiya@sgu.ru](mailto:izvestiya@sgu.ru)

**Адрес редколлегии серии:**

410012, Саратов, Астраханская, 83,

СГУ имени Н. Г. Чернышевского,  
философский факультет

**Тел./факс:** +7 (845-2) 22-51-12

**E-mail:** [aporia@inbox.ru](mailto:aporia@inbox.ru)

**Website:** <http://phpp.sgu.ru>